

ISSN 2218-7405 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Основан в 2009 г.
Том 9, № 12, 2018

Главный редактор – **В.Н. Абросимов**
Зам. главного редактора – **Т.А. Магсумов, П.А. Кисляков**
Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**
Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**
Корректор – **Зливко С.Д.**
Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**
Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF EDUCATION AND PSYCHOLOGY

Founded in 2009
Volume 9, Number 12 2018

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**
Deputy Editors – **T.A. Magsumov, P.A. Kislyakov**
Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**
Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**
Language Editor – **S.D. Zlivko**
Design and Layout – **R.V. Orlov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**

Красноярск, 2018
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2018
Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 9, № 12, 2018, 238 с.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-39175 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2218-7405).

Журнал выходит ежемесячно

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,242.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Russian Journal of Education and Psychology, Volume 9, Number 12, 2018, 238 p.

The edition is registered (certificate of registry EL № FS 77-39175) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2218-7405).

The journal is published monthly

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,242.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

<http://ej.soc-journal.ru/>

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Bădicu Georgian – Ph.D., Professor, Transilvania University from Brasov (Брашов, Румыния);

Аминов Тахир Мажитович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация);

Бобкова Елена Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и менеджмента, Самарский филиал Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Самара, Российская Федерация);

Волкова Марина Владиславовна – доктор педагогических наук, директор ЧУ "НИИ Педагогики и Психологии" (Чебоксары, Российская Федерация);

Гайфутдинов Азат Минабутдинович – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по учебной работе, Набережночелнинский государственный педагогический университет (Набережные Челны, Российская Федерация);

Денисенко Фелицата Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик ФГБОУ ВО "Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева" (Красноярск, Российская Федерация);

Дьячков Алексей Анатольевич – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной психологии, Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Зосименко Оксана Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой педагогики, специального образования и менеджмента, член-корреспондент Академии международного сотрудничества по креативной педагогике, Сумский областной институт последипломного педагогического образования (Сумы, Украина);

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВО «Ухтинский государствен-

ный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация);

Ившина Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, директор Научно-технической библиотеки КНИТУ-КАИ им.А.Н.Туполева (Казань, Российская Федерация);

Каменский Алексей Михайлович – доктор педагогических наук, доцент, директор ГБОУ лицея №590 Красносельского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация);

Мухина Татьяна Геннадьевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского" (Нижегород, Российская Федерация);

Наумов Петр Юрьевич – кандидат педагогических наук, помощник начальника отделения правовой работы ФГКУЗ "Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации" (Балашиха, Московская обл., Российская Федерация);

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация);

Синагатуллин Ильгиз Миргалимович – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и методики начального образования, Бирский филиал Башкирского государственного университета (Бирск, Российская Федерация);

Соловьев Александр Николаевич – доктор педагогических наук, декан факультета довузовской подготовки, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (Москва, Российская Федерация);

Сорокоумова Светлана Николаевна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии и реабилитационных технологий, ФГБНУ "Федеральный научно-клинический центр реаниматологии и реабилитологии" (Москва, Российская Федерация);

Трушников Денис Юрьевич – кандидат педагогических наук, зам. по УМР, Государственное автономное общеобразовательное учреждение Тюменской области «Физико-математическая школа» (Тюмень, Российская Федерация);

Тухватуллин Булат Талирович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры автомобилей, бронетанкового вооружения и техники, Новосибирский военный институт им. генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (Новосибирск, Российская Федерация);

Финогенова Ольга Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Института педагогики, психологии и социологии ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация);

Фролов Илья Николаевич – кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (Липецк, Российская Федерация);

Чернявская Валентина Станиславовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры философии и юридической психологии, ФГБОУ ВО "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса" (Владивосток, Российская Федерация);

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО Нижегородская ГСХА (Нижний Новгород, Российская Федерация);

Шмелева Елена Александровна – доктор психологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Ивановский государственный университет" (Шуя, Российская Федерация).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

PSYCHOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-6-18

УДК 159.99

ИГРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Андросова Ю.В.

Цель. Выявление факторов, влияющих на снижение уровня владения родным (якутским) языком у детей дошкольного возраста, воспитывающихся в моноэтнических семьях, дошкольных образовательных учреждениях с родным языком воспитания, и возможного механизма их решения.

Методы. Стандартизированная беседа с детьми, наблюдение за игровой деятельностью, опрос родителей, метод статистической обработки.

Результаты. Факторами, влияющими на снижение уровня владения родным языком у детей являются: интенсивное вторжение информационных технологий на русском и иностранном языках в детскую субкультуру; вытеснение из неё народных и традиционных сюжетно-ролевых игр на родном языке; сокращение времени общения детей и родителей в семье.

Вывод. Игровая деятельность может стать эффективным механизмом формирования сбалансированного двуязычия у детей.

Область применения. Результаты могут быть востребованы в комплексном обогащении содержания игровой деятельности детей с учетом развития раннего национально-русского двуязычия.

Ключевые слова: детский билингвизм; детская субкультура; игровая деятельность; условия игры; сюжет игры; содержание игры.

GAME PREFERENCES OF PRE-SCHOOL CHILDREN IN A BILINGUAL ENVIRONMENT

Androsova Y.V.

Purpose. *The article is devoted to the problem of the formation of bilingualism in children of preschool age. Objective: to identify factors affecting the decrease in the level of knowledge of the native (Yakut) language in children of preschool age. The plots and content of the play activity of children brought up in mono-ethnic families, pre-school educational institutions with the native language of upbringing are analyzed, their play preferences are revealed.*

Method or methodology of carrying out work. *The article used a set of research methods, including: standardized conversation with children, observation of gaming activities, a survey of parents, a method of statistical processing.*

Results. *The main factors affecting the decrease in the level of knowledge of the mother tongue in children are: intensive invasion of information technologies into the children's subculture; ousting from it folk games, traditional plot-role-playing games; reducing the time of communication between children and parents in the family. Play activity should be considered as one of the effective mechanisms for the formation of a balanced bilingualism in children.*

Conclusion. *Playing activity can be an effective mechanism for the formation of a balanced bilingualism in children.*

Scope of results. *In the complex enrichment of the content of children's play activity, taking into account the development of early national-russian bilingualism.*

Keywords: *children's bilingualism; children's subculture; game activity; game conditions; game plot; game content.*

Введение

Игра является наиболее универсальным видом деятельности, интенсивно и комплексно развивающим высшие психические функции

(память, внимание, мышление, восприятие, воображение и речь) [7, 15] и физические качества (ловкость, быстрота, сила, выносливость, гибкость) личности в дошкольном и младшем школьном возрасте [12]. В этот период закладывается фундамент всестороннего и гармоничного развития человека, его потребностно-мотивационной, когнитивно-познавательной, эмоционально-волевой, морально-нравственной, экзистенциально-бытийной, действенно-практической, межличностно-социальной сфер, наряду с которыми обогащается словарный состав и формируется грамматический строй речи [16].

В этом процессе важное значение имеют сюжет, содержание и качество различных форм игровой деятельности детей, воспроизведение ими в игре жизненной действительности, реального мира взрослых, подражание их повседневной трудовой и общественной жизни [14].

Между тем, в последние годы принципиально изменилась основная структура (условия, сюжет и содержание) традиционных форм игровой деятельности, которые обеспечивали полноценное личностное и психическое развитие детей на протяжении многих веков [2, 10]. Не только традиционная игра, но и совместная деятельность детей и взрослых, а также продуктивные виды детской деятельности во многом вытеснены просмотром мультфильмов и компьютерными играми [3]. Современные дошкольники 3–6 лет заняты просмотром телевизоров, в частности мультфильмов, в среднем 3–4 часа в день, около 25 часов в неделю. Это намного превосходит время их общения со сверстниками и взрослыми [8].

Таким образом, мультфильм стал для ребёнка одним из основных носителей и трансляторов представлений о мире, об отношениях между людьми и нормах их поведения. Кроме того, рыночная индустрия продвижения мультфильмов запустила производство и распространение линейки «мультишных игрушек» - персонажей мультфильмов, их спутников и многочисленных аксессуаров. Такие игрушки, изображающие героев мультфильмов, стали своеобразными носителями социальных культурных норм и ценностей [11, с. 68].

Компьютеры, планшеты и смартфоны сегодня также являются неотъемлемой частью уклада жизни каждой семьи. Начиная с до-

школьного возраста, дети приобщаются к новому виду деятельности – компьютерной игре [5, с. 20]. Мобильные интернет-устройства для маленьких детей становятся источником сенсорных впечатлений, потребление которых превращается в самостоятельный род занятий. Экраны планшетов подменяют для малышей физическую активность, предметную и продуктивную деятельность, игру, общение с близкими взрослыми [9, с. 28]. Компьютерная игра способна полностью завладеть вниманием ребенка – механизм «погружения», или «иммерсии» (от англ. Immersion) [19].

Современные психологические исследования отмечают следующие особенности развития детей дошкольного возраста, подрастающих в век информационных и цифровых технологий: недоразвитие мелкой и крупной моторики, пространственного образа себя, несформированность телесного самовосприятия, произвольного поведения, трудности в освоении письма, задержка речевого развития [18]. Овладение речью в раннем возрасте происходит в живом, непосредственном общении, когда малыш не только слушает чужие слова, но и отвечает другому человеку, когда он сам включен в диалог [13]. Причем, включен не только слухом и артикуляцией, но и всеми действиями, мыслями и чувствами [9, с. 29].

Постановка цели исследования

Исходя из этого, можно предположить, что мультфильмы и компьютерные игры могут оказывать существенное влияние не только на гармоничное всестороннее развитие детей [17], в том числе речи, но и на формирование сбалансированного двуязычия у подрастающего поколения.

В последние годы в нашей республике среди детей дошкольного возраста наблюдается резкое снижение уровня владения родным (якутским) языком, вместе с этим возросло беспокойство родителей, педагогов и общества в целом за сохранение родного языка [4, с. 164]. Наше исследование, проведенное в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации по теме «Проектирование технологии билингвального

обучения, реализуемой в общеобразовательных организациях в условиях функционирования двух государственных языков», выявило общее снижение качества владения детьми 5–9 лет родным (якутским) языком и преобладание использования русского языка в неформальном общении и игровой деятельности [1].

В связи с этим целью данного исследования стало выявление основных факторов, влияющих на снижение уровня владения родным (якутским) языком у детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях национально-русской билингвальной среды, и возможного механизма ее решения. Для этого поставили задачу – проанализировать особенности сюжетов и содержания игровой деятельности детей старшего дошкольного возраста, воспитывающихся в моноэтничных якутских семьях и посещающих дошкольные образовательные учреждения с родным (якутским) языком воспитания, и выявить их игровые предпочтения.

Мы выдвинули гипотезу, что основной причиной снижения уровня владения родным языком у детей в условиях билингвальной среды может стать трансформация традиционных форм и содержания детской субкультуры, в которой активно развивается речь детей, в частности преобладание использования второго (русского) языка детьми в игровой деятельности.

Описание и результаты исследования

Для выявления игровых предпочтений, сюжетов и содержания игр детей старшего дошкольного возраста, а также для подтверждения гипотезы нами проведено исследование с использованием следующих вербально-коммуникативных методов: стандартизированная беседа с детьми, анкетирование родителей, наблюдение за игровой деятельностью детей в свободное время. Беседа исследователя с детьми «Мои любимые игры и игрушки» состояла из 9 открытых вопросов, сформулированных с учётом характеристики игровой деятельности [6, с. 12]. Для анкеты родителей были сформированы 10 открытых и закрытых вопросов, направленных на выявление особенностей игровой деятельности в условиях семейного

воспитания. Наблюдения за игровой деятельностью детей проводились в игровых зонах групп дошкольных учреждений, где имелись необходимые предметы для наиболее важных видов игровой деятельности. При организации наблюдения за игрой детям предлагалось в течение 30 минут поиграть в любую игру.

Всего в исследовании приняли участие 60 детей и 60 родителей. Участники исследования – это дети старшего дошкольного возраста, посещающие детские сады г. Якутска с якутским языком воспитания.

В результате анализа материалов беседы с детьми получены следующие выводы:

- большинство мальчиков (81%) указали, что любят играть в супер-героев (Человек-паук, Черепашки Ниндзя и др.), а девочки (78%) предпочитают играть в сюжетно-ролевые игры с куклами (куклы «Барби», «Лол»);
- основная часть мальчиков любимыми игрушками называли конструкторы «Лего», роботы-трансформеры, машины, девочки предпочитают играть с куклами Лол или Бэби Борн, животными Пет Шоп;
- 79% детей ответили, что им интереснее играть со своими друзьями, братьями/сестрами, и только 21% сказали, что любят играть со своими родителями;
- 65% мальчиков 6-7 лет хотят быть в игре Человеком-пауком, Майнкрафтом, а более старшие предпочитают быть в игре военным из компьютерной игры «Контр-страйк»;
- 73% девочек (вне зависимости от возраста) в игре видят себя принцессами/феями из разных мультфильмов;
- большинство опрошенных детей ответили, что сами придумывают игры, в которые играют;
- сюжеты и сценарии игр преимущественно построены на основе популярных мультфильмов (супер-герои, фантастические и магические сюжеты и пр.);
- 89% детей не знают ни одну якутскую национальную игру, только 11% детей учили в детском саду настольным играм «хабылык», «хаамыска»;

– предпочитаемый язык общения в игре у всех детей – русский. Результаты наблюдения, анализа игровой деятельности детей в свободное время показали следующие данные:

- среди девочек (86%) наиболее популярными оказались традиционные игровые сюжеты в семью: кормление, укладывание спать, прогулка, купание ребенка и другие;
- мальчики часто (около 72%) выбирают сюжеты, связанные с мультфильмами (Человек-паук, роботы и др.), компьютерными играми и их персонажами, игры, связанные с защитой и нападением «охотники за зомби», погоня за преступниками и другие.

Анализ данных анкетирования родителей показал следующие результаты:

- на вопрос: «Часто ли ваш ребенок играет дома?» – 87,4 % родителей ответили утвердительно, 12,6 % – дали отрицательный ответ;
- на вопрос: «Разрешаете ли Вы играть ребенку в какие-то интересные для него игры, но которые не нравятся Вам?» – 43% родителей признались, что «да, разрешаю», а 57% – ответили отрицательно;
- на вопрос «Сколько времени в день играет Ваш ребенок самостоятельно?» – 56% родителей указали, что самостоятельной игре их ребенок уделяет от 1 до 2 часов в день, а остальные 44% отметили – более 2 часов;
- 57% родителей отметили, что их ребенок предпочитает компьютерные игры, 36% – сюжетно-ролевые и 7% – дидактические игры (см. рис. 1).
- большинство родителей (87%) подтвердили, что игровые сюжеты их ребенок «берет» из телевидения и интернета;
- на вопрос «На каком языке разговаривает Ваш ребенок, когда играет со своими сверстниками?» – 67,5% респондентов ответили, что на русском, 13,5% – на якутском, 9% – смешивает языки и 10% ответили, что ребенок меняет языки по ситуации;

- основная часть детей (80%) не умеет играть в национальные якутские игры, а остальные дети (20%) играют в настольные национальные игры (хабылык, хаамыска);
- многие родители вспомнили много игр, адаптированных на якутский язык, в которые играли в детстве «Казачки и разбойники», «Лапта», «Классики», «Резиночки», «Белки и орешки» и другие;
- 72% опрошенных родителей отметили, что не уделяют внимания совместной игре с ребенком.

На основе полученных результатов сформирована таблица предпочитаемых игр детей дошкольного возраста (см. табл. 1).

Таблица 1.

Компоненты игры	5-6 лет (старший дошкольный возраст)
Сюжет	Мальчики предпочитают сюжетно-ролевые игры в супер-героев, роботов, а также строительные игры в конструкторы типа «Лего». Девочки предпочитают сюжетно-ролевые игры – «Семья», «Магазин», «Фантастическая жизнь фей», «Детский сад» и пр.
Содержание	Мальчики, играя в супер-героев, роботов, изображают себя этими героями: имитируют войну между собой, прыгают и показывают трюки, используют имитации мечей и автоматов. Строят автопарки, города для роботов конструкторами «Лего». Девочки в сюжетных играх в «семью» кормят, укладывают спать фигурки из киндер-сюрпризов и миниатюрных персонажей кукол Лол, делают домики, обставляют их мебелью.

Как показывают результаты сравнительного анализа результатов беседы с детьми, анкетирования родителей, наблюдения за игровой деятельностью детей, большинство детей предпочитают играть в игры и игрушки, связанные с мультфильмами и героями компьютерных игр. Основная часть детей не умеет играть в якутские национальные игры, в игре не используют сюжеты, связанные с традиционным якутским укладом жизни. Родители не придают серьезного значения детской игре как благоприятной «территории» развития ребенка, в том числе и речевого.

Заключение

Таким образом, результаты исследования подтвердили гипотезу, выдвинутую нами, и выявили следующие факторы, влияющие на снижение уровня владения родным (якутским) языком у детей дошкольного и младшего школьного возраста в условиях билингвальной среды:

1) Интенсивное вторжение информационных технологий в детскую субкультуру, преобладание познавательного и игрового контента на русском языке.

2) Вытеснение традиционных форм и содержания детской субкультуры, в которой важное место занимали народные игры, традиционные сюжетно-ролевые игры, детский фольклор, передаваемые с поколения к поколению, и оказывавшие значительное влияние на языковую установку (языковой приоритет) и речевое развитие детей.

3) Значительное сокращение времени непосредственного живого общения и совместной деятельности детей и родителей в семье, являющегося основным средством передачи родного языка к подрастающему поколению.

С учётом результатов проведённого исследования и особенностей ведущей деятельности детей дошкольного возраста, в которой развиваются основные психические процессы, в том числе речь, игровую деятельность необходимо рассмотреть одним из эффективных механизмов формирования сбалансированного двуязычия у детей.

Очевидно, что недостаточность в современной детской субкультуре национальных игрушек и игр, в том числе адаптированных на якутский язык, а также познавательного и игрового контента в интернете оказывают значительное влияние на сбалансированное речевое развитие детей дошкольного возраста в условиях билингвальной среды (язык игровой деятельности у всех исследованных детей преимущественно русский).

Расширение форм и комплексное обогащение всех компонентов игровой деятельности с учетом развития раннего национально-русского и русско-национального двуязычия у детей дошкольного возраста, должно стать приоритетной задачей семьи и образовательных

организаций, а также производителей детских познавательных и игровых продуктов.

Список литературы

1. Андросова Ю.В. Модель психолого-педагогического сопровождения билингвального образовательного процесса // Научное мнение. 2016. №16. С. 126–130.
2. Дубнякова А.И. К проблеме игровой деятельности современных дошкольников // Вестник Псковского государственного университета. 2009. С. 178–179.
3. Жигадлова И.В. Организация игровой деятельности с дошкольниками в соответствии ФГОС // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т.46. С. 133–135.
4. Иванова Н.И. Языковые установки саха в сфере образования в контексте современных экстралингвистических реалий (По материалам опросов в г. Якутске) // Новые исследования Тувы. 2018. №1. С. 164.
5. Коркина А.Ю. Критерии психологической оценки компьютерных игр и развивающих компьютерных программ // Психологическая наука и образование. 2008. №3. С. 20.
6. Новиков А.М. Методология игровой деятельности. М.: Издательство «Эгвес», 2006. 48 с.
7. Сиротюк А.С. Роль игровой деятельности в психическом развитии детей дошкольного и младшего школьного возраста // Современное дошкольное образование. Теория и практика. 2014. №3. С. 32–33.
8. Смирнова Е.О., Лаврентьева Т.В. Дошкольник в современном мире. Книга для родителей. М.: Дрофа, 2006. 272 с.
9. Смирнова Е.О. Современная детская субкультура // Консультативная психология и психотерапия. 2015. №4. С. 28.
10. Собкин В.С., Казначеева К. Игровые предпочтения современных дошкольников (по материалам опроса родителей) // Психологическая наука и образование. 2011. № 2. С. 56–67.
11. Соколова М.В. Персонажи современных мультфильмов в играх и игрушках детей // Психологическая наука и образование. 2011. № 2. С. 68–69.

12. Степанова О.А., Вайнер М.Э., Чутко Н.Я. Теория и методика игры. Учебник и практикум, 2-е издание. 2018. 264 с.
13. Харитоновна Е.А., Лобырь А.Н. Влияние игровой деятельности на развитие речи на детей преддошкольного и дошкольного возраста // Вестник Смоленской медицинской академии. 2003. №4. С. 84–85.
14. Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 360 с.
15. Bjorkland D.F. and Pellegrini A.D. Child development and evolutionary psychology. *Child Development* 71. 2000.1808 p.
16. Fein G. G. Pretend play in childhood. *Child Devel.*, 1981, v. 52, pp. 1095–1118.
17. Gee J.P. What Video Games Have to Teach us about Learning and Literacy. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 256 p.
18. Gordon Neufeld, Gabor Mate, M.D. Hold On to Your Kids: Why Parents Need to Matter More Than Peers: Knopf Canada, 2011. 352 p.
19. Green S.C., Bavelier D. Action video game modifies visual selective attention // *Nature*. 2003. Vol. 423, pp. 534–537.

References

1. Androsova Yu.V. Model' psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya bilingval'nogo obrazovatel'nogo protsessa [Model of psychological and pedagogical support of the bilingual educational process]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion]. 2016. №16, pp. 126–130.
2. Dubnyakova A.I. K probleme igrovoy deyateli'nosti sovremennykh doshkol'nikov [To the problem of gaming activities of modern preschoolers]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Pskov State University]. 2009, pp. 178–179.
3. Zhigadlova I.V. Organizatsiya igrovoy deyateli'nosti s doshkol'nikami v sootvetstvii FGOS [Organization of gaming activities with preschoolers in accordance with the Federal State Educational Standards]. *Kontsept*. 2016. V.46, pp. 133–135.
4. Ivanova N.I. Yazykovye ustanovki sakha v sfere obrazovaniya v kontekste sovremennykh ekstralingvisticheskikh realiy (Po materialam oprosov v g. Yakutske) [Sakha language installations in the field of education

- in the context of modern extralinguistic realities (Based on surveys in the city of Yakutsk)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva]. 2018. №1. P. 164.
5. Korkina A. Yu. Kriterii psikhologicheskoy otsenki komp'yuternykh igr i razvivayushchikh komp'yuternykh program [Criteria for the psychological evaluation of computer games and developing computer programs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2008. №3, pp. 20.
  6. Novikov A.M. *Metodologiya igrovoy deyatel'nosti* [Methodology of gaming activities]. M.: Egves Publishers, 2006. 48 p.
  7. Sirotyuk A.S. Rol' igrovoy deyatel'nosti v psikhicheskom razvitii detey doshkol'nogo i mladshogo shkol'nogo vozrasta [The role of play activity in the mental development of children of preschool and primary school age]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie. Teoriya i praktika* [Modern Preschool Education. Theory and practice]. 2014. No. 3, pp. 32–33.
  8. Smirnova E.O., Lavrent'eva T.V. *Doshkol'nik v sovremennom mire. Kniga dlya roditeley* [Preschooler in the modern world. A book for parents]. M.: Drofa, 2006. 272 p.
  9. Smirnova E.O. Sovremennaya detskaya subkul'tura [Modern children's subculture]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy]. 2015. №4. P. 28.
  10. Sobkin V.S., Kaznacheeva K. Igrovye predpochteniya sovremennykh doshkol'nikov (po materialam oprosa roditeley) [Gaming preferences of modern preschool children (based on the survey of parents)]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2011. № 2, pp. 56–67.
  11. Sokolova M.V. Personazhi sovremennykh mul'tfil'mov v igrakh i igrushkakh detey [Characters of modern cartoons in games and toys for children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education]. 2011. No. 2, pp. 68–69.
  12. Stepanova O.A., Vayner M.E., Chutko N.Ya. *Teoriya i metodika igry* [Theory and methods of the game]. Textbook and workshop, 2nd edition. 2018. 264 p.

13. Kharitonova E.A., Lobyр' A.N. Vliyanie igrovoy deyatel'nosti na razvitiе rechi na detey preddoshkol'nogo i doshkol'nogo vozrasta [Influence of gaming activities on the development of speech on children of pre-school and preschool age]. *Vestnik Smolenskoy meditsinskoy akademii* [Bulletin of Smolensk Medical Academy]. 2003. №4, pp. 84–85.
14. Elkonin D.B. *Psikhologiya igry* [Psychology of the game]. 2nd ed. M.: Humanity. ed. Center VLADOS, 1999. 360 p.
15. Bjorkland DF and Pellegrini AD. Child development and evolutionary psychology. *Child Development* 71. 2000.1808 p.
16. Fein G.G. Pretend play in childhood. *Child Devel.*, 1981, v. 52, pp. 1095–1118.
17. Gee J.P. *What about us?* N.Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 256 p.
18. Gordon Neufeld, Gabor Mate, M.D. *Whats More About Than Peers: Knopf Canada* 2011. 352 p.
20. Green S.C., Bavelier D. Action video game modifies visual selective attention. *Nature*. 2003. Vol. 423, pp. 534–537.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Андрoсова Юлиа Владимировна, научный сотрудник

ФГБНУ «Научно-исследовательский институт национальных школ РС (Я)»

ул. Короленко, 19, г. Якутск, Республика Саха (Якутия), 677000,

Российская Федерация

androsova08@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Androsova Yuliya Vladimirovna, Research Associate

Research Institute of National Schools of the Republic Sakha (Yakutia)

19, Korolenko St., Yakutsk, 677000, Russian Federation

androsova08@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1137-4000

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-19-40
УДК 37.015.3

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Боязитова И.В., Эркенова М.М.

***Цель.** Статья посвящена актуальной в условиях приоритетных задач высшего образования проблеме развития жизнестойкости как зрелой формы саморегуляции и нацелена на раскрытие особенностей личностного развития, оптимизирующего формирование жизнестойких убеждений в студенческом возрасте. Предметом анализа выступили жизнестойкость и личностные свойства студентов как личностного потенциала саморегуляции.*

***Методы и методология проведения работы.** Для решения поставленных задач были использованы психодиагностические методы, методы математической статистики. Основой исследования жизнестойкости выступила концептуальная модель саморегуляции и личностного потенциала.*

***Результаты.** В результате проведенного исследования установлено, что смысложизненные ориентации, внутренний локус контроля, самоактуализация, самодетерминация и самоэффективность личности, сопряженные с успешностью самоопределения в целях, с организацией целенаправленной деятельности, активным преодолением стрессогенных ситуаций, выступают личностным потенциалом, определяющим развитие жизнестойких убеждений в студенческом возрасте.*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в процессе психолого-педагогического сопровождения студентов в условиях профессионального образования.*

***Ключевые слова:** жизнестойкость; саморегуляция; личностный потенциал; осмысленность жизни; самоактуализация; самодетерминация самоэффективность.*

PERSONALITY POTENTIAL AS THE BASIS OF HARDINESS IN STUDENT AGE

Boyazitova I.V., Erkenova M.M.

Purpose. *The article is devoted to the topical problem of hardiness development as a mature form of self-regulation in the context of priority tasks of higher education and is aimed at revealing the features of personality development that optimizes the formation of life-sustaining beliefs in student age. The subjects of the analysis are hardiness and personality traits of students as personality potential of self-regulation.*

Methods and methodology. *Psychodiagnostic methods and mathematical statistics methods are used to solve these problems. The conceptual model of self-regulation and personality potential is taken as the basis of the study of hardiness.*

Results. *As the result of the study it is found that life orientations, the internal locus of control, self-actualization, self-determination and self-efficacy of an individual, associated with the success of self-determination in setting goals, organizing targeted activities, active overcoming of stressful situations are all the personality potential that determines the development of life-sustaining beliefs in student age.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the process of psychological and pedagogical support of students in terms of professional education.*

Keywords: *hardiness; self-regulation; personality potential; meaningfulness of life; self-actualization; self-determination; self-efficacy.*

Введение

Социокультурные реалии современной жизни предъявляют высокие требования к потенциалу личности, ее внутренним ресурсам, способностям действовать в ситуации неопределенности, использовать активные формы саморегуляции, которые являются необходимыми условиями эффективного функционирования человека,

формирования устойчивых жизненных стратегий, сохранения и укрепления его психологического здоровья.

Проблема развития саморегуляции актуализируется в студенческом возрасте, что обусловлено особенностями социального, личностного и профессионального становления на этапе поздней юности. С одной стороны, на данном возрастном этапе интенсивно формируется целостная идентичность, осуществляется личностное, моральное и профессиональное самоопределение, происходит становление «Я-концепции», возрастает потребность в самоутверждении и самореализации в разных сферах жизнедеятельности, что предполагает наличие устойчивой системы убеждений, мировоззренческой позиции и зрелой саморегуляции. С другой стороны, у молодого человека способность к саморегуляции, обеспечивающей целостность индивидуальности и самоорганизацию активности, ограничена возрастными особенностями, а при определенных условиях личностного развития, связанного с деиндивидуацией и аддикциями, ослабевает.

Развитие активных форм самоорганизации и саморазвития является приоритетной задачей высшего образования, стратегической целью которого является личностное и профессиональное становление студенческой молодежи.

Согласно положениям концепции саморегуляции и личностного потенциала Д.А. Леонтьева, в понятии «саморегуляция» объединены три регуляторные функции и три подсистемы личностного потенциала, которые взаимосвязаны и выступают как целостный процесс [8].

В основе функции самоопределения – способность выделять значимые, осмысленные цели, базирующиеся на ясных и четких мировоззренческих ценностях. Способы организации целенаправленной деятельности характеризуют функцию реализации, которые могут проявляться в упорстве, в отказе от цели низкого уровня или ее замене на менее масштабную цель, переключение на другую цель, в смене способов достижения цели. Функция сохранения ориентирована на предотвращение и противостояние неблагоприятным обстоятельствам. Опираясь на теорию саморегуляции Т. Хиггинса,

Д.А. Леонтьев отмечает, что функции самоопределения и реализации ориентированы на достижение, а функция сохранения – на совладание со стрессовыми ситуациями; «причем эти две ориентации выступают основанием устойчивых жизненных стратегий» [там же, с. 123].

В концепции Д.А. Леонтьева три подсистемы личностного потенциала рассматриваются как потенциал саморегуляции. Потенциал самоопределения включает личностные переменные, сопряженные «с успешностью самоопределения в пространстве возможностей и выбора цели для последующей реализации»; в потенциал реализации входят личностные переменные, связанные «с организацией целенаправленной деятельности»; потенциал совладания охватывает личностные переменные, способствующие совладанию со стрессогенными факторами [там же, с. 121]. Подсистемы личностного потенциала представляют собой структурные образования, соизмеримые «с неспецифическими функциями саморегуляции, проявляющимися в самых разных ситуациях» [там же, с. 128].

В соответствии с представлениями Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, одной из зрелых, сложных форм саморегуляции и «опорных переменных личностного потенциала» является жизнестойкость [9, с. 37].

Жизнестойкие убеждения в концептуальной модели С. Мади связаны с переживанием человека своих действий и событий жизнедеятельности, «как интересных и радостных (вовлеченность), как результатов личностного выбора и инициативы (контроль) и как важного стимула к усвоению нового (принятие риска)» [20, с. 85].

В исследованиях, проведенных зарубежными и отечественными психологами, установлено, что жизнестойкость, выступая «как один из ядерных компонентов личностного потенциала», опосредованно детерминирует успешность саморегуляции [8, с. 205]. В исследованиях отмечается, что «жизнестойкость связана с осмысленностью деятельности, резистентностью человека к потере смысла в деятельности и поиском нового смысла» [там же, с. 206]. Установлено, что высокие показатели жизнестойкости способствуют повышению регуляции деятельности и связаны с успешностью

выполнения целенаправленной деятельности в разных сферах, как в условиях монотонной работы, так и в стрессовых ситуациях, что особенно значимо на этапах конкретизации целей, планирования в новых, трудных ситуациях при отсутствии гарантий на успех [23, 24, 25, 30]. Согласно результатам исследования С. Кобейзы, жизнестойкость влияет на удовлетворенность работой во всех аспектах и связана с чувством автономии и свободы в принятии решений [28]. В исследованиях С. Мадди было выявлено, что выраженность жизнестойкости в целом и отдельных ее компонентов влияет на выбор копинг-стратегий, определяет активность в стрессогенных ситуациях [8, 18, 20]. Другими словами, жизнестойкость, являясь интегративной характеристикой личности, выступает потенциалом самоопределения, реализации, совладания, т.е. личностным потенциалом успешной саморегуляции.

Потенциал самоопределения в компоненте жизнестойкости «вовлеченность» проявляется в степени убежденности человека в том, что его активная включенность в происходящее имеет личную ценность, значимость, наполнена смыслом; в компоненте «контроль» связан с убежденностью в верности собственных решений и выбора жизненного пути; в компоненте «принятие риска» выражается в убеждениях, что события жизни, включая неожиданные, представляют для человека интерес, ценность и смысл в аспекте его развития.

Потенциал реализации в компоненте жизнестойкости «вовлеченность» проявляется в убежденности человека в том, что он способен при достижении результата проявлять активность и упорство; в компоненте «контроль» отражается на степени убежденности человека в том, что он способен влиять на результат деятельности, ставить труднодостижимые цели и собственными усилиями добиваться намеченного результата; в компоненте «принятие риска» обнаруживается в степени убежденности человека в готовности реально воплощать новые идеи, идти на риски.

Потенциал совладания в компоненте жизнестойкости «вовлеченность» проявляется в степени убежденности человека в том, что и при неблагоприятных обстоятельствах способен сохранять

активность и интерес к жизни; в компоненте «контроль» выражается в степени убежденности в том, что способен и готов самостоятельно и уверенно разрешать, возникающие проблемы, несмотря на возможные поражения; в компоненте «принятие риска» связана с убеждениями в том, что все события жизни имеют ценность для развития и приобретения опыта.

В зарубежных и отечественных исследованиях подчеркивается, что развитие жизнестойкости зависит от многих психологических факторов, т.е. является зависимой переменной. Так, в работах С. Мадди раскрываются пять механизмов жизнестойкости, способствующие успешной саморегуляции: изменение субъективной оценки ситуации, создание мотивации к трансформационному совладанию, усиление иммунной реакции, поиск социальной поддержки, практики здорового образа жизни [7]. В ряде исследований обнаружена взаимосвязь жизнестойкости с такими психологическими переменными и позитивными характеристиками личности, как нейротизм, экстраверсия, открытость, дружелюбие, добросовестность, копинг-стратегии, чувство связности, оптимизм, резилентность, самоэффективность, религиозность, осмысленность жизни, толерантность к неопределенности и др. [9, 12, 15, 20, 21, 22, 26, 27, 30]. Однако, на сегодняшний день, таких исследований явно недостаточно. В предлагаемой статье представлены результаты исследования жизнестойкости у студенческой молодежи в рамках модели саморегуляции и личностного потенциала Д.А. Леонтьева.

Мы полагаем, что свойства личности, связанные с успешностью самоопределения в целях и смысложизненных ориентациях, с организацией целенаправленной деятельности, активным противостоянием и предотвращением неблагоприятных жизненных обстоятельств выступают личностным потенциалом, обеспечивающим развитие жизнестойких убеждений у студенческой молодежи. Определение личностных свойств как потенциала развития жизнестойкости и ее структурных компонентов явилось целью нашего исследования.

Теоретико-методологической основой нашего исследования

выступили концепции жизнестойкости С. Мади, саморегуляции Ч. Карвера и М. Шейера, самодетерминации Э.Деси и Р. Райана, самооффективности А. Бандуры, личностного потенциала саморегуляции Д.А. Леонтьева, Т.О. Гордеевой, О.Е. Дергачевой, Е.Р. Калитеевской, Е.И. Рассказовой и др. [1, 2, 4, 5, 7, 18, 19, 29].

Организация и методы исследования личностного потенциала жизнестойкости в студенческом возрасте

В исследовании приняли участие студенты 1–3 курсов в количестве 98 человек Пятигорского государственного университета.

На первом этапе исследования была поставлена задача с помощью теста С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой изучить особенности развития жизнестойких убеждений в студенческом возрасте. В результате проведенного исследования было выделено две группы студентов с полярным уровнем выраженности жизнестойкости. Первую группу составили студенты с высоким уровнем выраженности жизнестойкости в целом, согласованным взаимодействием ее отдельных компонентов (группа «СЖУ»). Вторая группа объединяла студентов со средним уровнем общего показателя жизнестойкости, несогласованным функционированием ее трех структурных компонентов (группа «НЖУ»).

На втором этапе задачей исследования выступило изучение особенностей развития личностных свойств как потенциала жизнестойкости в группах студентов «СЖУ» и «НЖУ». Программа психодиагностического исследования включала изучение осмысленности жизни и локуса контроля, личностных и каузальных ориентаций, самооффективности на основе использования теста смысло-жизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, самоактуализационного теста Э. Шострома, опросника каузальных ориентаций Д.А. Леонтьева, О.Е. Дергачевой, шкалы общей самооффективности личности Р. Шварцера, М. Ерусалем.

На третьем этапе исследования решалась задача установления на основе статистического сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента личностных переменных, определяющих развитие жиз-

нестойких убеждений как потенциала саморегуляции в студенческом возрасте.

Результаты исследования личностного потенциала жизнестойкости в студенческом возрасте

В результате проведенного исследования было установлено, что большинство студентов (75%) проявляют средний уровень развития жизнестойкости и непропорциональное соотношение ее структурных компонентов. Ограниченность развития компонента «вовлеченность» проявляется в том, что студенты испытывают чувство неудовлетворенности от результатов деятельности, трудности в определении ее смыслов и личной значимости, в поддержании активности при неблагоприятных обстоятельствах. Незрелость компонента «контроль» выражается в том, что студенты проявляют неуверенность при осуществлении самостоятельных выборов и решений, не способны ставить труднодостижимые цели и собственными усилиями влиять на процесс и результат деятельности, демонстрируют сомнение и нерешительность при разрешении проблемных ситуаций. Более развитым и зрелым компонентом жизнестойкости является компонент «принятие риска», т.е. высока доля студентов, убежденных в том, что все события жизни, включая неблагоприятные, имеют ценность и смысл для собственного развития и приобретения опыта, что способны и готовы воплощать в жизнь новые идеи и дела даже без твердых гарантий успеха. Ограниченность развития жизнестойких убеждений актуализирует проблему развития жизнестойкости как активной формы самоорганизации и саморазвития в студенческом возрасте.

Анализ результатов исследования позволил выделить следующие особенности личностного развития студентов с согласованным (группа «НЖУ») и несогласованным (группа «НЖУ») функционированием структурных компонентов жизнестойкости.

Согласно концепции Д.А. Леонтьева, смысловые образования являются ядром личности и выступают регуляторами деятельности человека [7]. Структурными составляющими осмысленности

жизни являются смысложизненные ориентации и внутренний локус контроля. Общая осмысленность жизни выступает производным индикатором смысловых ориентиров и преобладающего локуса управления. Смысложизненные ориентации включают три категории, соотносимые с целью жизни (субшкала «Цели в жизни»), процессом жизни (субшкала «Процесс жизни») и результатом жизнедеятельности (субшкала «Результативность жизни»). Внутренний локус контроля определяет веру в собственную способность контролировать события, строить свою жизнь в соответствии с собственными целями и смыслами (субшкала «Локус контроля – Я») и отражает общее мировоззренческое убеждение человека в том, что контроль и управление жизнью возможно (субшкала «Локус контроля – жизнь»). По мнению В.Э. Чудновского, при оптимальном уровне осмысленности жизни человек приобретает способность учитывать реалии сегодняшнего дня, преобразовывать обстоятельства и собственное поведение в ходе реализации своей «главной линии жизни» [11, с. 240].

Проведенный статистический анализ показал, что по всем показателям смысложизненных ориентаций наблюдаются различия высокой степени достоверности ($p < 0,001$) между группой студентов «СЖУ» и «НЖУ». Студенты с высоким уровнем жизнестойкости и согласованным взаимодействием ее отдельных компонентов в большей степени, чем студенты со средним уровнем и несогласованным функционированием ее структурных компонентов, проявляют определенность жизненных целей, смыслов, взглядов, живут настоящим и будущим, испытывают чувство удовлетворенности самореализацией, показывают способность самостоятельно организовывать свою жизнь, управлять событиями жизни. Итак, установлено, что развитие смысловых ориентиров и локуса контроля детерминирует формирование жизнестойких убеждений в студенческом возрасте.

Мотивационным фактором развития личностных потенциалов выступает самоактуализация личности, которая осуществляется на основе сознательно определившихся целей в процессе самореализации и выработанных способов их достижения. Самоактуализация

и самореализация рассматривается как два неразрывных и единых процесса развития человеческого потенциала, результатом которого является самоактуализировавшаяся личность. Два основных параметра характеризуют самоактуализирующуюся личность: компетентность во времени «Ориентация во времени», вектор направленности личности «Поддержка»; шесть блоков дополнительных параметров: ценностей, чувств, самовосприятия, концепции человек, межличностной чувствительности, отношения к познанию.

При анализе развития переменных самоактуализации личности между двумя группами студентов с разным уровнем жизнестойкости были выявлены статистически значимые различия по основным показателям «Ориентация во времени» ($p < 0,001$) и «Поддержка» ($p < 0,001$). Статистически значимые различия были установлены и по дополнительным показателям блока ценностей – «Ценностные ориентации» ($p < 0,001$), блока чувств – «Спонтанность» ($p < 0,01$), блока самовосприятия – «Самоуважение» ($p < 0,001$), блока концепции человека – «Синергия» ($p < 0,05$).

У студентов группы «СЖУ» компетентность во времени проявляется в способности связывать жизненные цели с текущей деятельностью, опираясь на прошлый опыт, видеть свою жизнь целостной в неразрывном единстве прошлого, настоящего и будущего, осознавая смысл и значимость совершаемых действий. Студенты группы «НЖУ» обладают более низким уровнем компетентности по отношению ко времени, их жизнедеятельность не связана с целями настоящего времени, а в большей степени ориентирована прошлым опытом или будущими целями и планами.

Студенты группы «СЖУ» имеют более высокие баллы по шкале «Поддержка», т.е. в большей мере в своем поведении руководствуются собственными целями и убеждениями, внутренними принципами и мотивацией по сравнению с группой студентов «НЖУ», наиболее подверженных влиянию внешних обстоятельств, ориентированных на поддержку извне, мнение и одобрение других. Иначе говоря, поведение студентов группы «СЖУ» направляется изнутри, а группы «НЖУ» – извне.

Блок ценностей включает две шкалы: шкала «Ценностные ориентации» – измеряет, в какой степени человек в своем поведении, руководствуется своими ценностями и идеалами; шкала «Гибкость поведения» характеризует степень гибкости поведения человека в реализации своих ценностей. Статистическое сравнение групп студентов «СЖУ» «НЖУ» выявило различие только по шкале «Ценностные ориентации». Большинство студентов группы «СЖУ» действуют, руководствуясь собственными ценностями, взглядами, желаниями в отличие от студентов группы «НЖУ», не разделяющих ценности самоактуализирующейся личности.

Шкала «Сензитивность», отражающая степень рефлексивности собственных чувств, потребностей и шкала «Спонтанность», определяющая способность человека действовать и выражать чувства спонтанно и непосредственно, образуют блок чувств. Различия между двумя группами выявлены только по шкале «Спонтанность»: для студентов группы «СЖУ» свойственны высокие значения, что свидетельствует о способности личности открыто выражать свои мысли и чувства в различных обстоятельствах; для студентов группы «НЖУ» характерны низкие значения, что проявляется в закрытости, в заранее продуманных действиях, в невозможности быть естественным.

Статистическое сравнение показателей, составляющих блок самовосприятия, т.е. шкалы «Самоуважение», измеряющей степень уважения человека себя с учетом собственных достоинств и шкалы «Самопринятие», выражающей способность человека принимать себя безусловно и вне зависимости от самооценки, установило различие между группой студентов «СЖУ» и группой студентов «НЖУ» по одной шкале «Самоуважение». Студенты группы «СЖУ» в большей степени, чем в группе студентов «НЖУ» проявляют к себе чувство самоуважения, высоко ценят себя, имея на это объективные основания.

Дальнейший анализ данных показывает, что значительное количество респондентов в группе студентов «СЖУ» в сравнении с группой студентов «НЖУ», имеют высокие баллы по шкале «Синергия»

(блок концепции человека), что свидетельствует о преимуществе данной группы в развитии способности к целостному восприятию окружающего мира, в понимании единства и связи противоположностей. По второй шкале блока концепции человека «Представления о природе человека», как и по шкалам «Контактность», «Принятие агрессии» блока межличностной чувствительности, «Познавательные потребности», «Креативность» блока отношения к познанию статистически значимые различия между группами студентов «СЖУ» и «НЖУ» были не выявлены.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что жизнестойкость сопряжена с переменными самоактуализации личности. Студенты с высоким уровнем жизнестойкости и согласованным взаимодействием ее отдельных компонентов демонстрируют в целом высокий уровень самоактуализации. Студенты со средним уровнем и несогласованным функционированием ее структурных компонентов испытывают трудности в самореализации.

Основой, стержнем личностного потенциала выступает автономия как зрелая форма саморегуляции, как «способ индивидуального участия в мире..., направленный в итоге на идею утверждения жизни» [17, с. 1].

Автономная личность – самодетерминированная личность, имеющая собственную мировоззренческую позицию «в контексте «системы координат» ценностей», «базирующихся на общечеловеческой культуре»; действующая на основе осознанного самостоятельного выбора, рефлексии собственных потребностей с учетом внешних объективных обстоятельств [3, с. 269].

В современных исследованиях «самодетерминированная активность субъекта становится центральной координатой автономии» [2, 4, 5, 6, 10, 29].

Доказано, что уровень личностной автономии определяет направленность и зрелость личностного развития, выступает показателем психической устойчивости и психологического здоровья, влияет на мотивацию и эффективность деятельности, восприятие стрессогенных факторов [16].

Согласно представлениям Э. Деси и Р. Райана, степень самодетерминированного поведения зависит от особенностей развития внутренней (автономной), внешней или безличной каузальных ориентаций и их соотношения.

В своем исследовании О.Е. Дергачева, Д.А. Леонтьев отмечают, что автономная каузальная ориентация базируется на внутренней мотивационной подсистеме – на внутренних ценностях и интересах, на чувстве самодетерминации и компетентности. Внешняя каузальная ориентация характеризуется ориентацией на внешний контроль, стремлением к сверхдостижениям, недостаточной самодетерминацией. Безличная каузальная ориентация отличается преобладанием амотивирующей подсистемы, которая проявляется в отсутствии активности и некоторым проявлением внешней мотивирующей подсистемы, что проявляется в симптомах «выученной беспомощности» [8].

В результате сравнительного анализа развития каузальных ориентаций у студентов с полярным уровнем развития жизнестойких убеждений были установлены статистически значимые различия по шкале «Автономия» ($p < 0,05$) и «Безличной шкале» ($p < 0,05$) и не выявлены по шкале «Контроль». У студентов группы «СЖУ» в большей степени развито чувство компетентности, самодетерминации и в меньшей степени проявляются чувства беспомощности, чем у студентов группы «НЖУ». Внешняя каузальная ориентации в обеих группах достаточно интенсивно проявляется, что свидетельствует об активной адаптации студентов к внешним требованиям социальной ситуации развития.

Однако, обращают на себя внимание не столько результаты статистического сравнения, сколько соотношение типов каузальных ориентаций в группе «СЖУ» и «НЖУ». Для группы студентов с согласованным функционированием структурных компонентов («СЖУ») характерно доминирование автономной и внешней каузальных ориентаций, что является признаком успешного разрешения конфликтов, связанных с компетентностью и самодетерминацией. Для группы студентов с несогласованным функционированием

структурных компонентов («НЖУ») типично преобладание автономной и безличной каузальных ориентаций, что свидетельствует о несоответствующем решении конфликтов как самодетерминации, так и компетентности.

Важно подчеркнуть, что согласованность во взаимодействии внутренней и внешней каузальных ориентаций обеспечивает эффективную адаптацию к внешним условиям среды. Д.А. Леонтьев подчеркивал: «Возможно, именно в гармоничной интеграции внешней и внутренней каузальной ориентации, а не в их противопоставлении, и заключен ответ на вопрос об оптимальной структуре саморегуляции человеческой жизнедеятельности».

Результаты статистического анализа позволяют сделать вывод о значимом влиянии типа каузальных ориентаций на проявление жизнестойкости в целом и ее отдельных компонентов в студенческом возрасте. Согласованность во взаимодействии автономной и внешней каузальных ориентаций способствует повышению жизнестойкости в целом и обеспечивает оптимальное развитие таких компонентов, как «вовлеченность» и «контроль». При этом, на этапе студенчества особое влияние на проявление жизнестойкости имеет внутренняя автономная каузальная ориентация, которая детерминирует развитие жизнестойких убеждений, способствует повышению осмысленности, удовлетворенности деятельностью, поддержанию уверенности и активности при неблагоприятных жизненных обстоятельствах, при осуществлении самостоятельных выборов и решений.

Одной из личностных переменных, соотносимых с жизнестойкостью, является самоэффективность, которая определяется как система представлений о своих возможностях и способностях, как вера в собственную эффективность [8, 13, 14].

В современных исследованиях отмечается, что самоэффективность, или оптимистичная вера в свой потенциал, оказывает существенное влияние на мотивацию, целеполагание, является предиктором успешности в деятельности и социального функционирования, ослабляет действие стрессогенных факторов, играет значимую роль в инициации и поддержании здорового образа жизни [8].

Другими словами, представления, связанные с эффективностью личности, сопряжены с регуляторной активностью человека в условиях достижений и преодоления неблагоприятных жизненных обстоятельств.

В результате проведенного статистического сравнительного анализа выявлено различие высокой степени достоверности ($p < 0,001$) по показателю «Самоэффективность» между группой студентов «СЖУ» и «НЖУ». Было установлено, что в группе студентов «СЖУ» большинство испытуемых проявляют высокий уровень самооффективности (62,5%). В группе студентов «НЖУ» треть испытуемых имеет низкий уровень самооффективности. У студентов группы «СЖУ» в большей степени, чем у студентов группы «НЖУ» выражена уверенность в собственной эффективности в различных видах деятельности, способности успешно достигать, намеченных целей, и улучшать свои достижения; развито умение справляться с трудностями, не поддаваться неудачам, критике, отвержениям и собственным сомнениям. Студенты группы «НЖУ» проявляют неуверенность в своих способностях достигать целей и успешных результатов деятельности, преодолевать трудности, а также чувствительность к неудачам и неприятностям. Результаты сравнительного анализа позволяют говорить о значимом влиянии представлений, связанных с эффективностью личности, на формирование жизнестойких убеждений в студенческом возрасте.

Самоэффективность, как вера человека в свою способность справиться с деятельностью, ведущей к достижению необходимого результата, определяет активность, готовность к изменению окружающей действительности, что в свою очередь, способствует развитию жизнестойких убеждений. С одной стороны, вера в себя порождает активность, а с другой, только в деятельности человек может раскрыть свой потенциал и быть успешным, что, будет способствовать готовности преодолевать трудные жизненные обстоятельства. Другими словами, вера человека в свою эффективность, существенно определяет формирование жизнестойкости в целом и ее отдельных компонентов в студенческом возрасте.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать выводы о связи жизнестойкости и ее компонентов с личностными свойствами, выступающими личностным потенциалом развития жизнестойкости у студенческой молодежи.

Установлено, что развитие жизнестойких убеждений в студенческом возрасте зависит от свойств личности, связанных с успешностью самоопределения в целях, с организацией целенаправленной деятельности, активным противостоянием неблагоприятным обстоятельствам. Студенты с высоким уровнем жизнестойкости и согласованным взаимодействием ее отдельных компонентов в сравнении с группой студентов со средним уровнем и несогласованным функционированием ее структурных компонентов, характеризуются более высоким уровнем:

- осмысленности жизни, что проявляется в определенности жизненных целей, связанных с настоящим временем, в чувстве удовлетворенности самореализацией, в способности самостоятельно организовывать и управлять процессами жизнедеятельности;
- самоактуализации, что выражается во внутренней направленности личности, в чувстве самоуважения на основе объективных фактов, способности связывать жизнь с целями настоящего времени, действовать в различных обстоятельствах, целостно воспринимать окружающий мир с позиции единства и связи противоположностей;
- самодетерминации и компетентности, что проявляется в согласованном взаимодействии автономной и внешней каузальных ориентаций, в интеграции внутренних ценностей, интересов и внешнего контроля;
- самоэффективности, т.е. уверенности в собственной эффективности, в своих возможностях и способностях продуктивно выполнять различные виды деятельности, достигать, поставленных целей, упорно продолжать свое дело и улучшать результаты, преодолевая трудности.

Смысложизненные ориентации, внутренний локус контроля, самоактуализация, самодетерминация и самоэффективность лично-

сти выступают личностным потенциалом, определяющим развитие жизнестойких убеждений в студенческом возрасте. Развитие личностных свойств, оптимизирующих процессы самоорганизации и саморазвития, является главным условием обеспечения успешной саморегуляции студентов.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.
2. Дергачева О.Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: Теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 103–121.
3. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
4. Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте // Вопр. психол. 2006. № 3. С. 49–55.
5. Калитеевская Е.Р., Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Бородкина И.В. Смысл, адаптация и самодетерминация у подростков // Вопр. психол. 2007. № 2. С. 68–79.
6. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000а. Т. 21. № 1. С. 15–25.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр.изд. М.: Смысл, 2003. С. 107–130, 178–266.
8. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 675 с.
9. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
10. Чирков В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопр. психол. 1996. № 3. С. 116–132.
11. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни: Избранные труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2006. 768 с.

12. Antonovsky A. The Sense of Coherence as a Determinant of Health // Behavioral Health: a Handbook of Health Enhancement and Disease Prevention / J. D. Matarazzo, N. Miller (Eds.). N.Y.: Wiley, 1984, pp. 194–202.
13. Bandura A. The social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1986.
14. Bandura A. Self-Efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavior Change // Psychological Review. 1977. Vol. 84, pp. 191–215.
15. Bengel J., Strittmatter R., Willman H. What Keeps People Healthy? The Current State of Discussion and the Relevance of Antonovsky's Salutogenic Model of Health // Research and Practice of Health Promotion. 1999. Vol. 4.
16. Deci E.L. The psychology of self-determination. Toronto: Lexington books, 1980.
17. Gabanska J. Autonomy of the individual in the developmental and axiological perspective // The polish quarterly of developmental psychology. 1995. Vol. 1. № 1–4, pp. 1–11.
18. Carver C., Scheier M. On the Self-Regulation of Behavior. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.
19. Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // Encyclopedia of Mental Health / Friedman H. S. (Ed.). San Diego (CA): Academic Press, 1998b, pp. 323–335.
20. Maddi S. The Personality Construct of Hardiness: Effects on Experiencing, Coping and Strain // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1999. Vol. 51. № 2, pp. 83–94.
21. Maddi S. The Role of Hardiness and Religiosity in Depression and Anger // International Journal of Existential Psychology & Psychotherapy. 2004b. Vol. 1. № 1, pp. 38–49.
22. Maddi S., Harvey R. Hardiness Considered Across Cultures // Handbook of Multicultural Perspectives on Stress and Coping / P. T. P. Wong, L.C. J. Wong (Eds). N.Y.: Springer, 2005, pp. 403–420.
23. Maddi S., Harvey R., Khoshaba D., LuJ., Persico M., Brow M. The Personality Construct of Hardiness III: Relationships with Repression, Innovativeness, Authoritarianism and Performance // Journal of Personality. 2006. Vol. 74. № 32, pp. 575–598.

24. Maddi S., Harvey R., Resurreccion R., Giatras C., Raganold S. Hardiness as a performance enhancer in firefighters // *International Journal of Fire Service Leadership and Management*. 2007. Vol. 1, pp. 3–9.
25. Maddi S., Hess M. Personality Hardiness and Success in Basketball // *Journal of Sport Psychology*. 1992. Vol. 23, pp. 360–368.
26. Maddi S., Hightower M. Hardiness and Optimism as Expressed in Coping Patterns // *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 1999. Vol. 51. № 2, pp. 95–105.
27. Maddi S., Khoshaba D. *Resilience at Work*. N.Y.: American Management Association, 2005.
28. Maddi S., Kobasa S. *The Hardy Executive: Health under Stress*. Homewood (IL): Dow Jones-Irwin. 1984.
29. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // *American psychologist*. 2000. Vol. 55. № 1, pp. 68–78.
30. Sansone S., Wiebe D., Morgan C. Self-Regulating Interest: The Moderating Role of Hardiness and conscientiousness // *Journal of Personality*. 1999. Vol. 67. № 4, pp. 701–732.

References

1. Gordeeva T.O., *Psikhologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. Moscow, Smysl Publ., Akademiya Publ., 2006. 336 p. (in Russian)
2. Dergacheva O.E., Avtonomiya i samodeterminatsiya v psikhologii motivatsii: Teoriya E. Deci i R. Rayana [Autonomy and self-determination in psychology of motivation: theory of E. Deci and R. Ryan], *Sovremennaya psikhologiya motivatsii* [Modern psychology of motivation] / ed. Leontiev D.A., Moscow, Smysl Publ., 2002. 103–121 p. (in Russian)
3. Zinchenko V.P., Morgunov E.B. *Chelovek razvivayushchiyssya. Ocherki rossiyskoy psikhologii* [The developing human being. Essays of Russian psychology]. Moscow, Trivola Publ., 1994. 304 p. (in Russian)
4. Kaliteevskaya E.R., Leontiev D.A. Puti stanovleniya samodeterminatsii lichnosti v podrostkovom vozraste [The ways of formation of personality self-determination in adolescence]. *Voprosy psikhologii*, 2006, no.3, pp. 49–55 (in Russian)

5. Kaliteevskaya E.R., Leontiev D.A., Osin E.N., Borodkina I.V. Smysl, adaptatsiya i samodeterminatsiya u podrostkov [The sense, adaptation, and self-determination of adolescents]. *Voprosy psikhologii*, 2007, no. 2, pp. 68–79 (in Russian)
6. Leontiev D.A. Psikhologiya svobody: k postanovke problemy samodeterminatsii lichnosti [Psychology of freedom: statement of the problem of self-determination of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2000a., Vol. 21, no. 1, pp. 15–25 (in Russian)
7. Leontiev D.A., *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 2nd ed., Moscow, Smysl Publ., 2003, pp 107–130, pp. 178-266 (in Russian)
8. *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* [Personal potential: structure and diagnostics]. ed. D. Leontiev. M., Smysl Publ., 2011. 675 p. (in Russian)
9. Leontiev D.A., Rasskazova E.I. *Test zhiznestoykosti* [Test of hardiness]. Moscow, Smysl Publ., 2006. 63 p. (in Russian)
10. Chirkov V.I. Samodeterminatsiya i vnutrennyaya motivatsiya povedeniya cheloveka [Self-determination and inner motivation of human behavior]. *Voprosy psikhologii*, 1996, no. 3, pp. 116–132.(in Russian)
11. Chudnovsky V.E. *Stanovlenie lichnosti i problema smysla zhizni: Izbrannyye trudy* [Formation of personality and the problem of the meaning of life: Selected works]. Moscow, Moscow Psychology-Social Institute Publ. 2006. P. 768.
12. Antonovsky A. The Sense of Coherence as a Determinant of Health. *Behavioral Health: a Handbook of Health Enhancement and Disease Prevention* / J.D. Matarazzo, N. Miller (Eds.). N.Y.: Wiley, 1984, pp. 194–202.
13. Bandura A. The social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1986.
14. Bandura A. Self-Efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavior Change. *Psychological Review*. 1977. Vol. 84, pp. 191–215.
15. Bengel J., Strittmatter R., Willman H. What Keeps People Healthy? The Current State of Discussion and the Relevance of Antonovsky's Salutogenic Model of Health. *Research and Practice of Health Promotion*. 1999. Vol. 4.

16. Deci E.L. The psychology of self-determination. Toronto: Lexington books, 1980.
17. Gabanska J. Autonomy of the individual in the developmental and axiological perspective. *The polish quarterly of developmental psychology*. 1995. Vol. 1. № 1–4, pp. 1–11.
18. Carver C., Scheier M. On the Self-Regulation of Behavior. N.Y.: Cambridge University Press, 1998.
19. Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness. *Encyclopedia of Mental Health / Friedman H.S. (Ed.)*. San Diego (CA): Academic Press, 1998b, pp. 323–335.
20. Maddi S. The Personality Construct of Hardiness: Effects on Experiencing, Coping and Strain. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 1999. Vol. 51. № 2, pp. 83–94.
21. Maddi S. The Role of Hardiness and Religiosity in Depression and Anger. *International Journal of Existential Psychology & Psychotherapy*. 2004b. Vol. 1. № 1, pp. 38–49.
22. Maddi S., Harvey R. Hardiness Considered Across Cultures. *Handbook of Multicultural Perspectives on Stress and Coping / P. T. P. Wong, L. C. J. Wong (Eds)*. N.Y.: Springer, 2005, pp. 403–420.
23. Maddi S., Harvey R., Khoshaba D., Lu J., Persico M., Brow M. The Personality Construct of Hardiness III: Relationships with Repression, Innovativeness, Authoritarianism and Performance. *Journal of Personality*. 2006. Vol. 74. № 32, pp. 575–598.
24. Maddi S., Harvey R., Resurreccion R., Giatras C., Raganold S. Hardiness as a performance enhancer in firefighters. *International Journal of Fire Service Leadership and Management*. 2007. Vol. 1, pp. 3–9.
25. Maddi S., Hess M. Personality Hardiness and Success in Basketball. *Journal of Sport Psychology*. 1992. Vol. 23, pp. 360–368.
26. Maddi S., Hightower M. Hardiness and Optimism as Expressed in Coping Patterns. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*. 1999. Vol. 51. № 2, pp. 95–105.
27. Maddi S., Khoshaba D. Resilience at Work. N.Y.: American Management Association, 2005.
28. Maddi S., Kobasa S. The Hardy Executive: Health under Stress. Homewood (IL): Dow Jones-Irwin. 1984.

29. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being. *American psychologist*. 2000. Vol. 55. № 1, pp. 68–78.
30. Sansone S., Wiebe D., Morgan C. Self-Regulating Interest: The Moderating Role of Hardiness and conscientiousness. *Journal of Personality*. 1999. Vol. 67. № 4, pp. 701–732.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Боязитова Ирина Валерьевна, профессор кафедры общей и педагогической психологии, доктор психологических наук
Пятигорский государственный университет
пр. Калинина 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357500,
Российская Федерация
biv_pglu@mail.ru

Эркенова Мариям Мустафаевна, доцент кафедры общей и педагогической психологии, кандидат психологических наук
Пятигорский государственный университет
пр. Калинина 9, г. Пятигорск, Ставропольский край, 357500,
Российская Федерация
mariyam.ps@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Boyazitova Irina Valerevna, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Doctor of Psychological Science
Pyatigorsk State University
9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357500, Russian Federation
biv_pglu@mail.ru

Erkenova Mariyam Mustafaevna, Associate Professor at the Department of General and Pedagogical Psychology, PhD in Psychology
Pyatigorsk State University
9, Kalinin Ave., Pyatigorsk, Stavropol Krai, 357500, Russian Federation
mariyam.ps@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-41-61
УДК 316.444

**ОБРАЗ ЖИЗНИ В ИЗМЕРЕНИЯХ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ:
МЕТОДОЛОГИЯ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ
О ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ ГОРОЖАН**

Давыдкина Л.В.

Цель настоящего исследования – комплексное изучение паттернов городской и пространственной мобильности горожан, а также анализ взаимосвязи параметров повседневной мобильности (количества, качества и разнообразия повседневных маршрутов и др.) с рядом социально-психологических особенностей, состоянием психологического благополучия и качеством жизни индивида.

Методы. В статье описаны методы, этапы и результаты пилотного исследования социально-средовых сценариев на территории г. о. Самара. Предлагается ряд математических процедур для обработки данных о перемещениях горожан, которые могут быть использованы для восстановления индивидуальных и групповых городских практик путем реконструкции повседневных маршрутов, и на их основе – «социально-средовых сценариев».

Результаты. Характер перемещения людей по городу детерминирует образ жизни горожанина и его психологические особенности. Существуют устойчивые формы поведения индивидов и социальных групп, которые проявляются в разных стилях использования городского пространства, в разных практиках повседневной мобильности горожан. С развитием технологий появляются возможности исследования социальной мобильности через социально-средовые сценарии. Социально-средовой сценарий – общие элементы повседневных маршрутов (последовательность из 3-х или более «мест») индивидов, или «повседневный маршрут социальной группы». В качестве элементарных единиц для описания индивиду-

альных маршрутов предлагаются понятия «локация», «место» и «корреспонденция», значения которых раскрываются в статье.

Область применения результатов. Предложенные показатели могут быть использованы для количественного анализа образа и качества жизни в разных городах.

Ключевые слова: пространственная мобильность; повседневный маршрут; социально-средовой сценарий; образ жизни; трекинг; психологическое благополучие; социальная идентичность; качество жизни; общительность.

LIFE STYLE IN A MIRROR OF SPATIAL MOBILITY: METHODOLOGY OF GATHERING AND ANALYSIS OF DATA ON CITIZENS MOVEMENTS

Davydkina L.V.

The purpose of this study is an investigation of patterns of urban and spatial mobility of citizens, as well as the analysis of the relationship of the parameters of daily mobility.

Methodology. *The article describes the methods, stages and the results of a trial study of social and environmental scripts in the Samara. A number of mathematical procedures for the processing of data on the movement of citizens, which can be used to restore individual and group urban practices through the reconstruction of daily routes.*

Results. *The character of people mobility around the city determines the lifestyle of the citizen and his psychological peculiarity. There are sustainable forms of behavior, which reveal itself in different practices of daily mobility of citizens. Technology development allows studying social mobility through a social and environmental script.*

Socio-environmental script is common elements of everyday activity of individuals, or daily route of a social group. We defined the concepts of “location”, “place” and “correspondence” as elementary units for the description of individual routes.

Practical implications. *The results can be applied to analysis of lifestyle and quality of life in different cities.*

Keywords: *spatial mobility; daily routing; social and environmental scenario; lifestyle; tracking; psychological well-being; social identity; quality of life; sociability.*

Введение

Практическая необходимость последних десятилетий, связанная с конкуренцией городов за человеческие ресурсы и, как следствие, повышением качества городской среды, ставит перед фундаментальной наукой новые задачи, связанные с более углубленным и междисциплинарным изучением социальной жизни города. Перспективность и особенность социально-психологического подхода заключается в понимании городской пространственной мобильности как производной городского образа жизни, который, в свою очередь, является производной специфических для городских форм мышления, ментальности, социокультурных и поведенческих стереотипов [5].

Обзор литературы и основные понятия

При общей технократической направленности исследований, проводимых западными коллегами в области изучения пространственной мобильности, наш подход к проблеме пролегает в гуманистической парадигме. Работы А. Стрельниковой показали, что траектория географических перемещений человека в перспективе его жизненного пути дает основания для переосмысления результатов своей жизни [7]. Нам представляется, что информация, описывающая повседневные перемещения человека (его образ жизни) с точки зрения усредненных координат, может также стать толчком для переоценки своих повседневных практик, стимулом к переосмыслению и изменению своего стиля и качества жизни.

Теоретический анализ исследований образа жизни, жизненных сценариев и социальной мобильности показал, что образ жизни можно описать через повседневную мобильность (фактуру перемещений в физическом и социальном пространстве) с использованием

пространственно-временных координат «мест присутствия». Существуют устойчивые формы поведения, свойственные индивидам и социальным группам, которые проявляются в разных формах использования городского пространства. Эти формы поведения в проекции на пространство города в социологии принято обозначать термином «повседневный маршрут»: «Под повседневным маршрутом мы понимаем сочетание конкретных практик (включая инструменты и способы осуществления мобильности), формирующееся тактически в результате ряда индивидуальных выборов. Повседневные маршруты представляют собой ежедневные пути горожан в пространстве города с различными целями; большинство из них преимущественно связаны с такими целями поездок как работа и учеба» [4, с. 256].

Таким образом, термином «повседневный маршрут» можно охарактеризовать регулярно повторяющийся в пределах определенного промежутка жизни одного человека или группы людей сценарий перемещений по городу. Определенному периоду жизни каждого человека соответствует некоторый набор повседневных маршрутов: «дом – школа – дом – кружок рисования – дом», «дом – работа – магазин – дом». Вслед за отечественными социологами мы предполагаем, что «повседневные маршруты» могут различаться в зависимости от типа, величины населенного пункта и других его характеристик [3]. Другими словами, горожане и жители сельской местности ведут разный образ жизни, который отражается в особенностях их социально-пространственных перемещений. К примеру, у горожанина может быть больше возможностей внести разнообразие в работу или досуг, и, соответственно, мы предполагаем, что горожане больше путешествуют по городу и посещают большее количество мест за тот же период времени.

Кроме того, существуют большие социальные группы, члены которых ведут сходный образ жизни («школьники», «студенты», «фрилансеры»), который также отражается на особенностях их пространственных перемещений. Поймать это сходство можно через сходство повседневных маршрутов выделенных групп. Для обозначения ряда сходных элементов повседневных маршрутов групповых субъ-

ектов мы предлагаем термин «социально-средовой сценарий». Таким образом, образ жизни социальной группы («городская молодежь», «волонтеры фестиваля «Том Соьер Фест» и т.д.) может быть описан через систему «социально-средовых сценариев» – характерных для данной группы перемещений в социальной и предметно-пространственной среде населенного пункта. При этом сходство повседневных маршрутов может проявляться как в идентичности пространственно-временных, так и ценностно-функциональных атрибутов. К примеру, все «школьники» ведут сходный образ жизни, который проявляется в сходстве повседневных маршрутов («дом – школа – дом»), но при этом все члены этой группы проживают в разных местах и некоторые из них посещают разные школы. То есть все они реализуют разные «повседневные маршруты» в пространственном измерении, но один повседневный маршрут в социальном измерении.

В качестве элементарных единиц для описания индивидуальных маршрутов мы предлагаем понятия «локация», «место» и «корреспонденция». «Локация» – зафиксированная на треке «точка простоя». Технические аспекты выявления «точек простоя» описаны в ряде публикаций технической направленности [1; 2].

«Местом», вслед за Дж. Урри, мы называем «точку интереса», или целевой пункт назначения, куда направляется индивид (точки А, В, С, D, E на рис. 1А) [8; 9]. «Места» – это локация с различными геопространственными характеристиками. В пространственно-временном измерении «место» характеризуется геолокацией (долгота, ширина) и тремя отметками времени: время пребывания «от» и «до» и затраченное время. В социально-психологическом измерении «место» характеризуется наименованием (индивидуальное название места), типом («университет», «торговый центр») и функцией, включая личную цель (что там находится? Зачем я туда еду?) и личное действие (что я там делаю?).

Для описания социально-пространственных перемещений, повторяющихся для группы индивидов, мы предлагаем ввести понятие «социально-средовой сценарий». «Социально-средовой сценарий» – повседневные маршруты, или элементы повседневных маршрутов

с количеством пунктов назначения более 3-х, повторяющиеся для п горожан. При этом повседневные маршруты могут группироваться в «социально-средовые сценарии» как по геолокационным данным (или наименованию) «места», так и по его типу или функции. Например, рис. 1Б демонстрирует один «социально-средовой сценарий», в основе которого лежит одинаковая функция «мест», различающихся местом расположения. Дополнительную информацию для выделения «социально-средовых сценариев» может дать анализ времени пребывания в «месте». К примеру, известно, что время пребывания на работе большинства офисных сотрудников ограничивается временем с 9.00 до 19.00. На основе анализа геолокационных данных и времени присутствия в «месте» можно с определенной точностью предположить, что индивид относится к группе офисных работников и ведет соответствующий образ жизни.

Перемещение из одного «места» в другое мы обозначаем термином «корреспонденция» (отрезки AB, BC, CD, DE, EA на рис. 1А). Математически корреспонденция определяется как пространственно-временной отрезок, в пределах которого субъект изменяет координаты своего места пребывания (долготу и широту), следуя в определенном направлении. Для нас важны отметки ремени корреспонденций (время перемещения «от» и «до», затраченное время), способ передвижения (автобус, такси и т.д.), маршрут следования и длина пути.

Ключевым понятием в описании образа жизни индивида становится понятие «повседневный маршрут» – систематически повторяющаяся в течение определенного периода жизни человека «поездка» с соблюдением порядка и месторасположения «локаций». Повседневный маршрут характеризуется:

- тремя отметками времени («от» и «до», общее время путешествия);
- общей длиной пути;
- количеством локаций и корреспонденций;
- списком «мест»;
- количеством пересадок (смен видов транспорта);
- геопространственными характеристиками пути;

- индексом постоянства (CI) – соотношением количества использования маршрута к общему числу поездок за определенный промежуток времени. CI рассчитывается по формуле (1):

$$CI = \frac{NT_1}{NT} \quad (1),$$

где NT_1 – количество использований маршрута (поездки с соблюдением порядка локаций и списка мест), NT – общее кол-во поездок за определенный промежуток времени.

Развитие технологий дает нам новые возможности исследования социальной мобильности [11], что, в свою очередь, дает возможности для анализа более высокого уровня – количественного анализа и сравнения образа жизни разных групп населения через анализ их «социально-средовых сценариев».

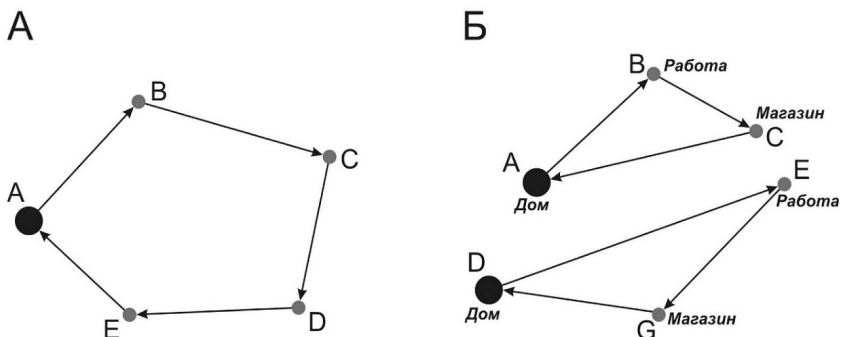

Рис. 1. Поездка – единица анализа повседневного маршрута.
Точки обозначают «места», векторы – «корреспонденции»

Цель

Цель настоящего фундаментального исследования – комплексное изучение паттернов городской и пространственной мобильности горожан (повседневных маршрутов и «социально-средовых сценариев»), а также анализ взаимосвязи ряда параметров повседневной мобильности (количества, качества и разнообразия повседневных маршрутов и др.) с рядом социально-психологических особенностей, состоянием психологического благополучия и качеством жизни индивида.

Методы исследования городской мобильности

Для исследования практик повседневной мобильности все чаще используются цифровые технологии, связанные с фиксацией и анализом цифрового следа. Одним из таких методов является *трекинг* – построение историй перемещения людей (треков) на основе различных данных, полученных из цифровой или материальной среды. На основе большого количества таких данных строятся карты мобильности городов (<https://districtmobility.org/stories/district-context>, <https://tripsdc.org/>, www.labs.strava.com, <http://senseable.mit.edu/cityways/app/>), изучаются средовые характеристики общественных пространств, освоение территорий разными группами населения, поведение пользователей в сети Интернет.

Однако данный метод имеет свои технические особенности и ограничения: фрагментарность данных, имеющих у владельцев (операторов сотовой связи, разработчиков приложений), их дублирование (в случае, если человек носит с собой два устройства), покрытие только части генеральной совокупности (пользователи мобильных телефонов или сервисов); требование соблюдения анонимности обрабатываемых данных, закона о персональных данных и этических принципов исследования.

В таблице 1 мы рассмотрели преимущества и недостатки двух наиболее популярных методов сбора данных о повседневных перемещениях людей.

Мы считаем, что изучение повседневной индивидуальной мобильности целесообразно проводить с использованием ряда методов:

- 1) трекинга для фиксации объективных следов повседневных пространственных практик,
- 2) анализа данных с целью выявления дополнительной информации о местах присутствия информанта, а также о системе его передвижений;
- 3) опроса (структурированное интервью) с целью уточнения личностного содержания посещаемых мест (какие места посещает? С какой целью? Что в них делает? Какое к ним сформировано отношение?), особенностей передвижения по городу (маршрутов);

4) с использованием специально разработанных математических процедур обработки данных.

Таблица 1.

**Преимущества и недостатки методов сбора данных
о перемещениях пользователей**

Технологии сбора данных о перемещениях пользователей	Преимущества технологий	Недостатки технологии
<p>1. Сбор и анализ геолокационных данных с использованием сервисов Google, либо путем самостоятельно-го сбора данных о перемещениях пользователей мобильных сервисов</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Высокая точность полученных данных о местах посещения при условии активного участия респондента. • Автоматический сбор данных. • Доступность при высокой распространенности операционной системы Android, сервисов Google. • Возможность собрать большое количество треков. • Низкие трудозатраты при обработке данных. 	<ul style="list-style-type: none"> • Высокая стоимость за счет разработки или покупки специализированного программного обеспечения для анализа треков, обеспечения места хранения данных. • Возможные нарушения условий анонимности, что повлечет дополнительные расходы, связанные с необходимостью обеспечения условий хранения персональных данных. • Необходимо наличие и работоспособность соответствующего оборудования у информантов (смартфон с операционной системой Android, наличие аккаунта Google, включенной геолокации на телефоне). • Отсутствие важной информации о целях и времени посещения мест, способах и маршрутах передвижения и т.д. • Ограничение выборки группой пользователей мобильного сервиса.
<p>2. Опросный метод с использованием специально разработанной для этих целей анкеты.</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Возможность обеспечения необходимого объема и состава выборки исследования. • Возможность собрать всю необходимую информацию: уточнить и дополнить данные о перемещениях в процессе опроса. • Отсутствие технических и компетентностных ограничений для респондентов. • Гарантия соблюдения условий анонимности анкетирруемых. 	<ul style="list-style-type: none"> • Низкая точность и не полнота полученных данных; искажение данных под влиянием ценностных, личностных и мотивационных факторов; • Дополнительные трудозатраты со стороны респондента при заполнении анкеты. • Высокие трудозатраты при сборе, оцифровке и обработке данных.

Этапы исследования

Для анализа предполагаемых взаимосвязей мобильности и ряда социально-психологических характеристик личности (социальные роли, психологическое благополучие, удовлетворенность качеством жизни, жизненные цели) мы подобрали батарею психологических тестов-опросников: тест социальной идентичности М. Куна и Т. Макпартленда, шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой, индекс качества жизни (Прохоров А.О.), тест на общительность В.Ф. Ряховского, тест смысложизненных ориентаций (СЖО).

На этапе первичного пилотажа с целью апробирования разработанной для анализа повседневной мобильности методологии было принято решение использовать метод анкетирования, поскольку на данном этапе не требуется привлечения большого количества респондентов. Была разработана анкета «Городские сценарии», состоящая из трех блоков: блок для сбора социально-демографических данных о респонденте, блок для сбора сценариев повседневной мобильности, блок для сбора социально-психологических данных.

Блок для сбора сценариев повседневной мобильности включает данные социально-пространственной мобильности респондентов: место проживания, места регулярного посещения, маршруты буднего и выходного дня (всего 6 вопросов). Для локализации мест и маршрутов анкета содержала карту Самары формата А3.

Согласно инструкции, респонденты отмечали на карте города:

1. Дом, или место настоящего проживания;
2. Места проживания, если респондент когда-либо менял место жительства в границах города.
- 3, 4. Места регулярного посещения (друзья и родственники, другие места) с описанием частоты и времени посещения.

После этого респондентам предлагалось описать свои повседневные маршруты (маршруты буднего и выходного дня) с использованием мест, указанных в п.3 и 4. Таблица с информацией о маршруте содержала поля для указания места (цели), куда направлялся респондент, вида транспорта, оценку времени перемещения и поле для

описания проблем, с которыми сталкивается респондент в пути. В анкетах не указывались ни ФИО респондентов, ни их контактные данные, таким образом обеспечивалась анонимность сбора данных о перемещениях информантов.

Мы осуществили пилотажное исследование с целью апробации разработанных процедур анализа образа жизни на основе данных о перемещениях горожан. В исследовании приняли участие 43 респондента: 23 женщины 19–21 год, студенты Самарского государственного социально-педагогического университета, и 20 мужчин, студентов 18–23 лет Поволжского государственного колледжа и Самарского государственного технического университета.

Математическая обработка треков

Для количественного анализа повседневных маршрутов мы предлагаем ряд математических процедур. Предлагаемый нами подход подразумевает три уровня обработки данных. При этом сбор, анализ и обработка данных подразумевает работу в двух измерениях: пространственно-временном и социальном. Пространственно-временные данные дополняются социально-психологическими категориями: личностными смыслами, образами и целями субъекта.

Предполагается, что к первому уровню обработки данных у нас уже имеется трек хорошего качества, фиксирующий все перемещения индивида за некоторый период времени (месяц, полгода, год и т.д.). Вопрос получения такого трека – это техническая задача, которая по-разному, но при этом довольно успешно, решается многими российскими и зарубежными учеными [1; 12; 13]. С использованием опросного метода могут быть уточнены маршруты, а также собраны социально-психологические атрибуты «мест» (личностные смыслы, цели и функции).

Первый уровень обработки подразумевает ряд математических приемов анализа треков, восстановленных на основе данных индивидуальных мобильных устройств (треков), данных самоотчетов, каким-либо другим способом.

Самым главным «местом» в системе координат респондента является «дом» (точка А на рис. 1А). Технически «дом» можно опре-

делить как место, где субъект проводит ночное время (с 0.00 до 6.00), либо это место с наибольшей частотой и количеством времени пребывания. С точки зрения социальной психологии, дом – это первичная территория, то есть территория, в наибольшей степени контролируемая индивидом, своеобразная точка отсчета в его системе координат [10]. Эмпирический опыт указывает на то, что пространством жизни для одних горожан является весь город, или даже область, другие живут очень локально, и их точки интересов удалены от дома на небольшое расстояние. В зоологии место обитания группы животных называется ареалом. Для каждого индивида также можно вычислить «ареал обитания» (освоенную территорию).

Второе по значимости место на территории города (вторичная территория) – место работы. Технически большая часть служащих проводит на работе время в промежутке с 10.00 до 16.00 ежедневно по будням. Либо посещает регулярно (более 10 раз в месяц).

«Поездка» (trip) – сумма «корреспонденций» с началом и окончанием в месте «Дом» (отрезок $AA = AB + BC + CD + DE + EA$ на рис. 1А). Математически характеризуется тремя параметрами времени (отметки «от» и «до» и общее время пути), общей длиной пути, количеством локаций и «корреспонденций», количеством пересадок (смен видов транспорта). В социально-психологическом аспекте «корреспонденция» характеризуется воспринимаемым временем пути (воспринимаемое время пути зависит от качества окружающей среды, скорости передвижения, заторов на дороге) и целью (одной или несколькими). Цель поездки определяется через социально-психологические атрибуты «места». При этом поездка может быть простой (с одной «локацией», без пересадок), либо сложной (пересадки, несколько «локаций»).

Таким образом, трек разбивается на поездки, отдельно выделяются «места». Для поездок, корреспонденций и мест рассчитываются пространственно-временные и собираются социально-психологические атрибуты.

Выделение в качестве единицы дискретизации поездки с атрибутами локации, цели и времени, является универсальной методоло-

гией анализа пространственных перемещений индивида или групп людей [14; 15]. Однако мы предлагаем также использовать ряд индикаторов для дальнейшего анализа пространственной активности.

Второй уровень обработки подразумевает расчет ряда коэффициентов, отражающих количественные и качественные характеристики образа жизни индивида. Мы предлагаем 9 коэффициентов для описания образа жизни индивида в определенный период времени (месяц, полгода, год и т.д.):

(а) **Разнообразие (LD)** – количество «мест», которые посещает индивид за единицу времени (месяц, год, полгода и т.д.).

(б) **Транспортные предпочтения (TP)** – преобладающий способ передвижения, выраженный в % от общего времени пути за период времени. Для каждого вида транспорта рассчитывается общее время передвижения, которое делится на общее время пути (T_j) и умножается на 100% (2):

$$T_{\text{автобус}} = \frac{\sum_{i=1}^n T_{a_i}}{T_{\text{общ}}} * 100, \quad (2),$$

где $\sum_{i=1}^n T_{a_i}$ – сумма всех отрезков времени передвижения в автобусе, $T_{\text{общ}}$ – общее время пути.

Таким образом мы получаем соотношение использования разных видов транспорта в процентном соотношении от общего времени пути за некоторый период времени, что выражает транспортные предпочтения индивида.

(в) **Среднее количество поездок (NT)** – рассчитывается среднее количество поездок по дням недели за промежутки времени по формуле (3):

$$NT_{\text{пн ср}} = \frac{\sum_{i=1}^n NT_{\text{пн}i}}{n_{\text{пн}}}, \quad (3),$$

где $\sum_{i=1}^n NT_{\text{пн}i}$ – сумма количества поездок в каждый понедельник заданного промежутка времени, $n_{\text{пн}}$ – количество понедельников, в которые производились замеры.

(г) **Среднее количество «локаций»** на поездку.

(д) **Средняя длина поездки ($LT_{\text{ср}}$)**, вычисляется по формуле (4):

$$LT_{\text{ср}} = \frac{\sum_{i=1}^n LT_i}{n}, \quad (4)$$

где $\sum_{i=1}^n LT_i$ – сумма длин всех поездок за заданный промежуток времени, n – общее количество поездок.

(е) **время (пространственной) активности (TSA)** – характеризуется через разброс поездок по времени суток, а также пиками суточной активности. Для каждого часа суток (за заданный период времени, к примеру, за месяц) подсчитывается количество пребываний вне дома в отношении к общему количеству замеров в данный час суток.

(ж) **повседневные маршруты (DR)** с расчетом индекса постоянства для каждого. Определяется общее кол-во повседневных маршрутов (N_{DR}).

(з) **Индекс разнообразия маршрутов (RDI)**, вычисляется по формуле (5):

$$RDI = \frac{N_{DR}}{NT}, \quad (5)$$

где N_{DR} – общее количество повседневных маршрутов, NT – общее количество поездок за определенный промежуток времени.

(и) **ареал**, характеризуется радиусом поездок: максимальным (вычисляется как длина прямого отрезка от «дома» до максимально удаленного «места»), минимальным (вычисляется как длина прямого отрезка от «дома» до минимально удаленного «места») и средним (вычисляется как средняя длин прямых, соединяющих дом и все «места»).

(к) **Вовлеченность (Inv)** – общее время пребывания в каждом «месте», рассчитывается для каждого «места» как сумма временных промежутков пребывания в нем (6):

$$\text{Например, для места } k: t_k = \sum_{i=1}^n t_{k_i} \quad (6),$$

где t_{k_i} – время пребывания в месте k в i -ое посещение.

(л) **Общее время пути (TJ)** – суммируются отрезки времени движения со скоростью более 2 км/ч за промежуток времени.

Третий уровень обработки подразумевает расчет ряда коэффициентов, отражающих количественные и качественные характеристики образа жизни социальной группы.

Образ жизни социальной группы может быть описан через:

- (и) количество «социально-средовых сценариев»;
- (к) особенности «социально-средовых сценариев» на основании средних значений параметров (а), (б), (г), (д), (е), (ж), (з), (и);
- (л) коэффициент разнообразия «социально-средовых сценариев», который определяется через отношение количества социально-средовых сценариев социальной группы к общему количеству повседневных маршрутов.

Таким образом, нами предложен ряд количественных показателей для описания образа жизни индивида или социальной группы на основе данных об их перемещениях. Данный ряд показателей можно использовать для выявления социальных групп со сходными показателями мобильности. Анализ образа жизни в разных городах с использованием предложенных показателей – это шаг на пути разработки новых методов оценки городов на основе социальных критериев.

Обсуждение результатов

Анкета «Городские сценарии» показала хорошую валидность при участии инструктора или интервьюера, подробно объясняющего последовательность заполнения. Респонденты подробно отмечают места, описывают маршруты следования (93% анкет содержали достаточно информации, чтобы восстановить повседневные маршруты респондентов). Несколько хуже респонденты справились с картой: неточно указывались места и траектории пути, примерное расположение некоторых мест и траектории приходилось восстанавливать по описанию маршрутов. Еще одна особенность данных, собранных с использованием опросного метода – наличие когнитивных искажений, связанных с ценностными и мотивационными факторами. В первую очередь респонденты указывают места, не связанные с рутинной жизнью, места развлечений. Поэтому при переходе к вопросам 5 и 6, в которых требовалось описать маршруты буднего и выходного дня, респонденты с удивлением для себя обнаруживали, что не указали места повседневного посещения (университет, работа). У многих сложности возникали с указанием времени посещения мест.

Таким образом, полученные с использованием анкеты «Городские сценарии» данные носят приближенный и частично искаженный ха-

ракти. Но при этом они же являются источником дополнительной информации о ценностно-мотивационных ориентирах респондента, проявленных в выборе «мест». Учитывая, что данные, собранные с использованием трекеров¹, также включают целый ряд искажений и неточностей, связанных с погрешностями работы целого ряда технических устройств (средств спутниковой и мобильной связи, программного обеспечения, технического устройства пользователя и т.д.), наиболее точные результаты даст совмещение этих двух методов.

Для каждого респондента был составлен индивидуальный лист повседневных маршрутов и карта перемещений (с использованием сервиса Google карт). Маршруты реконструировались на основе данных о местах, которые регулярно посещает респондент, на основе описания поездки (какой вид транспорта используется) и данных транспортной модели (на основе сервиса поиска маршрутов Яндекс-карт): расстояние и время пути. Таким образом, мы получили приближенные данные о количестве посещаемых мест (LD), о количестве повседневных маршрутов (N_{DR}) в будни и в выходные, величине ареала (максимальное, минимальное и среднее расстояние от дома до места посещения), частоте и количестве поездок в будни и выходные (NT), о средней длине (LT_{cp}) и среднем времени поездки, об общем времени использования транспортных средств, данные о среднем количестве средств передвижения и среднем количестве корреспонденций. Также мы рассчитали время пути, проведенное респондентом пешком, в пути и в целом потраченное на перемещения по городу. На основе этих показателей мы рассчитали индексы постоянства повседневных маршрутов (CI), транспортные предпочтения (TP), индекс разнообразия маршрутов буднего и выходного дня (RDI). Все указанные показатели рассчитывались за месяц.

Данные анкетного опроса не позволили получить частоту поездок по дням недели, разброс времени (пространственной) активности (TSA) и вовлеченность (Inv) в связи с отсутствием точной информации о перемещениях с разбивкой по дням недели и фиксацией времени поездок.

---

¹ Трекер – устройство для сбора данных о пространственных перемещениях.

Заключение

Таким образом, апробированная методология сбора и анализа образа жизни на основе данных о перемещениях горожан с использованием авторской анкеты «Городские сценарии» показала удовлетворительные результаты, позволив рассчитать 16 показателей и 3 индекса, характеризующие образ жизни индивида. В качестве недостатков данного метода можно отметить:

- снижение точности и полноты данных о перемещениях,
- влияние на ответ ценностных, личностных и мотивационных факторов,
- высокие трудозатраты при сборе, оцифровке и обработке данных.

В перспективе, на этапе поискового исследования, мы планируем провести оценку достоверности полученных с использованием опроса индексов и показателей путем сравнения данных, полученных из отрытых или доступных источников (данных социальных сетей, данных мобильного следа) и результатов оффлайн опроса. Мы сравним коэффициенты, полученные с использованием данных анкетного опроса и данных, полученных с использованием трекеров. Это будет реализовано с помощью специально разработанного для этих целей интернет-приложения, позволяющего в режиме онлайн по согласию респондента получить данные о его пространственных перемещениях (сервисы Google), данные из социальных сетей и данные самоотчета. Расчет параметров и индексов образа жизни будет осуществляться автоматически с использованием специально разработанной аналитической системы, что значительно сократит время обработки информации и позволит существенно увеличить выборку.

Информация о спонсорстве

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и города Самары в рамках научного проекта № 17-46-630871 ««Социально-средовые сценарии» как социально-психологическое явление и фактор психологического благополучия горожанина».

Список литературы

1. Бейлина Н.В. Блочно-временной алгоритм фильтрации геолокационных данных // Вестник СамГУ. Естественная серия. 2013.

- № 9/1(110). С. 212–215. URL: vestnikoldsamgu.ssau.ru/articles/9.1_24.pdf (дата обращения 02.11.2018).
2. Головков А.А., Иванова Г.С. Адаптивная фильтрация потока геолокационных данных в реальном времени // Наука и Образование МГТУ им. Н.Э. Баумана 2016. № 04. С. 156-169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-filtratsiya-potoka-geolokatsionnyh-dannyh-v-realnom-vremeni> (дата обращения 02.11.2018).
  3. Коган Л.Б. Проблемы урбанизации. Город и культура. М.: Информкультура, 1981. 31 с.
  4. Лычко С.К., Мосиенко Н.Л. Общественный транспорт в практиках мобильности: повседневные маршруты горожан // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 256–273. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2016/135/2016_135_14_Lychko.pdf (дата обращения 02.11.2018).
  5. Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Монография. Самара, СГПУ. 2008. 250 с.
  6. Сорокин П.А. Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 2 (70). С. 101–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mobilnosti-na-chelovecheskoe-поведение-i-psihologiyu> (дата обращения 02.11.2018).
  7. Стрельникова А. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования // ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация 2015. № 10. С. 39–47. URL: <https://publications.hse.ru/articles/167807863> (дата обращения: 07.02.2018).
  8. Урри Дж. Мобильности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с.
  9. Урри, Д. Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.
  10. Altman I. The environment and social behavior: privacy, personal space, territoriality and crowding. Brooks (CA), 1975. 256 p.
  11. Estimating Origin-Destination Flows Using Mobile Phone Location Data/ Calabrese F., Diao M., Di Lorenzo G., Ferreira J., Ratti C. // IEEE Per-

- vasive Computing. 2011, no. 4, pp. 1–8. URL: <http://dx.doi.org/10.1109/mprv.2011.41> (дата обращения 05.02.2018).
12. Understanding individual mobility patterns from urban sensing data: A mobile phone trace example / Calabrese F., Diao M., Di Lorenzo G., Ferreira J., Ratti C. // *Transportation Research Part C*. 2013, no. 26, pp. 301–313. URL: http://senseable.mit.edu/papers/pdf/20130115_Calabrese_et_al_UnderstandingIndividual_TransportationResearch.pdf (дата обращения: 29.10.2018).
13. Gonzalez M.C., Hidalgo C.A., Barabasi A. Understanding individual human mobility patterns // *NATURE*. 2008. Vol 453, pp. 779–782. URL: <http://barabasi.com/f/250.pdf> (дата обращения: 29.10.2018).
14. Measuring Regularity of Individual Travel Patterns / Goulet-Langlois G., Koutsopoulos Haris N., Zhan Zh., Jinhua Zh. // *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*. September. 2017 DOI: 10.1109/TITS.2017.2728704 URL: https://www.researchgate.net/publication/319575009_Measuring_Regularity_of_Individual_Travel_Patterns (дата обращения: 29.10.2018).
15. Zhan Zh., Koutsopoulos Haris N, Jinhua Zh. Discovering Latent Activity Patterns from Human Mobility. Conference: The 7th ACM SIGKDD International Workshop on Urban Computing (UrbComp'18) August 2018. London, UK. URL: https://www.researchgate.net/publication/328213635_Discovering_Latent_Activity_Patterns_from_Human_Mobility (дата обращения: 29.10.2018).

References

1. Bejlina N.V. Blochno-vremennoj algoritm fil'tracii geolokacionnyh dannyh [A Time-block algorithm for filtergin geological data]. *Vestnik SamGU. Estestvennonauchnaya seriya* [Natural science series]. 2013, no. 9/1(110), pp. 212–215.
2. Golovkov A.A., Ivanova G.S. Adaptivnaya fil'traciya potoka geolokacionnyh dannyh v real'nom vremeni [Adaptive filtering of real-time geolocation data flow]. *Nauka i Obrazovanie* [Science and education]. Bauman University. 2016, No. 04, pp. 156–169. <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-filtratsiya-potoka-geolokatsionnyh-dannyh-v-real-nom-vremeni> (accessed November 2, 2018).

3. Kogan L.B. *Problemy urbanizacii. Gorod i kul'tura* [Urbanization problems. City and culture]. Moscow, 1981. 31 p.
4. Lychko S.K., Mosienko N.L. Obshchestvennyj transport v praktikah mobil'nosti: povsednevnye marshruty gorozhan [Public transport in mobility practices: daily routes for citizens]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2016, no 5, pp. 256–273.
5. Semenova T.V. *Gorodskaya mental'nost': socialno-psihologicheskoe issledovanie* [Urban mentality: socio-psychological research] Samara, SGPU. 2008. 250 p.
6. Sorokin P.A. Vliyanie mobil'nosti na chelovecheskoe povedenie i psihologiyu [The impact of mobility on human behavior and psychology]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes 2004]. no. 2 (70), pp. 101–110. <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-mobilnosti-na-chelovecheskoe-povedenie-i-psihologiyu> (accessed November 2, 2018).
7. Strel'nikova A. Prostranstvennye proekcii social'noj mobil'nosti: pereezdy kak dominantnye sobytiya biograficheskogo povestvovaniya [Spatial projections of social mobility: travel as dominant biographical narrative events]. *INTERakciya. INTERv'yu. INTERpretaciya*. [Interaction. Interview. Interpretation] 2015, no. 10, pp. 39–47.
8. Urri Dzh. *Mobil'nosti* [Mobility]. Moscow: Publishing and consulting group “Praxis” 2012, 576 p.
9. Urri D. Mobil'nost' i blizost' [Mobility and proximity]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2013. no. 2, pp. 3–14.
10. Altman I. *The environment and social behavior: privacy, personal space, territoriality and crowding*. Brooks (CA), 1975, 256 p.
11. Calabrese F., Diao M., Di Lorenzo G., Ferreira J., Ratti C. Estimating Origin-Destination Flows Using Mobile Phone Location Data. *IEEE Pervasive Computing*. 2011, no. 4, pp. 1–8.
12. Calabrese F., Diao M., Di Lorenzo G., Ferreira J., Ratti C. Understanding individual mobility patterns from urban sensing data: A mobile phone trace example. *Transportation Research Part C*. 2013, no. 26, pp. 301-313. http://senseable.mit.edu/papers/pdf/20130115_Calabrese_etal_UnderstandingIndividual_TransportationResearch.pdf (accessed November 2, 2018).

13. Gonzalez M.C., Hidalgo C.A., Barabasi A. Understanding individual human mobility patterns. *NATURE*. 2008, Vol 453, pp. 779–782. <http://barabasi.com/f/250.pdf> (accessed November 2, 2018).
14. Goulet-Langlois G., Koutsopoulos Haris N., Zh. Zhan, Zh. Jinhua Measuring Regularity of Individual Travel Patterns. *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*. September. 2017. doi: 10.1109/TITS.2017.2728704. https://www.researchgate.net/publication/319575009_Measuring_Regularity_of_Individual_Travel_Patterns (accessed November 2, 2018).
15. Zh. Zhan, Koutsopoulos Haris N, Zh. Jinhua Discovering Latent Activity Patterns from Human Mobility. *Conference: The 7th ACM SIGKDD International Workshop on Urban Computing (UrbComp'18) August 2018. London, UK*. https://www.researchgate.net/publication/328213635_Discovering_Latent_Activity_Patterns_from_Human_Mobility (accessed November 2, 2018).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Давыдкина Любовь Владимировна, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник
Самарский государственный социально-педагогический университет
ул. Максима Горького, 65/67, г. Самара, 443099, Российская Федерация.
lubov.davydkina@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Davydkina Lubov Vladimirovna, PhD in Psychology, Associate Professor, Research Scientist
Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, M. Gorkogo Str., Samara, 443099, Russian Federation
lubov.davydkina@yandex.ru
SPIN-code: 8663-2968
ORCID: 0000-0003-0195-6672
Researcher ID: G-5356-2018

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-62-80

УДК 159.922.4:316.4

ПРОБЛЕМНЫЕ И РЕСУРСНЫЕ ЗОНЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ОСЕТИН

Дреев О.И., Дреева С.В.

Цель исследования: выявить проблемные и ресурсные зоны детерминант жизнедеятельности современных осетин, проживающих в Северной и Южной Осетии, и предложить объяснительные принципы выявленных особенностей.

Методы. Опрос, с использованием следующих психологических методик: «Опросник жизненных ориентаций» Е.Ю. Коржовой; «Методика исследования жизненных смыслов» В.Ю. Котлякова; Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой; Методика «Духовный кризис» Л.В. Шутовой, А.В. Ляшук; Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осина, А.Ж. Салиховой. Интерпретация полученных результатов осуществлялась путем анализа этнопсихологической, социологической, этнографической, исторической литературы по данной проблематике.

Результаты. Высокий уровень материальных потребностей, низкая мотивация в приобщении к духовным ценностям являются причинами духовного кризиса осетин. Эта проблема обусловлена не этнокультурными или ментальными особенностями осетин, а сменной системы общественных отношений и процессом формирования потребительского общества. Рефлексия, поиск групп самоидентификации и институтов социальной защищенности могут стать ресурсной зоной выхода из духовного кризиса. Высокая значимость семьи, как адаптивного и защитного института определяет то,

что «Счастливая семейная жизнь» для осетин является ведущей потребностью и одновременно наиболее конфликтной ценностью в силу ее труднодостижимости.

Область применения результатов. Полученные результаты могут быть применены при реализации мероприятий, способствующих повышению активности и качества жизнеосуществления представителей различных этнических групп в конкретных регионах современного общества.

Ключевые слова: детерминанты жизнедеятельности; ценности; духовный кризис; смыслы жизни; рефлексия; осетины.

PROBLEM AND RESOURCE ZONES OF PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF LIFE OF MODERN OSSETIANS

Dreev O.I., Dreeva S.V.

Purpose. To identify the problem and resource areas of the determinants of life of modern Ossetians living in North and South Ossetia, and to offer explanatory principles of the identified features.

Methodology. The survey, using the following psychological methods: “Questionnaire of life orientations” E. Yu. Korzhova; “Methodology of the study of the system of vital senses”, Y.V. Kotlyakov; the Method of “ratio “values” and “accessibility” in various spheres of life” E.B. Fantlova; the Method of “Spiritual crisis” L.V. Shutov, A.V. Lyashuk; Questionnaire “Differential type of reflection” D.A. Leontiev, E.M. Lapteva, E.N. Aspen, A.Z. Salikhova. The interpretation of the obtained results was carried out by analyzing ethnopsychological, sociological, ethnographic, historical literature on this issue.

Results. The high level of material needs, low motivation in familiarizing with spiritual values are the reasons for the spiritual crisis of Ossetians. This problem is caused not by ethno-cultural or mental peculiarities of Ossetians, but by the change of the system of social relations and the process of formation of consumer society. Reflection, the search

for self-identification groups and institutions of social protection can become a resource zone for overcoming the spiritual crisis. The high importance of the family as an adaptive and protective institution determines that "Happy family life" for Ossetians is the leading need and at the same time the most conflict value because of its inaccessibility.

Practical implications. *The obtained results can be used in the implementation of measures to improve the activity and quality of life of representatives of different ethnic groups in specific regions of modern society.*

Keywords: *determinants of life; values; spiritual crisis; meanings of life; reflection; Ossetians.*

Введение

Исследование психологических детерминант жизнеосуществления представителей различных этнических групп является актуальным направлением для изучения перспектив развития поликультурного общества.

Психологические детерминанты жизнедеятельности личности привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Зарубежные психологи выделяют особенности жизнеосуществления, которые основаны на преобладании либо внутренних стремлений, связанных с ценностями личностного роста, здоровья, любви, привязанности, служения обществу, либо внешних стремлений, связанных с такими ценностями, как материальное благополучие, социальное признание и физическая привлекательность [16, с. 281]. Для нашего исследования наибольшую ценность представляют методологические аспекты изучения детерминант жизнедеятельности Е.Ю. Коржовой, опирающиеся на труды К.А. Абульхановой – Славской, Л.И. Анцыферова, А.А. Бодалева, А.А. Грачева, В.Н. Парфенова и др.

Детерминанты жизнедеятельности осетин в рамках данного исследования нами рассматривались через совокупность следующих феноменов: жизненные ориентации, смыслы жизни, ценности, рефлексия собственной жизни, базовые жизненные переживания.

В концепции человека как субъекта жизнедеятельности Е.Ю. Коржовой выделяются базовые компоненты жизненных ориентаций с положительным и отрицательным полюсами. К ним относятся: изменчивость (стремление изменяться) – стабильность (стремление оставаться прежним); внутренний локус контроля (принятие ответственности) – внешний локус контроля (делегирование ответственности); направленность на освоение внутреннего мира (стремление к самосовершенствованию) – направленность на освоение внешнего мира (стремление к практической деятельности); подвижность (стремление к новизне) – инертность (стремление к привычному); преобразование жизненных ситуаций (творчество) – адаптация к жизненным ситуациям (приспособление). Преобладающий полюс жизненных ориентаций формирует активную либо пассивную жизненную позицию личности.

Исследования смыслов жизни – важный аспект в изучении психологических особенностей осуществления жизнедеятельности. Ученые – психологи Б.С. Братусь; Н.А. Деева, Ф.Е. Василюк, Д.А. Леонтьев и др. указывают на то, что ценностно-смысловые феномены являются ядром направленности жизнедеятельности человека. Смыслы представляются как содержательно-динамичные образования, которые, с одной стороны, определяют внутренний мир человека, его «ядро», а, с другой, направляют его жизнедеятельность.

Смыслы жизни находятся тесной взаимосвязи с ценностями личности. В структуре ценностей личности находят свое отражение социокультурные перемены, которые происходят в современном обществе. Система ценностей, в свою очередь, находят свое выражение в мотивации поведения личности. Анализ ценностной сферы осуществлялся нами согласно подходу Е.Б. Фанталовой. Автор, основываясь на классификации ценностей М. Рокича, предлагает методику определения соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах, которая позволяет диагностировать «внутренний конфликт» и «внутренний вакуум» в ценностной сфере [13]. Данный подход позволил нам выявить внутренние конфликты в мотивационно-ценностной сфере осетин.

Также большую ценность в контексте изучения психологических особенностей жизнеосуществления имеет анализ рефлексивных особенностей личности. Роль рефлексии как механизма саморегуляции в преобразовании ценностно-смысловой сферы отмечается многими исследователями. Рефлексия понимается как способность произвольного обращения человеком сознания на самого себя. Мы опирались в своем исследовании на подход Д.А. Леонтьева, который выделил следующие три формы рефлексии: интроспекция (самокопание), системная рефлексия, квазирефлексия. Для интроспекции характерна сосредоточенность на собственном состоянии, собственных переживаниях. Квазирефлексия направлена на объект, не имеющий отношение к актуальной жизненной ситуации и связанная с отрывом от актуальной ситуации бытия в мире. Системная рефлексия, связана с самодистанцированием и взглядом на себя со стороны [6].

Особую актуальность в рамках изучения особенностей жизнеосуществления современными осетинами имеет феномен базовых бытийных переживаний. Л.В. Восковская (Шутова), и А.В. Ляшук полагают, что все психологические явления, порождаемые взаимодействием человека с такими базовыми категориями, как свобода, смерть (страх смерти), бессмысленность, одиночество, вина и ответственность, с большой степенью отражают явления его духовной жизни. Следовательно, порождаемые ими конфликты повышают вероятность возникновения духовного кризиса. Духовный кризис авторы рассматривают как переживание утраты бытийной основы существования, которое возникает в ответ на эмоциональную реакцию относительно индивидуально значимого события. Субъективная оценка указанных типов в прошлом, настоящем и будущем позволяет установить вероятности духовного кризиса, а также напряженности экзистенциального вакуума и ведущей тенденции в духовном развитии [1].

Опираясь на обозначенные теоретико-методологические подходы, в рамках данного исследования нами была сформулирована цель – выявить проблемные и ресурсные зоны детерминант жизнедеятельности современных осетин, проживающих в Северной и Южной Осетии, и предложить объяснительные принципы выявленных особенностей.

Методы

В эмпирическом исследовании психологических детерминант жизнедеятельности современных осетин, применялись следующие методики:

1. «Опросник жизненных ориентаций» Е.Ю. Коржовой [7].
2. «Методика исследования жизненных смыслов» В.Ю. Котлякова [3].
3. Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой [13].
4. Методика «Духовный кризис» Л.В. Шутовой, А.В. Ляшук [1].
5. Опросник «Дифференциальный тип рефлексии» Д.А. Леонтьева, Е.М. Лаптевой, Е.Н. Осина, А.Ж. Салиховой [6].

Выборку исследования составили 265 человек, 136 – осетины, проживающие в Северной Осетии, 129 – осетины, проживающие в Южной Осетии.

Результаты

В соответствии с полученными, с помощью данных методик, результатами, в качестве проблем зон детерминант жизнедеятельности современных осетин, были выявлены следующие особенности:

- Наиболее значимой из базовых ценностей и в Северной и Южной Осетии является ценность «Счастливая семейная жизнь». Средний балл по значимости данной ценности – 9,5 (из 11 возможных баллов). Однако именно в этой доминирующей ценности наиболее распространен внутренний конфликт между значимостью и достижимостью. Средний балл по достижимости данной ценности – 6,6 в Северной Осетии и 7,4 – в Южной Осетии (из 11 возможных баллов). Особенно этот внутренний конфликт выражен в Северной Осетии – 36,7% респондентов северных осетин ценят счастливую семейную жизнь, но считают ее труднодостижимой (в Южной Осетии таких респондентов выявлено 19,6%) [10].
- Более половины осетин – 51,2% не удовлетворены своей жизнью. Треть осетин в Северной и Южной Осетии переживают

пик духовного кризиса – 32,4% респондентов от общей выборки. Вероятность духовного кризиса в Южной Осетии выявлено у 37% респондентов, в Северной Осетии у 38% респондентов, напряженность экзистенциального вакуума выявлена у 42% осетин и в Южной Осетии и в Северной Осетии. Таким образом, вероятности духовного кризиса и напряженности экзистенциального вакуума у северных и южных осетин идентичны [12].

- В период с 2010 по 2016 гг. у северных осетин произошел существенный спад реализации субъектного потенциала, значимо понизилась активность жизненной позиции. В таблице 1 приводятся данные исследования жизненных ориентаций осетин в 2010 и 2016 годах (таблица составлена Султановой З.В.) [11].

Таблица 1.

**Различия по базовым компонентам жизненных ориентаций
у северных и южных осетин в 2010 и 2016**

Базовые компоненты жизненных ориентаций	2010 г.	2016 г.	Различия по Т-критерию Стьюдента
Итоговый показатель	5,96±2	5,49±1,8	P < 0,005
Транситуационная изменчивость	6,16±2,2	5,58±1,9	P < 0,001
Транситуационный локус контроля	5,55±2	6,17±1,8	P < 0,000
Транситуационное освоение мира	6,74±1,9	6,22±1,8	P < 0,002
Транситуационная подвижность	6,3±2,1	5,7±1,8	P < 0,001
Транситуационное творчество	6,27±2,4	5,34±2,1	P < 0,000

- На юге и севере Осетии вопросы материальной обеспеченности жизни относятся к числу наиболее острых. Ценностный конфликт, связанный с материально-обеспеченной жизнью, характерен для 24,1% осетин [10].
- Творчество и красота природы и искусства являются наименее значимыми ценностями, и вызывают духовный вакуум, то есть у осетин (и южных и северных) снижены побуждения

в данных сферах. Как отмечает Султанова З.В. «Состояние опустошения, снижения побуждений, то есть «внутренний вакуум» осетины склонны испытывать в таких сферах жизни как: красота природы и искусства (27,4% респондентов) и творчество (20,4% респондентов)» [8].

В качестве ресурсных зон детерминант жизнедеятельности современных осетин, были выявлены следующие особенности:

- Высокий уровень ценности семьи. И в Северной и Южной Осетии эта ценность возглавляет иерархию значимых ценностей. Т.е. семья является устойчивой ценностью у осетин [10].
- Доминирующие смыслы жизни у осетин – ответственность и свобода. Средний балл по значимости категории «ответственность» – 13,3 балла, категории «свобода» – 11,3 балла. Значимых различий между северными и южными осетинами по данным категориям не выявлено. Ответственность устойчиво коррелирует с переживанием свободы ($r=0,34$; $p=0,0001$): чем выше ответственность, тем больше свободы, и наоборот [12].
- Высокий уровень рефлексии на юге Осетии. Все типы рефлексии, как более, так и менее конструктивные в значительной степени более присущи южанам, чем северянам. В таблице 2 приводятся данные исследования особенностей рефлексии осетин в Северной и Южной Осетии (таблица составлена Султановой З.В.) [9].

Таблица 2.

Значимые различия по типам рефлексии между представителями
Южной и Северной Осетии

Типы рефлексии, по которым обнаружены значимые различия	Южная Осетия средние баллы	Северная Осетия средние баллы	Уровень статистической значимости Т-критерию Стьюдента
Интроспекция	24,78±6,2	22,04±5,9	$P < 0,0001$
Системная рефлексия	36,67±5,8	34,57±6,6	$P < 0,007$
Квазирефлексия	24,17±5,7	22,42±6	$P < 0,018$

- На севере и юге Осетии повысился по сравнению с 2010 г. locus контроля. Ответственность за проблемные ситуации осетин стали реже возлагать на внешние обстоятельства, чаще осуществляя субъективный контроль над ними [11].

Обсуждение результатов

Анализ проблемных и ресурсных зон детерминант жизнедеятельности современных осетин, позволяет выделить ряд закономерных тенденций, которые характерны как для южных, так и северных осетин.

Основная проблемная зона прослеживается в том, что вопросы, связанные с материальной обеспеченностью, как в Южной Осетии, так и в Северной Осетии относятся к числу наиболее острых проблем. Одновременно с этим творчество, красота природы и искусства являются наименее значимыми ценностями на современном этапе, и вызывают духовный вакуум у осетин: так треть осетин на севере и юге переживают пик духовного кризиса, при этом наблюдается снижение мотивации приобщения к духовным ценностям и преодоления духовного вакуума. В результате более половины осетин не удовлетворены своей жизнью.

Таким образом, мы видим, с одной стороны, достаточно высокий уровень материальных потребностей, а с другой стороны низкую мотивацию в приобщении к духовным ценностям. Сложившуюся ситуацию сложно понять с точки зрения этнокультурных или ментальных особенностей осетин, поскольку преобладание материальных ценностей характеризует скорее культуры индивидуалистического типа, а культуру осетин можно охарактеризовать в большей степени как коллективистскую. В психологии коллективистские культуры характеризуются зависимостью личности от группы и выраженностью «Мы-идентификации» [18]. По всей видимости, описываемые изменения в структуре потребностей осетин, являются отражением тех процессов, которые происходили и происходят на всем постсоветском пространстве. В результате смены системы общественных отношений, духовные ценности, к которым был адаптирован чело-

век, были разрушены, а вместе с ними рассогласованы и сложившиеся механизмы психологических защит, что, как следствие, лишает человека привычных элементов внешней опоры.

Приоритет материальных ценностей в системе потребностей осетин объясняется тем, что, как отмечает Кудрявцев В.Н. «Трудности кризисного периода выдвигают на первый план самые элементарные потребности, которые в нормальных условиях удовлетворяются без особых забот, и прежде всего – потребности в пище и самосохранении. Большинству населения приходится повседневно беспокоиться о «хлебе насущном» – в прямом, а не в переносном смысле, думать о заработках, жилье, одежде. Все это во время кризиса загромождает такие потребности, как потребности в знаниях, творчестве, духовном общении и т. д. Даже потребности в социальной активности или общении становятся производными, поскольку начинают обслуживать элементарные потребности выживания» [4, с. 36].

Этнологи, исследуя генезис культур разных народов, ввели в научный оборот понятие «время сверх достаточного», суть которого заключается в том, что развитие культуры и прежде всего духовной культуры происходит тогда, когда у людей остается достаточно времени после удовлетворения своих базовых материальных потребностей. Следовательно, можно предположить, что с улучшением условий жизни на постсоветском пространстве и в частности в Южной Осетии и в Северной Осетии интерес к духовным ценностям будет возрастать. Однако этот процесс приобщения к духовным ценностям усложняется тем, что у нас формируется общество, которое квалифицируется как потребительское. Потребительское оно не потому, что люди лучше питаются, чем их предшественники, не потому, что распоряжаются большим количеством технических средств, наконец, не потому, что удовлетворяют свои потребности. Потребительское общество – это тип отношений, формирующий определенную культуру, это система сугубо материалистических норм и ценностей, основой которой является приобретение благ и использование их как символов своего статуса и успеха. Таким образом, приоритет материальных ценностей носит не временной характер,

так как потребности человека отражают его зависимости внешнего мира и сложившихся общественных отношений. Как отмечает А.Н. Ильин «Культура потребления нарушает баланс между структурой потребностей и доступными ресурсами, все превращено в аморфность тотальной равнозначности с потерей устойчивости понятий «нравственное», «красивое», «истинное» [2, с. 108].

Как нам представляется, причину падения духовности наиболее точно сформулировал Эрих Фромм: «Капиталистическая экономика, основанная на свободе рынка и приватизации, коммерциализирует всё общество, все его структуры, среди них и человека, подчиняя их культу денег. Всё становится товаром, предметом купли-продажи, в том числе профессии, занятия, статусы. Следствием этого становится самоотчуждение человека, потеря им своей гуманистической сущности. Человек превращается в служащий экономической машине инструмент, который заботится об эффективности и успехе, а не о счастье и развитии души» [14].

Исходя из этого, можно сказать, что складывающиеся в Северной и Южной Осетии отношения, характерные для потребительского общества, с приоритетом материальных ценностей и крахом устоявшейся системы духовных ценностей создали своеобразный духовных вакуум. Происходящие в современном обществе процессы таят в себе разрушительный потенциал, поскольку изнутри разлагают национальное сознание и уничтожают самобытную духовность народа. Все это порождает духовный кризис.

На наш взгляд, ответом личности на вызовы современного состояния социума могут быть:

- рефлексия, как самоанализ и осмысление своих действий, духовных, нравственных и этнокультурных ценностей;
- поиск групп самоидентификации;
- поиск институтов социальной защищенности.

Рефлексия, поиск групп самоидентификации и институтов социальной защищенности могут стать ресурсной зоной выхода из духовного кризиса. В результате рефлексии происходит смена жизненных стратегий, мотивации поведения и т.д.

Интерес вызывает тот факт, что на юге Осетии выявлен более высокий уровень рефлексии: все типы рефлексии, как более, так и менее конструктивные в значительно большей степени присущи южным, чем северным осетинам.

Как отмечают многие исследователи, в ситуации кризиса человек не только рефлексиирует меняющиеся социальные реалии, но, также, идет поиск групп самоидентификации и институтов социальной защищенности. Так, например, согласно концепции социальной идентичности Г. Тежфела, личность, чтобы удовлетворить свою основную потребность в самоуважении, склонна искать группы самоидентификации и находить позитивные отличия своей группы от других [17]. Для осетин такой группой стала семья. И это естественно, так как осетины являются носителями традиционных форм культуры. Но семья для осетин стала не только группой самоидентификации, но и институтом социальной защищенности. Поэтому у северных и южных осетин в иерархии значимых ценностей на первом месте стоит ценность «Счастливая семейная жизнь».

Кризисное состояние общества является мощным фрустрирующим фактором, так как люди не имеют возможности удовлетворить многие материальные и духовные потребности. К.Г. Юнг писал, что, в состоянии фрустрации, человек ищет пути и возможности удовлетворения фрустрирующей потребности в своем сознательном опыте, привычных формах поведения и известных формах решения проблемы. Если в осознаваемом опыте он не находит пути удовлетворения своей потребности, то он обращается к опыту предков т.е. к образам коллективного бессознательного [15]. В нашем коллективном бессознательном хранится весь предшествующий опыте человечества, в котором, основными институтами социальной защищенности являются этнос, род, семья.

Таким образом, семья для осетин является не только группой самоидентификации, институтом социальной защищенности, но и той эталонной, единственной группой, которая дает ему возможность сохранить духовные и этнокультурные ценности. Столь высокая значимость семьи, как адаптивного и защитного института опре-

деляет то, что «Счастливая семейная жизнь» для осетин является ведущей потребностью, доминирующей и одновременно наиболее конфликтной ценностью в силу ее труднодостижимости.

Новая нарождающаяся система общественных отношений еще не сформировалась и предъявляет индивиду все новые и новые вызовы, следовательно, и процесс адаптации к ним, а соответственно и рефлексия носят циклический характер. Н.И. Лапин характеризует российский кризис как патологический социокультурный кризис. Внутри кризиса находится механизм самовосстановления и самовоспроизводства, на каждое действие по его преодолению возникает нейтрализующее противодействие, создающее очередную тупиковую ситуацию. Переживаемый нашим обществом кризис как бы заключает в себе порок заколдованного круга. Смысл патологического кризиса состоит в том, что он служит для разложения определенного типа социальных отношений, достигших завершаемой стадии развития. Но это ещё неадекватная форма возникновения качественно иной социальной системы [5, с. 15].

В силу социокультурных особенностей южных и северных осетин процесс адаптации идет не синхронно, как и проникновение в стиль жизни и отношений парадигм потребительского общества. Можно предположить, что северные осетины находятся на той стадии, когда возникло «нейтрализующее противодействие, создающее очередную тупиковую ситуацию». Именно с этим, как нам кажется, связан и тот факт, что у северных осетин в 2016 году по сравнению с 2010 годом наблюдается существенный спад реализации субъектного потенциала, значительно понизилась активность жизненной позиции.

В социально ориентированном обществе, когда государство принимало на себя ответственность за судьбу индивида, человек чувствовал социальную защищенность, уверенность в завтрашнем дне. Новое общество, построенное на предприимчивости, требует большую личную активность, ответственность за свою судьбу, судьбу своих близких их будущее. Этим, по всей видимости, объясняется тот факт, что наиболее частыми базовыми жизненными пережива-

ниями и доминирующим смыслом жизни у осетин на сегодняшний момент являются ответственность и свобода.

Заключение

Таким образом, можно предположить, что проблемные зоны психологических детерминант жизнедеятельности современных осетин связаны с социально-экономической ситуацией в регионе и ее преломлении в ценностно-мотивационной структуре личности. Кризисное состояние характерное для современного осетинского общества определяется приоритетом материальных потребностей и невозможностью их удовлетворения, девальвацией привычных духовных ценностей в силу их не востребованности, нарождающейся системой новых общественных отношений и при этом несформированностью ценностей потребительского общества, что вызывает духовный кризис и экзистенциальный вакуум. В этих условиях семья для осетин является не только группой самоидентификации, но и институтом социальной защищенности, и группой, сохраняющей духовные и этнокультурные ценности.

Полученные результаты и выводы могут быть применимы для усиления научной основы мероприятий, актуализирующих жизнеосмысление и способствующих повышению активности и качества жизнеосуществления представителей различных этнических групп в конкретных регионах современного общества.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках международного научно-исследовательского проекта РФФИ и МОНРЮО «Психологические детерминанты жизнедеятельности современных осетин», проект № 16-26-13003-ОГН.

Список литературы

1. Восковская (Шутова) Л.В., Ляшук А.В. Духовный кризис: проблемы определения и диагностики. // Психологическая диагностика. 2005. С. 51–57.
2. Ильин А.Н. Культура общества массового потребления: критическое осмысление: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. 208 с.
3. Котляков В.Ю. Методика исследования системы жизненных смыслов. // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. Выпуск 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. С. 18–21.
4. Кудрявцев В.Н. Социальные деформации (причины, механизмы и пути преодоления): монография. репр. изд. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 136 с.
5. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 3–18.
6. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
7. Практикум по психологии жизненных ситуаций / Под ред. Е.Ю. Коржовой. СПб: ООО «Фирма «Стикс», 2016. 268 с.
8. Султанова З.В. Психологические составляющие жизнедеятельности современных осетин // Рецензируемый журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования». 2017, №6. С. 32–42. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psycology-2017-6/3-sultanova.pdf> (дата обращения: 23.12.2018).
9. Султанова З.В., Газзаева-Супрунова Н.М. Анализ рефлексивных особенностей южных и северных осетин // Международный журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования». 2017, №6. С.43-49. URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psycology-2017-6/4-gazzaeva-suprunova.pdf> (дата обращения: 23.12.2018).
10. Султанова З.В. Сиукаева А.Г. Анализ ценностной сферы южных и северных осетин методом Е.Б.Фанталовой // Журнал «Экономические и гуманитарные исследования регионов». 2018, №1. С. 41–46. URL: <http://www.cegr.ru/> (дата обращения: 23.12.2018).

11. Султанова З.В., Бесаева А.Г. Особенности базовых жизненных ориентаций у южных и северных осетин // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». 2018, №1 (68). С. 320–322. URL: <http://amnko.ru/index.php/russian/journals/> (дата обращения: 23.12.2018).
12. Султанова З.В., Габулова И.М. Психологические аспекты базовых бытийных переживаний южных и северных осетин // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». 2018, №1 (68). С. 342- 345. URL: <http://amnko.ru/index.php/russian/journals/> (дата обращения: 23.12.2018).
13. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара, 2001. 128 с.
14. Fromm E. (1950) *Psychoanalysis and Religion*. New Haven: Yale University Press. 119 p.
15. Jung C.G. (1969). *Archetypes and the Collective Unconscious* [sic], *Collected Works of C.G. Jung, Volume 9 (Part 1)*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
16. Kasser T., & Ryan R. (1996). Further Examining the American Dream: Differential Correlates of Intrinsic and Extrinsic Goals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 22, pp. 280–287.
17. Tajfel H., & Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago; Nelson-Hall, pp. 7–24.
18. Triandis H.C. (1994). *Culture and social behavior*. N.Y.: McGraw-Hill. 384 p.

References

1. Voskovskaya (Shutova) L.V., Lyashuk A.V. *Dukhovnyy krizis: problemy opredeleniya i diagnostiki* [Spiritual crisis: problems of definition and diagnosis]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnosis]. 2005. pp. 51–57.
2. Il'in A.N. *Kul'tura obshchestva massovogo potrebleniya: kriticheskoe osmyslenie* [Culture of a society of mass consumption: critical understanding]. Omsk: Publishing house of OmGPU, 2014. 208 p.

3. Kotlyakov V.Yu. Metodika issledovaniya sistemy zhiznennykh smyslov [Methods of studying the system of life meanings]. *Sibirskaya psikhologiya segodnya: sbornik nauchnykh trudov* [Siberian psychology today: a collection of scientific papers]. Issue 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003, pp. 18–21.
4. Kudryavtsev V.N. *Sotsial'nye deformatsii (prichiny, mekhanizmy i puti preodoleniya)* [Social deformations (causes, mechanisms and ways to overcome)]. M.: Norma: INFRA-M, 2018. 136 p.
5. Lapin N.I. Sotsiokul'turnye faktory rossiyskoy stagnatsii i modernizatsii [Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2011. № 9, pp. 3–18.
6. Leont'ev D.A., Osin E.N. Refleksiya «khoroshaya» i «durnaya»: ot ob'yasnitel'noy modeli k differentsial'noy diagnostike [Reflection “good” and “bad”: from the explanatory model to the differential diagnosis]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2014. Vol. 11. No. 4, pp. 110–135.
7. *Praktikum po psikhologii zhiznennykh situatsiy* [A workshop on the psychology of life situations] / Ed. E.Yu. Korzhova. St. Petersburg: Firm Stiks LLC, 2016. 268 p.
8. Sultanova Z.V. Psikhologicheskie sostavlyayushchie zhiznedeyatel'no-sti sovremennykh osetin [Psychological components of life activity of modern Ossetians]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical and critical reviews and current research]. 2017, №6, pp. 32–42. <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psychology-2017-6/3-sultanova.pdf>
9. Sultanova Z.V., Gazzaeva-Suprunova N.M. Analiz refleksivnykh osobennostey yuzhnykh i severnykh osetin [Analysis of the reflective features of the South and North Ossetians]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [International Journal of Psychology. Historical and critical reviews and current research]. 2017, №6, pp. 43–49. <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-psychology-2017-6/4-gazzaeva-suprunova.pdf>
10. Sultanova Z.V., Siukaeva A.G. Analiz tsennostnoy sfery yuzhnykh i severnykh osetin metodom E.B.Fantalovoy [Analysis of the value sphere of the South and North Ossetians by the method of EB Fantalova]. *Ekonomicheskie i*

- gu-manitarnye issledovaniya regionov* [Journal “Economic and Humanitarian Studies of the Regions”]. 2018, №1, pp. 41–46. <http://www.cegr.ru/>
11. Sultanova Z.V., Besaeva A.G. Osobennosti bazovykh zhiznennykh orientatsiy u yuzhnykh i severnykh osetin [Features of basic life orientations in the South and North Ossetians]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [International scientific journal “World of science, culture, education”]. 2018, No. 1 (68), pp. 320–322. <http://amnko.ru/index.php/russian/journals/>
  12. Sultanova Z.V., Gabulova I.M. Psikhologicheskie aspekty bazovykh bytiynykh perezhivaniy yuzhnykh i severnykh osetin [Psychological aspects of basic existential experiences of the South and North Ossetians]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [International scientific journal “World of science, culture, education”]. 2018, No. 1 (68), pp. 342–345. <http://amnko.ru/index.php/russian/journals/>
  13. Fantalova E. B. Diagnosis and psychotherapy of internal conflict. Samara, 2001. 128 p.
  1. Fromm, E. (1950) *Psychoanalysis and Religion*. New Haven: Yale University Press. 119 p.
  2. Jung, C.G. (1969). Archetypes and the Collective Unconscious [sic], *Collected Works of C.G. Jung, Volume 9 (Part 1)*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
  3. Kasser, T., & Ryan, R. (1996). Further Examining the American Dream: Differential Correlates of Intrinsic and Extrinsic Goals. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 22, pp. 280–287.
  4. Tajfel H, & Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations* / Ed. by S. Worchel, W.G. Austin. Chicago; Nelson-Hall, pp. 7–24.
  5. Triandis H.C. (1994). *Culture and social behavior*. N.Y.: McGraw-Hill. 384 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Дреев Олег Иванович, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный педагогический институт
ул. К. Маркса 36, г. Владикавказ, 362003, Российская Федерация
dreev@mail.ru

Дреева Светлана Владимировна, доцент кафедры психологии,
кандидат психологических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный педагогический институт
ул. К. Маркса 36, Владикавказ, 362003, Российская Федерация
c.dreeva@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Dreev Oleg Ivanovich, Associate Professor, Department of Psychology,
PhD in Psychology
North-Ossetian State Pedagogical Institute
36, Karl Marks St., Vladikavkaz, 362003, Russian Federation
dreev@mail.ru
SPIN-code: 2632-6149
ORCID: 0000-0003-1214-8750
ResearcherID: S-3774-2016

Dreeva Svetlana Vladimirovna, Associate Professor, Department of
Psychology, PhD in Psychology
North-Ossetian State Pedagogical Institute
36, Karl Marks St., Vladikavkaz, 362003, Russian Federation
c.dreeva@mail.ru
SPIN-code: 8611-9286
ORCID: 0000-0002-7892-8429
ResearcherID: S-3795-2016

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-81-102

УДК 1 (159.9)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О РОДИТЕЛЬСКОМ ВОСПИТАНИИ

Капустина В.А., Карманова В.В.

Цель. Статья посвящена выявлению взаимосвязи между конфликтной компетентностью подростков и их восприятием параметров родительского воспитания, что позволит определить факторы риска социализации в семье, ведущие к неэффективному поведению в конфликте.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования составляет структурный подход к изучению конфликтной компетентности, представленный в научных работах М.М. Кашапова, М.В. Башкина, С. Runde. В работе использованы метод теоретического анализа и психологическое тестирование.

Результаты. В результате исследования было обнаружено, что доминирующим типом реагирования в конфликте у подростков 14–15 лет является «Оптимальное решение», для них характерен достаточно высокий уровень осведомленности о конфликте, способах поведения в нем, сочетающийся с неумением управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, сложностями в открытом проявлении своих эмоций. Корреляционный анализ показал наличие взаимосвязи низкого уровня конфликтной компетентности и выраженности в представлении подростков параметров родительского воспитания, которые могут быть отнесены к авторитарному стилю (гиперпротекция, чрезмерность запретов и санкций и т.д.).

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере образования в рамках профилактики асоциального поведения подростков.

Ключевые слова: конфликт; конфликтная компетентность; подростки; социализация; асоциальное поведение; профилактика конфликта; коммуникативная компетентность.

THE CORRELATION BETWEEN CONFLICT COMPE- TENCE OF ADOLESCENTS AND THEIR REPRESENTA- TIONS OF PARENTING

Kapustina V.A., Karmanova V.V.

Purpose. *The article is devoted to the investigation of the correlation between conflict competence of adolescents and their representations of parenting. The analysis of these results could be the basis of a prophylaxis of an asocial behavior of teenagers.*

Methodology. *The basis of the research is the structural approach to the study of a conflict competence, developed by M.M. Kashapov, M.V. Bashkin, C. Runde.*

Results. *It was found, that adolescents use to apply an optimal decision as a type of reaction in a conflict, they know a lot about conflict and conflict strategies but have no skills of understanding and managing of their emotions in a conflict. There are correlations between low level of a conflict competence and teenagers' representations of a directive style of parenting.*

Practical implications. *The results of the study can be applied in the sphere of education in a context of prophylaxis of an asocial behavior of adolescents.*

Keywords: *conflict; conflict competence; adolescents; socialization; asocial behavior; prophylaxis of a conflict; communicative competence.*

Введение

Конфликты в подростковом возрасте являются неотъемлемой частью взаимоотношений подростков как со взрослыми, так и со сверстниками. Позитивные функции подростковой конфликтности связаны с процессами самоидентификации, определением границ

своего «Я», формированием коммуникативных навыков. Семья как основной институт социализации подростка является основой для развития его конфликтной компетентности, потому что именно родители в первую очередь осознанно и/или неосознанно демонстрируют ребенку модели поведения в конфликте в контексте отношений на разных уровнях взаимодействия. Образцы эффективного поведения в конфликте подросток будет искать в первую очередь в своем окружении, в т.ч. в семье и в школе [7], но, несмотря на активное внедрение в российских школах школьных служб примирения (медиации) и данные исследователей, сообщающих о том, что школьники чувствуют себя в большей психологической безопасности, чем молодежь [3], в последние 5 лет отмечается рост числа погибших и пострадавших от стрельбы в школах и колледжах России, при этом в наиболее резонансных случаях, произошедших в 2018 году (г. Барабинск Новосибирской области, г. Шадринск Курганской области, г. Керчь Республики Крым), стрельбу открывали подростки. Профилактика подобного асоциального поведения может быть осуществлена через формирование конфликтной компетентности подростков. Стоит отметить, что конфликтная компетентность предполагает не только наличие у личности конфликтологических знаний, но возможность, готовность и реальную способность разрешать конфликты [11], т.е. большее значение имеет не знание структуры, факторов и условий развития конфликта, а понимание и умение оптимально решать возникающие конфликтные ситуации.

Рассмотрим современные представления о понятии «конфликтная компетентность».

Б.И. Хасан называет конфликтной компетентностью «уровень развития осведомленности о диапазоне потенциальных стратегий поведения в конфликте и умений реализовать эти стратегии в конкретной обстановке, умение удерживать противоречие в конструктивном русле, способствуя тем самым его разрешению» [18].

М.М. Кашапов подразумевает под конфликтной компетентностью «способность личности наиболее оптимальным и наименее ресурсозатратным способом преодолевать возникающие противоре-

чия, а также модифицировать деструктивное течение конфликтов в конструктивное, и, следовательно, разрешать их» [9]. Вместе с тем, конфликтная компетентность является частью конфликтоустойчивости, которая трактуется М.М. Кашаповым как продуктивная сопротивляемость деструктивным конфликтам.

По мнению С.М. Емельянова, конфликтная компетентность – это «совокупность знаний, навыков и умений специалиста в сфере управления персоналом в области конфликтологии», необходимые для конструктивного урегулирования возникающих конфликтов в профессиональной области [4].

В контексте изучения конфликтной компетентности крайне важно определить ее структурные элементы, поскольку это позволит более точно выявлять проблемные составляющие в конфликтном поведении человека, что необходимо для разработки эффективных способов психологической коррекции.

Л.А. Петровская, которая рассматривает конфликтную компетентность как интегральное образование, выделяет следующие уровни: уровень ценностей личности, уровень мотивов, установок и уровень умений [11]. Особый акцент автор делает на личностно-ценностном аспекте компетентности.

В структуре конфликтной компетентности Л.А. Петровская выделяет восемь компонентов [11]:

1. «Я-компетентность» – компетентность индивида в «собственном Я». Эта часть является базовой составляющей компетентности и означает, что личность адекватно ориентируется в собственном психологическом потенциале, а также в потенциале другого человека.
2. Ситуационная компетентность, означающая способность человека адекватно действовать в создавшейся ситуации.
3. Теоретическая компетентность – знания о конфликте, которые при условии тесной взаимосвязи и «встроенности» в личный опыт личности становятся компонентом его социальной установки.
4. Субъектная позиция участника конфликта, т.е. рефлексивная культура личности, предполагающая ее готовность и умение обратиться к интроспекции, а также умение реконструировать пси-

хологический профиль партнеров по конфликту и, собственно, конфликтных ситуаций.

5. Творческий потенциал личности, который содержит в себе способность человека гибко реагировать в конфликте, а также находить новые пути разрешения конфликтных и предконфликтных ситуаций.

6. Когнитивно-эмоциональная саморегуляция, включающая в себя способность сохранять равновесие в эмоционально заряженных конфликтных ситуациях.

7. Коммуникативные умения, т.е. способность высказываться, слышать собеседника, договариваться и устанавливать коммуникативную связь в конфликтной ситуации.

8. Сензитивность, т.е. высокая чувствительность в конфликтной ситуации, позволяющая быстро ориентироваться в эмоциональных состояниях участников конфликта, давать прогноз вероятности эскалации конфликта и т.д.

Несмотря на неоспоримую теоретическую значимость предложенной Л.А. Петровской структуры конфликтной компетентности, мы полагаем, что для практического применения в рамках профилактики неэффективного поведения в конфликте она является слишком громоздкой.

Наиболее обоснованным и аргументированным нам показался подход к структуре конфликтной компетентности, представленный в работах М.В. Башкина и включающий в себя следующие составляющие [1, 2]:

1. Когнитивная характеристика предполагает способность личности анализировать конфликтную ситуацию и выделять ее структурные компоненты.

2. Мотивационная характеристика представляет собой направленность личности на конструктивное разрешение конфликта.

3. Регулятивная характеристика обозначает способность личности к сознательному управлению собой и своим эмоционально-волевым состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях.

Разработанная М.В. Башкиным структура конфликтной компетентности опирается на подход Л.А. Петровской о составляющих

исследуемого феномена: теоретическая компетентность и креативность соответствуют когнитивному компоненту конфликтной компетентности. Субъектность участника конфликта, навыки эмоциональной саморегуляции, Я-компетентность», сензитивность и компетентность «в ситуации» в сумме отражают регулятивный компонент конфликтной компетентности. Однако, отмеченные Л.А. Петровской коммуникативные умения отсутствуют в предлагаемой М.В. Башкиным структуре конфликтной компетентности, т.к. они не являются независимым фактором – данная компетентность является по сути коммуникативной компетентностью [1].

Похожую структуру конфликтной компетентности предлагают С. Runde и В.К. Armon. По их мнению, эффективное решение конфликтов возможно только тогда, когда когнитивный, эмоциональный и поведенческий элементы конфликтной компетентности будут рассматриваться с учетом культурологических различий [13].

В исследованиях Т.В. Скутиной предпринимаются попытки проанализировать феномен конфликтной компетентности в контексте возрастной динамики. Естественно, конфликтная компетентность не есть чисто внешний, готовый ресурс, который достаточно лишь ассимилировать – напротив, это сложная система внутренних ресурсов – когнитивных и личностных, складывающихся по мере возрастного развития. В детстве конфликтная компетентность развивается по мере накопления опыта переживания и разрешения конфликтов [15, 16].

Развитие конфликтной компетентности в подростковом возрасте отличается рядом структурно-содержательных, динамических и половых особенностей. Так, подростки обладают очень разнящимися знаниями о способах поведения в конфликтных ситуациях: например, чаще всего, по их мнению, разрешению конфликта помогает ориентация на интересы и позицию другого, а не исключительно на свои собственные, выделяется роль сотрудничества в ходе разрешения конфликтов. Наоборот, стратегии избегания, нежелание вступать во взаимодействие с партнером по поводу возникших разногласий видится ими как неверное [20]. Следовательно, подростки

ориентированы на активное включение в конфликт и на стремление к его разрешению. С одной стороны, это подтверждает повышенную конфликтность подростков, с другой – позволяет говорить о высоком уровне интеллектуальной зрелости и готовности подростков к конструктивному поведению в конфликтных ситуациях.

Исследования поведенческой составляющей конфликтной компетентности подростков свидетельствуют, что в ситуации конфликта подростки задействуют весь спектр возможных стратегий поведения: от избегания до активного включения в конфликт. Среди этого континуума различных типов поведения в конфликтных ситуациях, по данным М.Ю. Худаевой, подростки реже всего используют стратегии сотрудничества [22], частым способом поведения у подростков в конфликтах является компромисс, а наиболее популярна, по результатам исследования Н.Н. Колмогорцевой и Л.М. Рахмангуловой, тактика избегания (62,7%), которая характеризуется попыткой уйти, уклониться от конфликта, обесценить его, выйти из конфликтной ситуации, не разрешая ее (молчание, демонстративное удаление, обиженный уход и т.д.) [10]. Данные исследования Л.Ш. Каримовой говорят о том, что подростки предпочитают тактику компромисса (40%) и конкуренции (38%) [8].

М.Ю. Худаева приводит в своих работах не только покомпонентный анализ развития конфликтной компетентности, но и интегральный. В исследуемой выборке выделилось три кластера подростков по общему уровню конфликтной компетентности. 61,3% подростков характеризуются низким уровнем конфликтной компетентности, т.е. они не обладают знаниями, навыками и умениями, позволяющими конструктивно и эффективно действовать в конфликтных ситуациях: прогнозировать конфликт, целенаправленно влиять на ситуацию и моделировать свое поведение, с целью предотвращения конфликта, а также конструктивно разрешать конфликты, сотрудничать. 35,5% подростков обнаруживают средний уровень развития конфликтной компетентности, их отличает нестабильности проявления умений грамотно действовать в конфликтной ситуации, несистемность, недостаточной осознанности о причинах возникновения и ходе течения

конфликта. Наконец, всего 3,2 % подростков обнаружили высокий уровень развития конфликтной компетентности. Эти подростки стремятся к позитивным отношениям, легко распознают свое эмоциональное состояние и состояние другого человека, кроме этого, умело обладают развитыми навыками саморегуляции эмоциональной, поведенческой сферы. [6, 20].

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязи между конфликтной компетентностью подростков и их восприятием параметров родительского воспитания, что позволит определить факторы риска социализации в семье, ведущие к неэффективному поведению в конфликте.

Объектом исследования является конфликтная компетентность.

Предмет исследования – взаимосвязь конфликтной компетентности с представлениями подростков о родительском воспитании.

Гипотеза: существует взаимосвязь между компонентами конфликтной компетентности подростков и параметрами родительского воспитания в представлении подростков.

Мы полагаем, что низкие значения компонентов конфликтной компетентности у подростков будут связаны с высокими значениями показателей гиперпротекции, чрезмерности требований-запретов и санкций, поскольку такое поведение родителей может быть проявлением авторитарного стиля воспитания, когда мнение подростка в конфликтной ситуации игнорируется, при этом формируется модель агрессивного поведения в конфликте.

Материалы и методы

В рамках данного исследования мы использовали следующие методы:

1. Теоретический анализ научных публикаций по теме исследований.

2. Психологическое тестирование с применением опросника ведущего типа реагирования в конфликте (М.М. Кашапов, Т.Г. Киселева) [9], методики «Конфликтная компетентность личности» (М.В. Башкин, В.А. Горшкова, А.М. Воскресенский) [2], опрос-

ника «Родителей оценивают дети», вариант для подростков 14–15 лет (И.А. Фурманов, А.А. Аладыин), созданного на базе методики «АСВ» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса [17].

3. Математический метод с использованием Rs-критерия корреляций Спирмена и U-критерия различий Манна-Уитни.

Базой эмпирического исследования послужило муниципальное общеобразовательное учреждение города Обь «Средняя общеобразовательная школа №26» Новосибирской области. В исследовании приняли добровольное участие учащиеся 8 и 9 классов средней образовательной школы, всего – 102 респондента в возрасте 14 и 15 лет (средний возраст 14,5 лет), из них 58 учащихся мужского пола, 44 – женского.

Результаты и их обсуждение

Рассмотрим полученные результаты.

Полученные по опроснику ведущего типа реагирования в конфликте данные показали, что доминирующим типом реагирования в конфликте у подростков является «Оптимальное решение» ($M=26.4$), при этом типы реагирования «агрессия» и «уход» имеют незначительные различия по средним значениям на выборке ($M=17.1$ и $M=16.8$, соответственно). Полученный результат позволяет сделать вывод, что в целом подросткам 14–15 лет свойственно признавать различия во мнениях, они готовы знакомиться с разными точками зрения в отношении конфликтной ситуации для достижения понимания причин конфликта и поиска наиболее эффективных действий, способствующих взаимной выгоде для обеих сторон. Указанные выше данные отчасти подтверждают исследования А.О. Жирновой, которая приходит к выводу о том, что большинство подростков (70,6 %) в ходе конфликта предпочитают прийти к такому соотношению, чтобы было хорошо и им, и их оппонентам [5], что можно рассматривать как проявление оптимального типа поведения в конфликте, и Т.В. Скутиной, по данным которой восьмиклассники достоверно чаще, по сравнению с подростками других классов, используют проблемно-разрешающий способ поведения [16].

Тестирование подростков с применением методики «Конфликтная компетентность личности» показало наибольшие средние значения по шкале «Когнитивный компонент» ($M=4.23$) и наименьшие – по шкале «Регулятивный компонент (эмоциональный элемент)» ($M=1.78$). Данный результат демонстрирует достаточно высокий уровень осведомленности подростков о конфликте, способах поведения в нем, сочетающийся с неумением управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, сложностями в открытом проявлении своих эмоций без оскорблений оппонента и эмпатии.

Похожие выводы мы встречаем в работах М.Ю. Худаевой: в эмоционально-оценочном компоненте конфликтной компетентности подростки обнаруживают ряд трудностей, особенно на уровне рефлексии поведения другого человека в конфликте, при этом большую готовность понять внутренний мир партнера подростки проявляют по отношению к сверстникам и родителям, а меньшую – к педагогам. Иными словами, ближний круг «объектов» эмпатии подростки ограничивают своими близкими, родными, друзьями, а эмоциональные переживания учителей не являются предметом рассмотрения [19].

В результате диагностики с использованием опросника «Родителей оценивают дети» выявлено, что наиболее выражены средние значения по шкалам «Гиперпротекция» ($M=4.02$), «Гипопротекция» ($M=3.95$), Потворствование ($M=3.85$), «Фобия утраты» ($M=3.38$), наименее выражены значения по шкале «Чрезмерность санкций» ($M=1.28$) и «Игнорирование потребностей ребенка» ($M=1.33$). Это означает, что в представлении подростков, с одной стороны, родители уделяют слишком много внимания их воспитанию, стремятся к максимальному удовлетворению всех потребностей подростка, избегают применения строгих наказаний, опасаются за его жизнь и здоровье, а с другой стороны, обращают на него внимание только в случае, если случится что-то серьезное. Подобные результаты могут быть как следствием недостаточной педагогической компетентности родителя, что может проявляться в неустойчивости стиля

воспитания, когда родители непоследовательны в своем поведении в отношении ребенка, так и проявлением особенностей подросткового возраста, поскольку подростки в этот период хотят одновременно и продемонстрировать свою взрослость и независимость, и получать от родителей поддержку и заботу в сложных ситуациях.

Корреляционный анализ с применением R_s -критерия Спирмена показал, что существуют значимые взаимосвязи параметров родительского воспитания в представлении подростков и компонентов конфликтной компетентности, а именно: когнитивный компонент конфликтной компетентности имеет достоверно значимые обратные корреляции со шкалами «Гиперпротекция» ($R_s = -0.24$, $p < 0.01$), «Игнорирование потребностей» ($R_s = -0.20$, $p < 0.05$), «Чрезмерность требований-запретов» ($R_s = -0.22$, $p < 0.02$), «Чрезмерность санкций» ($R_s = -0.24$, $p < 0.01$), «Предпочтение в подростке детских качеств» ($R_s = -0.28$, $p < 0.01$), «Воспитательная неуверенность родителя» ($R_s = -0.25$, $p < 0.01$), «Фобия утраты» ($R_s = -0.32$, $p < 0.001$), «Неразвитость родительских чувств» ($R_s = -0.23$, $p < 0.02$). Это означает, что в представлении подростков, проявляющих недостаточную теоретическую осведомленность о конфликтах, родительское воспитание характеризуется избыточностью внимания со стороны родителей к подростку, в т.ч. из-за опасения по поводу жизни и здоровья ребенка, недостаточным стремлением родителя удовлетворять потребность ребенка в общении и эмоциональном контакте, восприятием родительских обязанностей как утомительных и препятствующих достижению своих целей в жизни, поощрением инфантильного поведения подростка, неуверенностью в способах воспитания, но при этом предъявлением к ребенку множества требований, ограничивающих его самостоятельность, а в случаях нарушения правил поведения применением строгих наказаний.

Мотивационный компонент конфликтной компетентности связан со шкалой «Фобия утраты» ($R_s = -0.25$, $p < 0.01$), т.е. чем меньше родители ограничивают проявление свободы и самостоятельности из-за опасений за его жизнь и здоровье, тем выше направленность подростка на конструктивное решение конфликта.

Данные результаты подтверждают исследование В.А. Петровского и М.В. Полевой, в котором обнаружено, что у нелояльных родителей подростки враждебны, необщительны, отличаются повышенной конфликтностью, в присутствии родителей закрыты и обладают сниженной самооценкой [12].

Регулятивный компонент конфликтной компетентности имеет следующие достоверно значимые обратные корреляции с параметрами родительского воспитания в представлении подростков:

- Эмоциональный элемент связан со шкалами «Гипопротекция» ($R_s = -0.35, p < 0.001$), «Недостаточность требований-обязанностей» ($R_s = -0.29, p < 0.01$), «Воспитательная неуверенность» ($R_s = -0.21, p < 0.03$), «Неразвитость родительских чувств» ($R_s = -0.24, p < 0.02$), «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s = -0.22, p < 0.03$).
- Волевой элемент связан со шкалой «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s = -0.28, p < 0.01$).
- Рефлексивный элемент связан со шкалой «Расширение сферы родительских чувств» ($R_s = -0.20, p < 0.05$).

Полученные данные говорят о том, что сложности с управлением своим эмоциональным состоянием в предконфликтной и конфликтной ситуациях возникают у тех подростков, в представлении которых родители не проявляют к ним достаточно внимания, устанавливают минимум обязанностей для ребенка, постоянно уступают ребенку, проявляют поверхностный интерес к ребенку, но при этом акцентируют недостатки ребенка, которые в действительности типичны для них самих. Если, по мнению подростка, родитель борется с нежелательными качествами ребенка, присутствующими и у него самого, то у подростка возникают сложности в управлении собой в конфликтной ситуации. Если родители проявляют ревность к подростку, придираются к его друзьям, особенно противоположного пола, то подростку трудно мысленно реконструировать произошедшую конфликтную ситуацию для дальнейшей коррекции своего поведения.

Данные результаты позволяют лучше понять, какие факторы могут оказывать влияние на гетерохронность становления компо-

нентов конфликтной компетентности в подростковом возрасте, о которой говорит М.А. Худаева: когнитивный компонент опережает эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты, поэтому подростки понимают логику конфликта, причины его возникновения и эскалации, но им трудно осознать в полной мере поведение субъектов (собственное и другого) в конфликте и, соответственно, выбрать путь. вмещающий в себя как саморазвитие так и сохранение взаимоотношений [20].

Рассмотрим полученные корреляции между типами реагирования в конфликте и параметрами родительского воспитания в представлении подростков:

Агрессивный тип поведения в конфликте имеет прямые корреляции со шкалами «Недостаточность требований-обязанностей» ($R_s=0.32$, $p<0.001$), «Чрезмерность требований-запретов» ($R_s=0.23$, $p<0.02$), «Чрезмерность санкций» ($R_s=0.21$, $p<0.05$), «Незрелость родительских чувств» ($R_s=0.21$, $p<0.03$), «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s=0.29$, $p<0.01$).

Уход как способ поведения в конфликте связан со шкалами «Недостаточность требований-обязанностей» ($R_s=0.21$, $p<0.03$), «Чрезмерность требований-запретов» ($R_s=0.21$, $p<0.03$), «Фобия утраты» ($R_s=0.23$, $p<0.02$), «Незрелость родительских чувств» ($R_s=0.20$, $p<0.05$), «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($R_s=0.24$, $p<0.02$).

Представленные значимые взаимосвязи показывают, что представления подростков о том, что родители устанавливают для них минимальные обязанности, но вводят избыточные запреты и ограничения их свободы, проявляют к ним поверхностный интерес, при этом заостряют внимание на борьбе с недостатками подростка, которые типичны и для родителя, соотносятся сразу с двумя достаточно разными видами реагирования в конфликте – агрессивным и избегающим, что может являться предиктором возможного асоциального поведения подростка (например, проявление жестокости в школе или побегов из дома).

В результате сравнительного анализа с применением U-критерия Манна-Уитни было обнаружено, что юноши и девушки достоверно

различаются по параметрам «Чрезмерность требований-запретов» ($U=964.5$, $p < 0,03$), «Уход» ($U=975.5$, $p < 0,05$), т.е. подросткам мужского пола в большей степени, чем девушкам-подросткам кажется, что родители слишком сильно ограничивают их свободу и самостоятельность, но при этом подростки мужского пола реже по сравнению с девушками используют избегание конфликта, что в целом можно объяснить особенностями гендерного воспитания, когда от мальчика ждут активного поведения как в конфликте, так и в выборе жизненного пути, что предполагает отстаивание своих интересов. В то же время достоверно значимых различий в компонентах конфликтной компетентности между подростками мужского и женского пола не обнаружено, что не совпадает с выводами М.Ю. Худаевой о том, что девочки отличаются большей компетентностью в рамках когнитивного и поведенческого компонентов, но при этом подтверждает сведения о том, что мальчики демонстрируют большую готовность к согласованию с партнером предмета конфликта и поиску способов его разрешения вместе, а девочки не отдают явного предпочтения какому-либо одному способу поведения в конфликтных ситуациях [20].

Заключение

Проведенное исследование психологического содержания конфликтной компетентности подростка позволяет сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день не существует единого взгляда на суть и структуру понятия «конфликтная компетентность» по данной тематике, несмотря на большое количество отечественных и зарубежных исследований; в современной конфликтологии существует несколько близких по содержанию понятий, связанных со способностью личности управлять конфликтами: «конфликтная компетентность», «конфликтологическая компетентность», «конфликтоустойчивость», «конфликтологическая культура», однако они не являются тождественными, хотя проблема их точной дифференциации до сих пор не решена.

2. В психологии существует несколько подходов к определению структуры конфликтной компетентности, при этом наиболее обоснованным и аргументированным нам показался подход М.В. Башкина, который предложил структуру, содержащую три компонента: мотивационный, когнитивный (включающий в себя информационный и творческий элементы) и регулятивный (включающий эмоциональный, волевой и рефлексивный элементы).

3. Доминирующим типом реагирования в конфликте у подростков 14–15 лет является «Оптимальное решение», т.е. в целом подросткам 14–15 лет свойственно признавать различия во мнениях, они готовы знакомиться с разными точками зрения в отношении конфликтной ситуации для достижения понимания причин конфликта и поиска наиболее эффективных действий, способствующих взаимной выгоды для обеих сторон.

4. Для подростков 14–15 лет характерен достаточно высокий уровень осведомленности о конфликте, способах поведения в нем, сочетающийся с неумением управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях, сложностями в открытом проявлении своих эмоций без оскорблений оппонента и эмпатии.

5. В представлении подростков 14–15 лет родители, с одной стороны, уделяют слишком много внимания их воспитанию, стремятся к максимальному удовлетворению всех потребностей подростка, избегают применения строгих наказаний, опасаются за его жизнь и здоровье, а с другой стороны, обращают на него внимание только в случае, если случится что-то серьезное, что может быть следствием недостаточной педагогической компетентности родителя и проявляться в неустойчивости стиля воспитания.

6. Обнаружены значимые взаимосвязи компонентов конфликтной компетентности и параметров родительского воспитания на уровне восприятия подростками:

- В представлении подростков, проявляющих недостаточную теоретическую осведомленность о конфликтах, родительское воспитание характеризуется избыточностью внимания

со стороны родителей к подростку, в т.ч. из-за опасения по поводу жизни и здоровья ребенка, недостаточным стремлением родителя удовлетворять потребность ребенка в общении и эмоциональном контакте, восприятием родительских обязанностей как утомительных и препятствующих достижению своих целей в жизни, поощрением инфантильного поведения подростка, неуверенностью в способах воспитания, но при этом предъявлением к ребенку множества требований, ограничивающих его самостоятельность, а в случаях нарушения правил поведения применением строгих наказаний.

- Чем меньше родители ограничивают проявление свободы и самостоятельности из-за опасений за его жизнь и здоровье, тем выше направленность подростка на конструктивное решение конфликта.
- Сложности с управлением своим эмоциональным состоянием в предконфликтной и конфликтной ситуациях возникают у тех подростков, в представлении которых родители не проявляют к ним достаточно внимания, устанавливают минимум обязанностей для ребенка, постоянно уступают ребенку, проявляют поверхностный интерес к ребенку, но при этом акцентируют недостатки ребенка, которые в действительности типичны для них самих.

7. Представления подростков о том, что родители устанавливают для них минимальные обязанности, но вводят избыточные запреты и ограничения их свободы, проявляют к ним поверхностный интерес, при этом заостряют внимание на борьбе с недостатками подростка, которые типичны и для родителя, соотносятся сразу с двумя достаточно разными видами реагирования в конфликте – агрессивным и избегающим, что может являться предиктором возможного асоциального поведения подростка.

8. Подросткам мужского пола в большей степени, чем девушкам-подросткам кажется, что родители слишком сильно ограничивают их свободу и самостоятельность, но при этом подростки мужского пола реже по сравнению с девушками используют избегание конфликта.

Представленные выше данные позволили нам частично подтвердить выдвинутую гипотезу о существовании взаимосвязи компонентов конфликтной компетентности и параметров родительского воспитания в представлении подростков: гиперпротекция, чрезмерность требований-запретов и санкций соотносятся с когнитивным компонентом конфликтной компетентности подростков.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает необходимость более подробного изучения психологического содержания конфликтной компетентности подростков в контексте влияния институтов социализации для разработки и внедрения оптимальной системы профилактики конфликтного поведения подростков.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Список литературы

1. Башкин М.В. Конфликтная компетентность личности: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 242 с.
2. Башкин М.В. Формирование психологически комфортной и безопасной образовательной среды. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 108 с.
3. Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Features of teenagers' perceptions of security // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. Vol. 07. №31, pp. 230-238. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.31>
4. Емельянов С.М. Управление конфликтами в организации. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2006. 256 с.
5. Жирнова А.О. Конфликтологическая компетентность подростков (по результатам социологического исследования // Сборник материалов конференции: Всероссийский студенческий конвент «Инновация». Иваново, 2016. С. 123–127.
6. Исаева Н.И. Развитие конфликтологической компетентности в подростковом возрасте. Белгород: ИД «Белгород», 2012. С. 291–294.
7. Kapustina V. A. Socio-psychological aspects of adolescent socialization in lone-parent and two-parent families // Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol. 233, pp. 78–82.

8. Karimova L. Sh. (2015) Prevention of Interpersonal Conflicts In Teenagers Environment // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. № 191, pp. 1843–1847.
9. Кашапов М.М. Психология конфликтной компетентности. Ярославль: ЯрГУ, 2010. 128 с.
10. Колмогорцева Н.Н., Рахмангулова Л.М. Соотношение коммуникативной компетентности и моделей поведения подростков в конфликтной ситуации // *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. Новосибирск: ООО «Центр развития научного сотрудничества», 2009. №5-1. С. 87–92.
11. Петровская Л.А. К вопросу о природе конфликтной компетентности // *Вестник МГУ. Серия 14: Психология*. 1997. №4. С. 41–45.
12. Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений // *Вопросы психологии*. 2001. № 1. С. 19–26.
13. Runde C., Armon B.K. Conflict Competence in a Multicultural World // *Critical Issues in Cross Cultural Management*. Switzerland: Springer Nature. 2016. 190 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42166-7_5
14. Runde C. Conflict Competence in the Workplace // *Employment relations*. 2014. Vol. 40. №4, pp. 25-31. URL: <https://doi.org/10.1002/ert.21430>
15. Скутина Т.В. Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков // *Психология общения: тренинг человечности: тезисы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Л. А. Петровской*. М.: Смысл, 2007. С. 71–74.
16. Скутина Т.В. Конфликтная компетентность как ресурс развития межличностного общения подростков: дис. ... канд. психол. наук. Красноярск: СФУ, 2008. 154 с.
17. Фурманов И.А., Аладьин А.А., Фурманова Н.В. Психологическая работа с детьми, лишенными родительского попечительства. Минск: Тесей, 1999. 224 с.
18. Хасан Б.И. Психология конфликта и переговоры. М.: Академия, 2004. 192 с.
19. Худаева М.Ю. Психологические особенности развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // *Научные*

- ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 16. № 24. С. 226–229.
20. Худаева М.Ю. Психологические условия развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. Белгород: Психологический институт Российской академии образования, 2007. 179 с.
  21. Худаева М.Ю. Соотношение между самооценкой и уровнем притязаний как индикатор развития конфликтологической компетентности в подростковом возрасте // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. №9. С. 291–294.
  22. Худаева М.Ю. Социальный интеллект как условие развития социальной компетентности в подростковом возрасте // Теоретические и практические вопросы психологии и педагогики: сборник статей Международной научно-практической конференции. 2015. С. 285–288.

References

1. Bashkin M.V. *Konfliktnaja kompetentnost' lichnosti* [Conflict competence of a personality]. Jaroslavl': JarGU, 2009. 242 p.
2. Bashkin M.V. *Formirovanie psihologicheski komfortnoj i bezopasnoj obrazovatel'noj sredy* [Forming of a psychological security of an educational environment]. Jaroslavl': JarGU, 2014. 108 p.
3. Zotova O.Yu., Tarasova L.V. Features of teenagers' perceptions of security. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. 2018. Vol. 07. №31, pp. 230–238. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.31>
4. Emel'janov S.M. *Upravlenie konfliktami v organizacii* [Organizational conflict management]. SPb.: Avalon, Azbuka-klassika, 2006. 256 p.
5. Zhirnova A.O. *Sbornik materialov konferencii: Vserossijskij studencheskij konvent «Innovacija»* [Proc. Rus. Stud. Conf. «Innovation»: Conflict competence of teenagers]. Ivanovo, 2016, pp. 123–127.
6. Isaeva N.I. *Razvitie konfliktologicheskoj kompetentnosti v podrostkovom vozraste* [Development of a conflict competence of teenagers]. Belgorod: ID «Belgorod», 2012, pp. 291–294.
7. Kapustina V. A. Socio-psychological aspects of adolescent socialization in lone-parent and two-parent families. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 233, pp. 78–82.

8. Karimova L. Sh. (2015) Prevention of Interpersonal Conflicts In Teenagers Environment. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. № 191, pp. 1843–1847.
9. Kashapov M.M. *Psihologija konfliktnoj kompetentnosti* [Psychology of a conflict competence]. Jaroslavl': JarGU, 2010. 128 p.
10. Kolmogorceva N.N., Rahmangulova L.M. *Psihologija i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methodic and problems of an application]. Novosibirsk: OOO «Centr razvitija nauchnogo sotrudnichestva», 2009. №5–1, pp. 87–92.
11. Petrovskaja L.A. K voprosu o prirode konfliktnoj kompetentnosti [The nature of a conflict competence]. *Vestnik MGU. Serija 14: Psihologija*, Vol. 4. 1997. №4, pp. 41–45.
12. Petrovskij V.A., Polevaja M.V. Otchuzhdenie kak fenomen detsko-roditel'skih otnoshenij [Isolation as a phenomenon of a parental relations]. *Voprosy psihologii* [Questions of a psychology]. 2001. № 1, pp. 19–26.
13. Runde C., Armon B.K. Conflict Competence in a Multicultural World. *Critical Issues in Cross Cultural Management*. Switzerland: Springer Nature. 2016. 190 p. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-319-42166-7_5
14. Runde C. Conflict Competence in the Workplace. *Employment relations*. 2014. Vol. 40. №4, pp. 25–31. URL: <https://doi.org/10.1002/ert.21430>
15. Skutina T.V. *Psihologija obshhenija: trening chelovechnosti: tezisy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 70-letiju so dnja rozhd. L.A. Petrovskoj* [Proc. Int. Conf. «Psychology of a communication»: Conflict competence as a resource of a development of teenagers]. M.: Smysl, 2007, pp. 71–74.
16. Skutina T.V. *Konfliktnaja kompetentnost' kak resurs razvitija mezhlichnostnogo obshhenija podrostkov* [Conflict competence as a resource of a development of teenagers]. Krasnojarsk: SFU, 2008. 154 p.
17. Furmanov I.A., Alad'in A.A., Furmanova N.V. *Psihologicheskaja rabota s det'mi, lishennymi roditel'skogo popechitel'stva* [Psychological work with children without parental care]. Minsk: Tesej, 1999. 224 p.
18. Hasan B.I. *Psihologija konflikta i peregovory* [Psychology of a conflict and negotiation]. M.: Akademija, 2004. 192 p.
19. Hudaeva M.Ju. *Psihologicheskie osobennosti razvitija konfliktologicheskoy kompetentnosti v podrostkovom vozraste* [Psychological features

- of a development of teenagers' conflict competence]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Scientific statements of Belgorod State University]. 2012. V. 16. № 24, pp. 226–229.
20. Hudaeva M. Ju. *Psichologicheskie uslovija razvitija konfliktologicheskoj kompetentnosti v podrostkovom vozraste* [Psychological conditions of a development of teenagers' conflict competence]. Belgorod: Psichologičeskij institut Rossijskoj akademii obrazovanija, 2007. 179 p.
21. Hudaeva M. Ju. Sootnošenje mezhdu samoocenkoj i urovnem pritzazanij kak indikator razvitija konfliktologicheskoj kompetentnosti v podrostkovom vozraste [Interrelation of self-esteem and pretensions as an indicator of a development of teenagers' conflict competence]. *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyj universitet upravlenija)*, 2014. №9, pp. 291–294.
22. Hudaeva M. Ju. Social'nyj intellekt kak uslovie razvitija social'noj kompetentnosti v podrostkovom vozraste [Social intellect as a condition of a development of teenagers' conflict competence]. *Teoreticheskie i praktičeskie voprosy psihologii i pedagogiki: sbornik statej Meždunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii* [Proc. Int. Conf. «Theoretical and practical problems of a psychology and pedagogy»]. 2015, pp. 285–288.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Капустина Валерия Анатольевна, доцент кафедры психологии и педагогики, кандидат психологических наук, доцент
*Новосибирский государственный технический университет
пр. Карла Маркса, 20, г. Новосибирск, Новосибирская область,
630073, Российская Федерация
pskabinet@gmail.com*

Карманова Виктория Викторовна, магистрант кафедры общей психологии и истории психологии
*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллюйская, 28, г. Новосибирск, Новосибирская область,
630126, Российская Федерация
pskabinet@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kapustina Valeriia Anatolevna, Associated Professor, Department of Psychology and Pedagogy, Ph.D. in Psychology
Novosibirsk State Technical University
20, Karl Marks St., Novosibirsk, Novosibirskaya oblast, 630073, Russian Federation
pskabinet@gmail.com
SPIN-code: 9936-8943
ORCID: 0000-0002-8872-0306
ResearcherID: D-1071-2014

Karmanova Viktoriia Viktorovna, master student, Department of Common Psychology and History of Psychology
Novosibirsk State Pedagogical University
28, Viliuiskaia St., Novosibirsk, Novosibirskaya oblast, 630126, Russian Federation
pskabinet@gmail.com

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-103-113
УДК 159. 9

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЫ

Кокоева Р.Т.

В современном российском обществе в настоящее время наблюдается поступательное движение в сторону изучения и анализа мировых религий. Это способствует тому, что, опираясь на демократические ценности цивилизации, наше правительство формирует такое пространство, в котором представители разных религиозных конфессий, этносов, чувствуют себя достаточно комфортно. Верующий человек, содержательно наполненный религиозным чувством, эмоцией, религиозными ценностями, открыт миру, экзистенциально активен во внешней социальной среде. Такая структура религиозности дает возможность верующей личности развиваться, реализовать свой духовный потенциал и в целом, жизненный замысел. В работе проанализировано субъективное и объективное отношение молодежи к религиозной вере, уровни тревожности двух социальных групп респондентов: верующих и неверующих, соответственно – юношей и девушек.

Цель. *Статья посвящена исследованию религиозности юношей и девушек, эмоциональной защищенности, выявлению уровня ситуативной и личностной тревожности у верующих и неверующих молодежной среды.*

Методами *исследования явились анкетирование, опрос.*

Научная новизна – *использована авторская анкеты для выявления эмоционального чувства по отношению к религии среди юношей и девушек.*

Результаты *проведенного исследования показали следующее: юноши более религиозны, чем девушки, эмоционально защищены, девушки в меньшей степени религиозны, эмоционально менее устойчи-*

вы, нежели юноши (прихожане), более тревожны, нежели юноши.

Область применения результатов. Исследования могут послужить информативно-содержательной основой в изучении психологии религиозного сознания представителей православной традиции в образовательной сфере, социальных учреждениях.

Ключевые слова: религия; православная традиция; религиозность; верующий; неверующий; взаимосвязь; тревожность.

STUDY OF THE ANXIETY OF BELIEVERS AND NON-BELIEVERS AMONG YOUNG PEOPLE

Kokoeva R. T.

In the modern Russian society there is at present currently a forward movement towards the study and analyses of world religions. This contributes to the fact that based on democratic values civilization, our government forms such a space in which representatives of different religions confessions, ethnic groups, feel quite comfortable. A believer, full of content religions feeling, emotion, religious values, open to the world, existentially active in the external social environment. Such structure of religion gives opportunity for religions person to develop, to realize your spiritual potential and, in general, your life plan. The article is devoted to the question of interrelation of religions personality with the level of anxieties. The paper analyzes the personal and situational, anxiety of two groups of respondents: believers and non-believers. Analysis of empirical data is found, what the unbelievers of personal and situational anxiety is higher than that of believers.

Purpose. *The article is devoted to the study of the religiosity of young men and women, emotional security, identifying the level of situational and personal anxiety among believers and non-believers of the youth environment.*

Methodology. *The study was a questionnaire survey. Scientific novelty-the author's questionnaire is used to identify emotional feelings towards religion among boys and girls.*

Results. *The results of the study showed the following: boys are more religious than girls, emotionally protected, girls are less religious, emotionally less stable than boys (parishioners), more anxious than boys. The scope of the results.*

Practical implications. *Research can serve as an informative and informative basis in the study of the psychology of religious consciousness of representatives of the Orthodox tradition in the educational sphere, social institutions.*

Keywords: *religion; Christian tradition; religion; believer; unbeliever; relationship; anxiety.*

Религия как социальное явление в России претерпевала различную амплитуду интереса со стороны общества. Возрождение православной традиции наблюдалось, как известно, в период распада Советского союза – снятие идеологических запретов привели православную религию к новому осознанию христианского мироощущения и мироустройства. Восприятие окружающего мира, реализация своего жизненного замысла через православную доктрину привела к росту обращения личности в сторону религиозного сознания, особенно молодежи. Современный молодой человек четко понимает, что рыночная ориентация ввергает его в такие условия, в рамках которых он должна быть максимально адаптивным, менее тревожным. И если для определенной категории людей, характеризующейся индивидуальными личностными особенностями в определенной социально-психологической ситуации свойственно обращение к техникам ауторегуляции, как психологической помощи, способствующие снижению, в частности, тревожности, то для другой группы, оптимальное решение – обращение к религиозной вере, как способу освобождения от негативных психоэмоциональных состояний. Обращение к православной традиции в трудных жизненных ситуациях на сегодняшний день в нашей стране поступательно набирает силу, в виду все большего интереса, как к самой православной вере, так и ее практической психологической помощи.

Синдром тревожного мира – общая характеристика современного личностного и социального пространства человека. Молодежь в поликультурном и многоконфессиональном обществе как детерминанта всех социальных потребностей, интересов и ожиданий социума точно реагирует на события и явления, формируемые этими данностями. Психология религии опирается на доминирующее значение социальных факторов, влияющих на формирование религиозной веры, но на нее влияет и психологические особенности личности юношей и девушек, их гендерных характеристик и возрастные особенности развития. Религиозная вера как психологический феномен представляет собой ценность для религиозной личности и ценность для общества в способе организации, сбалансированности и стабилизации психоэмоционального состояния личности, в духовном развитии и саморазвитии человека в социуме. Наше исследование в своей теоретической структуре базируется на психоаналитической концепции К.Г. Юнга, который подчеркивает психологическое начало религии и анализирует ее с научной точки зрения. Ученый рассматривает религию как потребность человека в его стремлении к психическому здоровью. Обращение человека к религии – это необходимость, стремление его к душевному успокоению, психическому равновесию. Не менее глубоко о признании религии в социоэкономической жизнедеятельности современного человека высказался основоположник неопрейдизма Э. Фромм. Он указывал на то какова религия [6, с. 156], или же религия, способствующая развитию личности, реализации своего экзистенциального замысла, или же религия, наоборот, препятствует развитию личности. Показательно такое глубинное понимание религии и ее влияния на жизнеспособность личности определил блестящий ученый-практик, автор логотерапии Виктор Франкл, который считал, что если религия способствует реализации жизненного замысла человека, то она, безусловно, становится частью жизни личности, способом психологической помощи. Такая трактовка религиозности расширяет ее психические возможности и положительного влияния на жизнеспособность личности. Особого внимания заслуживает

молодежь, как активная развитая социальная группа нашего общества. В свою очередь известный американский психолог Г. Оллпорт, рассмотрев психологическую типологию религиозных личностей, вычленил одну из особенностей религии – ее ценностность, связанной с органической функциональностью, а, значит, практической духовной полезностью. Кроме того, в работе мы опирались на концептуальные положения отечественных ученых – Братусь Б.С., Лентьев Д.А. и Петровский А.В., а также исследователей в области религиозного сознания Василюка Ф.Е., Грановской Р.М., Демьянова А.И., Иваненко С.И.

Мы исследовали молодых людей в количестве 25 человек в возрасте 16–17 лет – экспериментальную группу составили 11 человек (мальчики верующие, прихожане Православной церкви Пресвятой Богородицы) и контрольная группа, в состав которой вошли 14 человек – неверующие, девочки в возрасте 16–17 лет горожане г. Владикавказ. Респонденты была предложена следующая процедура: сначала была проведена авторская анкета, в котором выявилось субъективное и объективное отношение молодых людей к религиозной вере, эмоциональному состоянию, дополненная методикой Ч. Спилбергера.

Авторская анкета, состоящая из 12 приведенных ниже вопросов.

1. Важна ли религиозная вера для молодого человека?

Таблица №1.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
да	5	36	9	82	14	56
нет	9	64	1	9	10	25
не знаю	-	-	4	36	4	16

2. Как часто Вы обращаетесь в вере?

Таблица №2.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
часто	-	-	9	82	9	36
иногда	3	21	4	36	7	28
редко	11	79	-	-	11	44

3. В каких обстоятельствах Вы обращаетесь к вере?

Таблица №3.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
В сложных ситуациях	5	36	7	64	12	48
Когда одинок (а)	-		3	27	3	12
Когда не с кем посоветоваться	9	64	1	9	9	36
Не обращаюсь	-	-	-	-	-	-

4. Считаете ли вы, что религия способствует развитию человека?

Таблица №4.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
Да	4	29	8	73	12	48
Нет	3	21	1	9	4	16
Затрудняюсь ответить	7	50	2	18	9	36

5. Вера в Господа, выполнение православных ритуалов и заповедей придает Вам уверенности?

Таблица №5.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий%
Да	3	21	9	82	12	48
Нет	6	43	1	9	7	28
Затрудняюсь ответить	5	36	1	9	6	24

6. Считаете ли Вы, что религия делает лучше человека?

Таблица №6.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий%
да	4	29	9	82	13	52
нет	1	7	-	-	1	4
затрудняюсь ответить	9	64	2	18	11	44

7. Может ли религия положительно повлиять на человека?

Таблица №7.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий%
да	2	14	8	73	10	25
нет	7	50	-	-	7	28
затрудняюсь ответить	5	36	3	27	8	32

8. Может ли религия внутренне защитить человека, сделать его сильнее?

Таблица №8.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
Да	3	21	8	73	11	44
Нет	8	57	2	18	10	40
Затрудняюсь ответить	3	21	1	-	4	16

9. Как Вы думаете, снижает ли молитва тревогу, беспокойство?

Таблица №9.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
Да	3	21	8	73	11	44
Нет	8	57	2	18	10	40
Затрудняюсь ответить	3	-	1	9	4	16

10. Испытываете ли Вы сильные эмоции, когда читаете молитву?

Таблица №10.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
всегда	-	-	-	-	-	-
часто	1	7	9	82	10	40
иногда	3	21	1	9	4	16
редко	10	71	1	9	11	44

11. Опишите свои эмоциональные чувства «здесь-и-сейчас».

Таблица №11.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
позитивные	2	14	9	82	14	56
тревожные	7	50	-	-	2	8
нейтральные	5	36	2	18	9	36

12. Чувствуете ли Вы себя защищенным, находясь в храме?

Таблица №12.

Ответы	Девушки – 14	%	Юноши – 11	%	Количество	Общий %
да	4	28	10	91	10	25
нет	8	57	-	-	8	32
не знаю	2	14	1	9	3	12

Анализ анкеты показал, что юноши (прихожане, верующие) более направлены к религиозной вере, чем девушки (неверующие). Респонденты (прихожане) от 73 до 82% утверждают, что они часто обращаются к религии, она необходима, делает человека лучше, способствует развитию. 82% прихожан считают, что религия способна внутренне защитить человека, они испытывают положительные эмоции от молитвы, 91% респондентов чувствуют себя защищенными. Девушки от 29 до 36% менее религиозны, и, следовательно, 57% не чувствуют себя защищенными, 50% испытывают тревожные эмоциональные чувства. Как мы видим, юноши религиозны, эмоционально защищены, девушки эмоционально менее устойчивы, не религиозны, нежели юноши (прихожане), более тревожны, нежели юноши.

По результатам методики Ч.Д. Спилбергера на выявление личностной и реактивной тревожности было выявлено, что у 5 из 11 верующих ситуативная тревожность высокая (45 баллов и более), а у неверующих 7 человек из 14 высокая (45 баллов и более) соответственно 20% верующие и 28% неверующие. Тогда как личностная тревожность показала, что у верующих – юноши (11 человек) нет высоких показателей, а у 11 из 14 неверующих - девушки испытывают высокие показатели тревожности (45 баллов и более), По личностной тревожности у верующие 0% баллов и у неверующие 44%.

Как нам кажется, религиозная вера представляет собой особое состояние сознания. Находясь в глубоком переживании, а вера и есть переживание, человек погружается в осознание и осмысление своего экзистенциального существования. Религиозность, формирующаяся в периоды социализации, выступает мощным стимулом для выработки положительных эмоций, нахождения себя и направлении своей будущности.

Список литературы

1. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология. М.: Флинта, 2008. С. 56–188.
2. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: МГУ, 1984. С. 45–200.
3. Грановская В.А. Психология веры. М.: 2014. С. 189–284.

4. Петровский А.В. Психология в России. XX век. СПб.: Наука, 2015. С. 146–231.
5. Петровский А.В. Психология и время. СПб.: Наука, 2007. С. 23–37.
6. Фромм Э. Бегство от свободы; Пер. с англ. М.: АСТАльпина, 2017. С. 123–288.
7. Франкл В. Воля к смыслу; Пер. с англ. М.: Альпина нонфикшн, 2018. С. 23–228.
8. Роджерс К. Клиент-центрированная терапия, учебное пособие. М.: Психотерапия, 2009. С. 476–512.
9. Юнг К.Г. Аналитическая психология и психотерапия. М.: Психотерапия, 2015. С. 23–354.
10. Ялом И. Лечение от любви // Психотерапевтические новеллы. М, 2008. С. 23–288.
11. Смирнов М.Ю. Человек в мире религии и религия в мире человека. <https://elibrary.ru/>
12. Савченко Е.А., Молчан Э.М. Наука и религия: диалоги о человеке и феноменах его бытия: учебно-методич. пособие. М., 2008. 240 с.
13. Сиверцев Е.Ю. Философия, религия и наука как способы оценки человеком конечности своего существования // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. №2. С. 13–17.
14. Фролова И.В. О человеке, обществе и религии // Философия и современность: мысли, понятия, идеи. Уфа: Изд-во Башкирского университета, 2001. С. 114–117.
15. Перфилова В.П. Влияние религии на поведение людей // Современное общество: человек, власть, экономика: Сборник материалов III Международной конференции. Разделы 1-5. 2014. С. 386–390.

References

1. Bratus' B.S. *Russkaya, sovetskaya, rossiyskaya psikhologiya* [Russian, Soviet, Russian psychology]. Moscow: Flint, 2008, pp. 56–188.
2. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhhvaniya* [Psychology of experience]. Moscow: Moscow State University, 1984, pp. 45–200.

3. Granovskaya V.A. *Psikhologiya very* [Psychology of faith]. Moscow: 2014, pp. 189–284.
4. Petrovskiy A.V. *Psikhologiya v Rossii. XX vek* [Psychology in Russia. Twentieth century]. SPb.: Science, 2015, pp. 146–231.
5. Petrovskiy A.V. *Psikhologiya i vremya* [Psychology and time]. SPb.: Science, 2007, pp. 23–37.
6. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]; Per. from English M.: ASTALPIN, 2017, pp. 123–288.
7. Frankl V. *Volya k smyslu* [The will to sense]; Per. from English M.: Alpina nonfixion, 2018, pp. 23–228.
8. Rodzhers K. *Klien-tsentrirovannaya terapiya* [Klien-centered therapy, study guide]. M.: Psychotherapy, 2009, pp. 476–512.
9. Yung K.G. *Analiticheskaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Analytical psychology and psychotherapy]. M.: Psychotherapy, 2015, pp. 23–354.
10. Yalom I. *Lechenie ot lyubvi* [Treatment for love]. *Psikhoterapevticheskie novelly* [Psychotherapeutic novels]. Moscow, 2008, pp. 23–288.
11. Smirnov M.Yu. *Chelovek v mire religii i religiya v mire cheloveka* [Man in the world and religion in the world of man]. <https://elibrary.ru/>
12. Savchenko E.A., Molchan E.M. *Nauka i religiya: dialogi o cheloveke i fenomenakh ego bytiya* [Science and religion: dialogues about man and the phenomena of his being]. M., 2008. 240 p.
13. Sivertsev E.Yu. *Filosofiya, religiya i nauka kak sposoby otsenki chelovekom konechnosti svoego sushchestvovaniya* [Philosophy, religion and science as a means of assessing a person's extremity of its existence]. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Right. International relationships]. 2010. №2, pp. 13–17.
14. Frolova I.V. *O cheloveke, obshchestve i religii* [About man, society and religion]. *Filosofiya i sovremennost': mysli, ponyatiya, idei* [Philosophy and modernity: thoughts, concepts, ideas]. Ufa: Publishing house of Bashkir University, 2001, pp. 114–117.
15. Perfilova V.P. *Vliyanie religii na povedenie lyudey* [The influence of religion on people's behavior]. *Sovremennoe obshchestvo: chelovek, vlast'*,

ekonomika : Sbornik materialov III Mezhdunarodnoy konferentsii [Modern society: people, power, economy: A collection of materials of the III International Conference]. Sections 1-5. 2014, pp. 386–390.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Кокоева Разита Тембулатовна, доцент кафедры психологии, кандидат педагогических наук, доцент
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, 362025, Российская Федерация
nebesa77777@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kokoeva Rosita Embulatovka, Associate Professor of Psychology, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
North Ossetian State University Costa
44-46, Vatutina Str., Vladikavkaz, 362025, Russian Federation
nebesa77777@mail.ru

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-114-126

УДК 159.9

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОСТИ И ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ ПО ЗРЕНИЮ

Краснов А.В., Баширова Э.Э.

Цель. Изучить взаимосвязь агрессивности с ценностно-мотивационными характеристиками у лиц с инвалидностью по зрению в связи со временем наступления инвалидности.

Методы или методология проведения работы. В исследовании принял участие 61 инвалид по зрению, 32 человека с врожденной инвалидностью и 29 – с приобретенной. Методы диагностики – «опросник Басса-Дарки», опросник М. Рокича «Ценностные ориентации», методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах». Собранные данные обрабатывались с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена и U-критерий Манна-Уитни.

Результаты. Лица с врожденной инвалидностью по зрению обладают более низкими показателями агрессивности, чем лица с приобретенной инвалидностью. Для лиц с врожденной инвалидностью по зрению более значимы ценности, центрированные на самореализации, тогда как для лиц с приобретенной инвалидностью – центрированные на приспособлении к группе. Каждая из исследуемых групп обладает специфическими корреляционными взаимосвязями показателей агрессивности и уровня дезинтеграции ценностно-мотивационной сферы.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в практике психологического консультирования, будут иметь практическую значимость для специалистов, работающих с инвалидами по зрению.

Ключевые слова: агрессивность; инвалидность; слепота; ценности; мотивы.

ASSOCIATION OF AGGRESSION, VALUES AND MOTIVES OF VISUALLY IMPAIRED PEOPLE

Krasnov A.V., Bashirova E.E.

Purpose. *Explore of the association between aggression, values and motives of visually impaired people.*

Methodology. *The sample consists of 61 visually impaired people: 32 people with congenital disabilities and 29 with acquired disabilities. Methods: Buss-Durkee Hostility Inventory (BDHI), Rokeach Value Survey (RVS), techniques «Level of correlation of value and accessibility in different life spheres» (E.B. Fantalova). Statistical methods: Spearman's rank correlation coefficient, Mann-Whitney U-test.*

Results. *People with congenital vision disabilities have lower rates of aggressiveness than people with acquired disabilities. For persons with congenital visual disability, values centered on self-realization are more significant, whereas for persons with acquired disabilities, values are more centered on adaptation to the group. Each of groups has specific correlation associations between indicators of aggression and the level of correlation of value and accessibility.*

Sphere of implementation of the results. *Results can be applied in practice of psychological consultation, they can have practical importance for experts working with visually impaired people.*

Keywords: *aggression; disability; blindness; values; motives; visually impaired.*

Введение

Инвалидность может существенно изменить жизненный путь человека и нарушить процесс социализации. По разным оценкам от 90% до 95% информации человек получает с помощью зрения [12], с его помощью формируются представления о предметах и

явлениях, познаются существенные признаки объектов, осуществляется ориентация в пространстве и контроль за движениями [2]. Не удивительно, что слепота может способствовать преобладанию астенических, подавляющих активность индивида настроений тоски, грусти, либо повышенной раздражительности, аффективности, также может приводить к развитию негативных черт характера, таких как негативизм, внушаемость, агрессивность, конформность, обидчивость, подозрительность, схематичность в оценке людей [3]. Подобные данные получены в ходе исследований поздно ослепших людей, тяжело переживающих утрату зрения [15]. Можно предположить, что личностные особенности и стиль межличностного общения людей, ослепших во взрослом возрасте и людей, обладающие инвалидностью с детства, будут достаточно резко различаться, так как люди больные с рождения или с самого раннего детства сразу оказались в условиях ограничения своих физических возможностей [4, 6, 14].

У людей с ограниченными возможностями здоровья, заболевшими или получившими травму во взрослом возрасте, жизнь резко разделилась на «до» и «после» болезни [13]. Они оказались на перепутье, совершенно не готовыми к новому образу жизни. Старые межличностные отношения подвергаются серьёзным испытаниям и часто прекращаются, семьи часто распадаются, установление новых межличностных связей представляет большую трудность. Их поведение, нередко, связано с резкой сменой настроения, они предпочитают в межличностном общении стратегии противоборства и сотрудничества. Для них наиболее ярко выражены 4 типа отношения к окружающим: авторитарность, подозрительность, агрессивность и подчиняемость [7].

Люди с ограниченными физическими возможностями, получившие их с рождения или с самого раннего детства, в своем большинстве оказываются более способными к интеграции в общество, более контактными и с большим, хотя и сдержанным оптимизмом, смотрят в будущее [11]. Это объясняется тем, что «правила игры» были определены с раннего детства адекватным воспитанием, фор-

мированием реалистичной оценки своего положения. Такие люди предпочитают в межличностном общении стратегию сотрудничества и компромисса. Наибольшее значение для них имеет дружелюбие, зависимость и подчиняемость [6, 10].

Проявление агрессивного поведения и тревожности у людей с дефектами зрения обусловлено прежде всего двумя причинами: с одной стороны, изолированностью и познавательными интересами, а с другой ограниченностью в передвижении. При этом уровень активности отражения при прочих равных условиях оказывается зависимым от степени тяжести дефекта и времени его появления. В ряде случаев инвалиды по зрению оказываются не в состоянии преодолеть возникающие перед ними препятствия. Многократное повторение фрустрации ведет к развитию агрессивности, безынициативности, отказу от деятельности.

Анализ научной литературы показал, что при всей изученности проблемы в целом, отсутствуют теоретически обоснованные данные, показывающие взаимосвязь агрессивности с ценностно-мотивационными характеристиками у лиц с инвалидностью по зрению в связи со временем наступления инвалидности. В настоящей работе проверяются следующие гипотезы.

Гипотеза № 1: уровень агрессивности лиц с приобретенной инвалидностью по зрению выше уровня агрессивности лиц с врожденной инвалидностью.

Гипотеза № 2: лица с приобретенной и врожденной инвалидностью по зрению характеризуются различными иерархиями ценностей.

Гипотеза № 3: лица с приобретенной и врожденной инвалидностью характеризуются различными взаимосвязями показателей агрессивности и уровня дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере.

Метод

Выборка и процедура исследования

В исследовании принял участие 61 инвалид по зрению, в возрасте от 22 до 63 лет ($M = 44,6$; $SD = 11,8$), 28 мужчин и 33 женщины. Основные характеристики выборки представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Характеристики выборки исследования

Характеристики выборки	Врожденная инвалидность	Приобретенная инвалидность
Количество	32	29
Средний возраст/ SD	45,3 / 10,9	43,8 / 12,8
Мужчины	12	16
Женщины	20	13
Инвалидность 1й группы	13	13
Инвалидность 2й группы	12	8
Инвалидность 3й группы	7	8

Примечание: в таблице указаны абсолютные показатели.

Исследование проводилось на базе «ПОО ВОС НУК» Реабилитационном Культурно-Спортивном Досуговом Центре Инвалидов г. Перми. Для всех испытуемых данное экспериментальное исследование происходило в индивидуальной форме. Участие в эксперименте было добровольным. Время выполнения не учитывалось.

В соотношении с нормативными показателями полученные результаты свидетельствуют о том, что обе группы обладают низким уровнем дезинтеграции ценностно-мотивационной сферы и низким уровнем враждебности и агрессивности (табл. 2).

Таблица 2.

Характеристики выборки по показателям дезинтеграции ценностно-мотивационной сферы, враждебности и агрессивности относительно нормативных показателей

	Врожденная инвалидность	Приобретенная инвалидность
Уровень дезинтеграции		
Ниже нормы	21	22
Норма	11	3
Выше нормы	0	4
Враждебность		
Ниже нормы	3	0
Норма	20	22
Выше нормы	9	7
Агрессивность		
Ниже нормы	28	22

Окончание табл. 2.

Норма	2	7
Выше нормы	2	0

Примечание: в таблице указаны абсолютные показатели.

Методы и методики исследования

Организационный метод исследования – сравнительный (метод поперечных срезов). Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью психодиагностических методов. Собранные данные обрабатывались методами математико-статистического анализа (коэффициент ранговой корреляции Спирмена, U-критерий Манна–Уитни).

Для диагностики склонности к различным формам агрессивного поведения был использован «Опросник Басса–Дарки» [8].

Для выявления иерархии индивидуально разделяемых ценностей был использован опросник М. Рокича «Ценностные ориентации» [5].

Для диагностики раскогласования, дезинтеграции в мотивационно-личностной сфере, степени неудовлетворенности текущей жизненной ситуацией, внутренней конфликтности, блокады основных потребностей, а также уровня самореализации, интегрированности, гармонии был использована методика Е.Б. Фанталовой «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» [9].

Результаты

Для проверки гипотезы №1 о том, что показатели агрессивности лиц с приобретенной инвалидностью выше показателей агрессивности лиц с врожденной инвалидностью был использован сравнительный анализ групп с помощью U-критерия Манна–Уитни (табл. 3).

Таблица 3.

Результаты сравнительного анализа показателей агрессивности групп с врожденной и приобретенной инвалидностью

Шкалы методики	Приобретенная инвалидность	Врожденная инвалидность	U	Z	Уровень значимости
Косвенная агрессия	1083	808	280	2,69	p<0,01
Негативизм	1059,5	831,5	303,5	2,38	p<0,05

Окончание табл. 3.

Враждебность	1062,5	828,5	300,5	2,37	p<0,05
Агрессивность	1042	849	321	2,07	p<0,05

Из таблицы видно, что лица с приобретенной инвалидностью характеризуются большим уровнем косвенной агрессией, негативизма, враждебности и агрессивности, чем лица с врожденной инвалидностью.

Для проверки гипотезы №2 о том, что лица с приобретенной и врожденной инвалидностью характеризуются различными иерархиями ценностей, был использован сравнительный анализ групп с помощью U-критерия Манна–Уитни (табл. 4).

Таблица 4.

Результаты сравнительного анализа рангов ценностей в иерархии ценностей групп с врожденной и приобретенной инвалидностью

Ценности	Приобретенная инвалидность	Врожденная инвалидность	U	Z	Уровень значимости
Удовольствие	753,5	1137,5	318,5	-2,12	p<0,05
Жизнерадостность	697,5	1193,5	262,5	-2,93	p<0,01
Исполнительность	758,5	1132,5	323,5	-2,05	p<0,05
Самоконтроль	1067,5	823,5	295,5	2,44	p<0,05
Смелость в отстаивании своего мнения	701	1190	266	-2,86	p<0,01
Терпимость	1056	835	307	2,27	p<0,05

Примечание: в таблице представлены результаты относительно значимых различий по группам.

Из таблицы видно, что в иерархии терминальных ценностей у лиц с врожденной инвалидностью ценность удовольствия стоит выше, чем у лиц с приобретенной.

В иерархии инструментальных ценностей у лиц с приобретенной инвалидностью ценности жизнерадостности (чувства юмора), исполнительности (дисциплинированности) и смелости в отстаивании своего мнения стоят выше, чем у лиц с приобретенной, а ценности самоконтроля (сдержанность, самодисциплина) и терпимости (к взглядам и мнению других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения) – ниже.

Для выявления взаимосвязей между агрессивностью и уровнем дезинтеграции ценностно-мотивационной сферы был использован корреляционный анализ Спирмена (табл. 5).

Таблица 5.

Результаты корреляционного анализа Спирмена показателей агрессивности и ценностно-мотивационной сферы

Показатели агрессивности	Уровень дезинтеграции мотивационно-личностной сферы	
	Приобретенная инвалидность	Врожденная инвалидность
Косвенная агрессия	0,62***	
Негативизм	0,42*	
Обида	0,59***	-0,37*
Вербальная агрессия	0,51**	
Угрызения совести		-0,39*
Агрессивность	0,4*	

По результатам корреляционного анализа у лиц с приобретенной инвалидностью обнаружены прямые связи дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере с физической агрессивностью, косвенной агрессивностью, негативизмом, обидой, вербальной агрессией и агрессивностью в целом. У лиц с врожденной инвалидностью выявлены обратные связи дезинтеграции в ценностно-мотивационной сфере с обидой и угрызениями совести.

Обсуждение результатов

Согласно приведенным выше результатам лица с приобретенной инвалидностью характеризуются большим уровнем косвенной агрессией, негативизма, враждебности и агрессивности, чем лица с врожденной инвалидностью, что согласуется с данными, полученными ранее на выборках приобретенной и врожденной инвалидности по отдельности. В ряде случаев лица с приобретенной инвалидностью по зрению оказываются не готовы смириться с новыми условиями жизни и формировать новый продуктивный стиль деятельности. Многократное повторение фрустрации ведет к развитию агрессивности, безынициативности, отказу от деятельности.

Результаты сравнительного анализа иерархии терминальных и инструментальных ценностей в группах показывают, что для лиц с врожденной инвалидностью более значимы ценности, центрированные на самореализации, тогда как для лиц с приобретенной инвалидностью – центрированные на приспособлении к группе. Так у первых на более значимых позициях находятся ценности смелость (ценность дела, индивидуалистическая ценность), исполнительность (ценность дела), удовольствие (ценность личной жизни), а у вторых – терпимость (ценность общения, альтруистическая ценность, ценность принятия других) и самоконтроль (ценность принятия других, конформистская ценность).

Интересны результаты корреляционного анализа показателей агрессивности и уровня дезинтеграции ценностно-мотивационной сферы. Каждая из исследуемых групп обладает специфическими корреляционными взаимосвязями. Если группа с приобретенной инвалидностью характеризуется тем, что пониженному уровню дезинтеграции соответствуют низкие показатели косвенной агрессии, негативизма, обиды, вербальной агрессии, чувства вины и агрессивности в общем, то группа с «врожденной инвалидностью» характеризуется тем, что пониженному уровню дезинтеграции соответствуют высокие показатели обиды и чувства вины. Результаты, полученные в группе с приобретенной инвалидностью, соответствуют данным И.А. Красильникова, согласно которому лица с высоким уровнем общей конфликтности ценностей по сравнению с лицами с низким уровнем характеризуются большей спонтанной агрессивностью (агрессивность импульсивного типа). При этом полученные в данном исследовании результаты относительно группы с врожденной инвалидностью не обнаруживают подобной связи.

Выводы:

1. Лица с врожденной инвалидностью по зрению обладают более низкими показателями агрессивности, чем лица с приобретенной инвалидностью.
2. Для лиц с врожденной инвалидностью более значимы ценности, центрированные на самореализации, тогда как для лиц с приобретенной инвалидностью – центрированные на приспособлении

к группе. Так у первых на более значимых позициях находятся ценности смелость, исполнительность, удовольствие, а у вторых – терпимость и самоконтроль.

3. Каждая из исследуемых групп обладает специфическими корреляционными взаимосвязями показателей агрессивности и уровня дезинтеграции ценностно-мотивационной сферы. Группа с приобретенной инвалидностью по зрению характеризуется тем, что пониженному уровню дезинтеграции соответствуют низкие показатели косвенной агрессии, негативизма, обиды, вербальной агрессии, чувства вины и агрессивности в общем. Группа с врожденной инвалидностью характеризуется тем, что пониженному уровню дезинтеграции соответствуют высокие показатели обиды и чувства вины.

Список литературы

1. Красильников И.А. Изучение влияния конфликтности ценностной сферы личности на адаптационный потенциал: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2005.
2. Литвак А.Г. Психология слепых и слабовидящих: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. СПб, 2006. 336 с.
3. Литвак А.Г. Очерки психологии слепых и слабовидящих. Ленинград: ЛГПИ им.А.И.Герцена, 1972. 224 с.
4. Лубовский В.И. Специальная психология. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 464 с.
5. Методы исследования системы ценностных ориентаций: Методические указания для самостоятельной работы студентов всех направлений бакалавриата, изучающих курс «Социология и социальная психология» / Сост. Дулина Н.В., Токарев В.В., Василенко И.В. Волгоград: ВолГТУ, 1999. 36 с.
6. Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. Развитие психики в процессе формирования поведения. М.: Педагогика, 1974.
7. Назарова Т.П. Мыслительная деятельность при слабовидении у младших школьников, при решении арифметических задач, Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1975.

8. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. 672 с.
9. Фанталова Е.Б. Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2001. 128 с.
10. Херош С.М. Обучение слепых дошкольников опосредованной оценки различных свойств предметов. М., 1976.
11. Goldstein S. Encyclopedia of Child Behavior and Development. New York: Springer, 2011.
12. Hatlen P.H., Curry S.A. In support of specialized programs for blind and visually impaired children: The impact of vision loss on learning. Journal of Visual Impairment and Blindness, 81. 1987, pp. 7–13.
13. Hersen M., Kabacoff R.I., Van Hasselt V.B., Null J.A., Ryan C.F., Melton M.A., Segal D.L. Assertiveness, Depression, and Social Support in Older Visually Impaired Adults. Journal of Visual Impairment and Blindness, Nov-Dec. 1995, pp. 524–530.
14. Salleh N. M., Zainal K. How and why the visually impaired students socially behave the way they do. Procedia Social and Behavioral Sciences, 9. 2010, pp. 859–863.
15. Van Hasselt V. B. Social Adaptation in the Blind. Clinical Psychology Review, 3(1). 1983, pp. 87–102.

References

1. Krasil'nikov I.A. *Izuchenie vliyaniya konfliktnosti tsennostnoy sfery lichnosti na adaptatsionnyy potentsial* [Studying the influence of the conflict nature of the value sphere of the personality on the adaptation potential]. Saratov, 2005.
2. Litvak A.G. *Psikhologiya slepykh i slabovidyashchikh: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy* [Psychology of the Blind and Visually Impaired: A manual for students of higher pedagogical educational institutions]. SPb, 2006. 336 p.
3. Litvak A.G. *Ocherki psikhologii slepykh i slabovidyashchikh* [Essays on the psychology of the blind and visually impaired]. Leningrad: LGPI im.A.I.Gertsena, 1972. 224 p.
4. Lubovskiy V.I. *Spetsial'naya psikhologiya* [Special psychology]. M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2005. 464 p.

5. Dulina N.V., Tokarev V.V., Vasilenko I.V. *Metody issledovaniya sistemy tsennostnykh orientatsiy: Metodicheskie ukazaniya dlya samostoyatel'noy raboty studentov vseh napravleniy bakalavriata, izuchayushchikh kurs «Sotsiologiya i sotsial'naya psikhologiya»* [Methods of research of the system of value orientations: Methodical instructions for independent work of students of all areas of bachelor studying the course “Sociology and Social Psychology”]. Volgograd: VolGTU, 1999. 36 p.
6. Meshcheryakov A.I. *Slepglukhonemye deti. Razvitie psikhiki v protsesse formirovaniya povedeniya* [The development of the psyche in the process of formation of behavior]. M.: Pedagogika, 1974.
7. Nazarova T.P. *Myslitel'naya deyatel'nost' pri slabovidenii u mladshikh shkol'nikov, pri reshenii arifmeticheskikh zadach* [Thoughtful activity with low vision in younger students, in solving arithmetic problems]. M., 1975.
8. Raygorodskiy D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Techniques and tests]. Samara: Izdatel'skiy Dom «BAKhRAKh-M», 2001. 672 p.
9. Fantalova E.B. *Diagnostika i psikhoterapiya vnutrennego konflikta* [Diagnostics and psychotherapy of internal conflict]. Samara: Izdatel'skiy Dom «BAKhRAKh-M», 2001. 128 p.
10. Kherosh S.M. *Obuchenie slepykh doshkol'nikov oposredovannoy otsenki razlichnykh svoystv predmetov* [Teaching blind preschoolers mediated assessment of various properties of objects]. M., 1976.
11. Goldstein S. *Encyclopedia of Child Behavior and Development*. New York: Springer, 2011.
12. Hatlen P.H., Curry S.A. In support of specialized programs for blind and visually impaired children: The impact of vision loss on learning. *Journal of Visual Impairment and Blindness*, 81. 1987, pp. 7–13.
13. Hersen M., Kabacoff R.I., Van Hasselt V.B., Null J.A., Ryan C.F., Melton M.A., Segal D.L. Assertiveness, Depression, and Social Support in Older Visually Impaired Adults. *Journal of Visual Impairment and Blindness*, Nov-Dec. 1995, pp. 524–530.
14. Salleh N.M., Zainal K. How and why the visually impaired students socially behave the way they do. *Procedia Social and Behavioral Sciences*, 9. 2010, pp. 859–863.

15. Van Hasselt V. B. Social Adaptation in the Blind. *Clinical Psychology Review*, 3(1). 1983, pp. 87–102.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Краснов Алексей Витальевич, доцент кафедры общей и клинической психологии, кандидат психологических наук
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990, Российская Федерация
aleks-krasnov@yandex.ru

Баширова Эльвира Эдуардовна, выпускник кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990, Российская Федерация

DATA ABOUT THE AUTHOR

Krasnov Aleksey Vitalyevich, Associate Professor at the Department of General and Clinical Psychology, PhD in Psychology
Perm State University
15, Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation
aleks-krasnov@yandex.ru
SPIN-code: 5173-6341
ORCID: 0000-0002-4242-2290

Bashirova Elvira Eduardovna, Graduate Student at the Department of General and Clinical Psychology
Perm State University
15, Bukireva Str., Perm, 614990, Russian Federation

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-127-139

УДК 159.9.07

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Мерзлякова С.В., Кулигина Н.В.

Цель – провести сравнительный анализ мотивации профессиональной деятельности у врачей и среднего медицинского персонала высокотехнологичного медицинского учреждения кардиохирургического профиля.

Метод или методология проведения работы. Теоретические методы: анализ научной отечественной и зарубежной литературы. Методы сбора эмпирических данных: анкетный опрос, «Двухфакторный профиль Ф. Герцберга», «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А.А. Реана. Методы статистического анализа данных.

Результаты. Установлено, что в значимости мотивов трудовой деятельности у врачей и среднего медицинского персонала существуют достоверные различия. Если мотивирующие факторы оказываются более значимыми для врачей, то гигиенические факторы преобладают у среднего медицинского персонала. У врачей в большей степени выражена внутренняя мотивация, более важными являются мотивы наиболее полной самореализации в трудовой деятельности, стремление к продвижению по службе. Для среднего медицинского персонала характерны более высокие значения внешней отрицательной мотивации, а также значимость таких мотивов, как стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег, возможных наказаний или неприятностей, достижение социального престижа и уважения со стороны других. Мотивационный комплекс у врачей является оптимальным, отличается доминированием внутренней мотивации. Мотивационный комплекс среднего медицинского персонала отличается от врачей снижением внутренней мотивации и повышением внешней отрицательной мотивации.

Область применения результатов. *Результаты эмпирического исследования могут быть полезны руководителям сферы здравоохранения, HR-менеджерам, организационным психологам в процессе управления человеческими ресурсами.*

Ключевые слова: *профессиональная деятельность; трудовая мотивация; медицинский персонал.*

FEATURES OF MOTIVATION OF HEALTH CARE WORKERS' PROFESSIONAL ACTIVITY

Merzlyakova S.V., Kuligina N.V.

Purpose – *to provide a comparative analysis of motivation of doctors and paramedical staff's professional activity of high-technology cardio-surgery health care facility.*

Methodology. *Theoretical methods: the analysis of national and foreign scientific literature. Empirical data collection methods: questionnaire survey, "F. Herzberg's two-factor profile", "Motivation of professional activity" Zamfir A. in modification of A.A. Ryan. Methods of statistical data analysis.*

Results. *It was found that the significance of labor activity motives among doctors and paramedical staff has reliable differences. If motivating factors are more important for doctors, then hygienic factors predominate among paramedical staff.*

Doctors have increasingly expressed internal motivation, the motives of the most complete self-realization in the labor activity and promotion aspiration are more important. Paramedical staff has higher values of external negative motivation as well as the significance of such motives as the desire to avoid criticism by supervisor or colleagues, possible punishments or troubles, an achievement of social prestige and respect from others.

Doctors' motivational complex is optimal, differs in dominance of internal motivation. Motivational complex of paramedical staff differs from the doctors in decreasing of internal motivation and increasing of external negative one.

***Practical implications.** The results of the empirical study can be useful for health care managers, HR-managers, organizational psychologists in the management of human resources.*

***Keywords:** professional activity; labor motivation; medical staff.*

Введение

Современные социально-экономические условия требуют от руководителей организаций учитывать закономерности поведения человека в профессиональной деятельности при разработке эффективной системы управления человеческими ресурсами. Источником повышения производительности и долгосрочной конкурентоспособности организации является трудовая мотивация. В статье А.П. Преображенского, О.Н. Чопорова мотивация сотрудников рассматривается как один из способов повышения эффективности работы организации [7]. Исследование Constantin Bran, Constantina – Ionela Udrea показывает, что желаемой производительности в соответствии с организационными целями можно достичь с помощью мотивации и гибкости [10]. Е.М. Рождественская, З.А. Ермушко, А.В. Жаворонок, С.А. Полунина утверждают, что инструментом достижения долгосрочных и краткосрочных целей компании является система мотивации, основанная на оценке ключевых показателей эффективности деятельности (KPI – Key Performance Indicators) [16].

Современные исследователи изучают различные аспекты мотивации профессиональной деятельности. В.А. Иванников, анализируя мотивацию трудовой деятельности, выделил главные потребности (потребность в необходимых условиях социальной жизни, потребность иметь профессию), которые побуждают человека к трудовой активности и обеспечивают полимотивацию труда [6]. Мотивационные факторы являются детерминантами благополучия и качества жизни в профессиональной деятельности [14]. И.А. Еремицкая изучает структуру мотивации [4] и факторы трудовой деятельности работников университета [3]. И.И. Борисова выявляет психологические факторы внешней мотивации профессиональной деятельности [2]. Mohd Nur Ruzainy Alwi, Shahrul Nizam Salahuddin, Siti Sarah Baharuddin,

Hasbullah bin Shafee считают, что функция мотивации заключается в направлении поведения сотрудников для достижения организационных целей и повышении лояльности персонала к организации [15]. В исследовании Amy Mardhatillah, Ronaldy установлено, что на мотивацию сотрудников в большей степени влияет программа развития карьеры, чем соблюдение баланса между работой и жизнью [9].

Проблема мотивации медицинского персонала является одним из направлений развития кадровой политики в сфере здравоохранения [1, 5]. И.В. Плотникова, К. Нурзат, Л.А. Редько, О.А. Шадрина, М.Н. Янушевская разработали систему стимулов для персонала медицинских учреждений на основе принципов социальной ответственности и внедрения Кодекса корпоративного поведения [13]. Актуальна эта проблема и для зарубежных исследователей. Emeela Wae-esoga, Azizi Abu Bakarb, Hoo Chee Hees рассматривают факторы, влияющие на трудовую мотивацию работников общественного здравоохранения в провинции Паттани, Таиланд [12]. Cristina Iorga исследует особенности мотивации среднего медицинского персонала в Румынии [11]. Adriana AnaMaria Davidescu, Marji Tania Issa Eid обосновывают теорию ожиданий Врума на базе шести государственных и частных больниц Иордании [8].

Цель работы

Цель – провести сравнительный анализ мотивации профессиональной деятельности у врачей и среднего медицинского персонала высокотехнологичного медицинского учреждения кардиохирургического профиля.

Объект исследования: мотивация трудовой деятельности медицинских работников (на примере ФГБУ «Федеральный центр сердечно-сосудистой хирургии» Минздрава России г. Астрахань).

Предмет исследования: особенности мотивации трудовой деятельности у врачей и среднего медицинского персонала.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в значимости мотивов трудовой деятельности у врачей и среднего медицинского персонала существуют достоверные различия.

Достижение поставленной цели и проверка гипотезы обуславливают необходимость решения следующих задач.

1. Провести сравнительный анализ значимости мотивирующих и гигиенических факторов трудовой деятельности у врачей и среднего медицинского персонала.
2. Оценить достоверность различий в структуре трудовой мотивации у врачей и среднего медицинского персонала.

Материалы и методы исследования

Для реализации поставленной цели и проверки исходных положений использовался комплекс *методов*.

1. Теоретические методы: анализ научной отечественной и зарубежной литературы.
2. Методы сбора эмпирических данных: анкетный опрос, «Двухфакторный профиль Ф. Герцберга», «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А.А. Реана.
3. Математико-статистические методы обработки данных: вычисление описательных статистик, критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки, критерия Манна-Уитни. Все расчёты выполнялись с помощью компьютерной программы IBM SPSS Statistics 21, в результате чего была определена достоверность результатов исследования. Для окончательных выводов использовались результаты на уровне значимости $p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$.

Характеристика выборки. В исследовании приняли участие 303 сотрудника Федерального центра сердечно-сосудистой хирургии в г. Астрахани. Из них 106 чел. (35%) – врачи и 197 чел. (65%) – средний медицинский персонал.

Результаты исследования и их обсуждение

Методика «Двухфакторный профиль Ф. Герцберга» позволила нам определить значимость мотивирующих и гигиенических факторов в трудовой деятельности медицинских работников. С помощью критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки установлено, что распределение количественных переменных «мотивирующие

факторы» (значение Z – критерия равно 2,796 при уровне значимости $p < 0,001$), «гигиенические факторы» ($Z = 2,811$ при $p < 0,001$) не соответствует нормальному закону. С помощью непараметрического критерия Манна-Уитни мы оценили достоверность различий в показателях мотивирующих и гигиенических факторов у врачей и среднего медицинского персонала (табл. 1). Различия на уровне статистической значимости выявлены для таких переменных, как «очень ответственная работа», «возможность прогресса на работе», «возможность расти и учиться на работе», «работа, с которой я хорошо управляюсь», «мотивирующие факторы». Анализ мер центральной тенденции свидетельствует о том, что вышеперечисленные мотиваторы оказываются более значимыми для врачей по сравнению со средним медицинским персоналом. При сравнительном анализе важности гигиенических факторов у врачей и среднего медицинского персонала достоверные различия обнаружены для таких переменных, как «безопасная работа», «начальник, который хорошо выполняет свою работу», «хорошие условия труда», «поддерживающие правила и политика работодателя», «гигиенические факторы». Значения медиан указанных характеристик выше у среднего медицинского персонала, чем у врачей.

Таблица 1.

Сравнительный анализ важности мотивирующих и гигиенических факторов у врачей и среднего медицинского персонала

Мотивирующие факторы	Значение медианы		Значение U-критерия	Уровень значимости
	врачи	средний медицинский персонал		
<i>Очень ответственная работа</i>	7	5	7826,5	0,000
Признание успехов на работе	5	5	9531	0,102
<i>Возможность прогресса на работе</i>	5,5	5	7480	0,000
<i>Возможность расти и учиться на работе</i>	5,5	5	7291,5	0,000
<i>Работа, с которой я хорошо управляюсь</i>	5,5	5	8803	0,003
Престижная или соответствующая высокому статусу работа	5	5	9844	0,278

Окончание табл. 1.

<i>Мотивирующие факторы</i>	34	30	6561	0,000
<i>Безопасная работа</i>	3	5	7845	0,000
Хорошие отношения с коллегами	5	5	9531	0,102
<i>Начальник, который хорошо выполняет свою работу</i>	4	5	7480	0,000
<i>Хорошие условия труда</i>	4,5	5	7291,5	0,000
<i>Поддерживающие правила и политика работодателя</i>	4	5	8803	0,003
Высокая зарплата	5	5	9844	0,278
<i>Гигиенические факторы</i>	26	30	6575,5	0,000

Методика «Мотивация профессиональной деятельности» (К. Замфир в модификации А.А. Реана) определяет структуру мотивации трудовой деятельности, которая включает в себя три компонента: внутреннюю мотивацию (ВМ), внешнюю положительную мотивацию (ВПМ), внешнюю отрицательную мотивацию (ВОМ). С помощью критерия Колмогорова-Смирнова для одной выборки установлено, что распределение количественных переменных «внутренняя мотивация» ($Z = 3,956$ при $p < 0,001$), «внешняя положительная мотивация» ($Z = 2,587$ при $p < 0,001$), «внешняя отрицательная мотивация» ($Z = 2,902$ при $p < 0,001$) не соответствует нормальному закону. Для оценки достоверности различий в структуре трудовой мотивации между врачами и средним медицинским персоналом мы использовали непараметрический критерий Манна–Уитни (табл. 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ структуры мотивации у врачей и среднего медицинского персонала

Трудовые мотивы	Значение медианы		Значение U-критерия	Уровень значимости
	врачи	средний медицинский персонал		
Денежный заработок	4	4	9346,5	0,109
<i>Стремление к продвижению по службе</i>	3,5	3	8869	0,025
<i>Стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег</i>	3	4	8201	0,001

Окончание табл. 2.

<i>Стремление избежать возможных наказаний или неприятностей</i>	3	4	7273	0,000
<i>Потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других</i>	3,5	4	8507	0,005
Удовлетворение от самого процесса и результата работы	5	5	9952	0,433
<i>Возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности</i>	5	4	8367,5	0,002
<i>Внутренняя мотивация</i>	4,5	4	8826	0,020
Внешняя положительная мотивация	3,67	3,67	10192,5	0,729
<i>Внешняя отрицательная мотивация</i>	3	4	7559	0,000

Достоверные различия выявлены для таких переменных, как «стремление к продвижению по службе», «стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег», «стремление избежать возможных наказаний или неприятностей», «потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других», «возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности», «внутренняя мотивация», «внешняя отрицательная мотивация». У врачей более высокие значения медиан для мотивов стремление к продвижению по службе, возможность наиболее полной самореализации именно в данной деятельности, внутренней мотивации. У среднего медицинского персонала в большей степени по сравнению с врачами выражены такие мотивы, как стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег, стремление избежать возможных наказаний или неприятностей, потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны других, внешняя отрицательная мотивация. На основании анализа медиан мы определили мотивационный комплекс в группе врачей (ВМ > ВПМ > ВОМ) и в группе среднего медицинского персонала (ВМ = ВОМ > ВПМ).

Заключение

Таким образом, по результатам эмпирического исследования, нацеленного на выявление особенностей трудовой мотивации у

врачей и среднего медицинского персонала можно сделать следующие выводы.

1. Согласно двухфакторной теории Ф. Герцберга гигиенические факторы не вызывают чувство удовлетворенности работой, но их отсутствие может вызвать у работников состояние неудовлетворенности. Установлено, что у среднего медицинского персонала в большей степени по сравнению с врачами выражены гигиенические факторы, а именно безопасная работа, начальник, который хорошо выполняет свою работу, хорошие условия труда, поддерживающие правила и политика работодателя. Группа мотиваторов способствует повышению трудовой мотивации и вызывает чувство удовлетворения работой. Мотивирующие факторы оказываются более значимыми для врачей, чем для среднего медицинского персонала: очень ответственная работа, возможность прогресса на работе, возможность расти и учиться на работе, работа, с которой я хорошо управляюсь.

2. Мотивационный комплекс у врачей является оптимальным и представляет собой следующий тип сочетания: $ВМ > ВПМ > ВОМ$. Мотивационный комплекс среднего медицинского персонала отличается от врачей снижением внутренней мотивации и повышением внешней отрицательной мотивации: $ВМ = ВОМ > ВПМ$. У врачей в большей степени выражена внутренняя мотивация, более важными являются мотивы наиболее полной самореализации в трудовой деятельности, стремление к продвижению по службе. Для среднего медицинского персонала характерны более высокие значения внешней отрицательной мотивации, а также значимость таких мотивов, как стремление избежать критики со стороны руководителя или коллег, возможных наказаний или неприятностей, достижение социального престижа и уважения со стороны других.

Список литературы

1. Белостоцкий А.В., Гриднев О.В., Гришина Н.К., Значкова Е.А. Актуальные вопросы развития кадрового потенциала в здравоохранении // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2016. Т. 24. № 4. С. 230–235.

2. Борисова И.И. Психологические условия эффективности внешней мотивации // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2018. Т. 9. № 4. С. 103–118.
3. Еремицкая И.А. Влияние возраста и стажа на мотивацию трудовой деятельности работников университета // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2 (57). С. 263–268.
4. Еремицкая И.А. Структура мотивации трудовой деятельности работников университета // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 112–119.
5. Зудин А.Б. Проблемы кадрового обеспечения как современная тенденция в развитии национальных систем здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. Т. 25. № 3. С. 172–174.
6. Иванников В.А. О природе мотивации трудовой деятельности // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 129–136.
7. Преображенский А.П., Чопоров О.Н. Возможности мотивации специалистов, работающих в компаниях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2018. Т. 9. № 2–2. С. 195–200.
8. Adriana AnaMaria Davidescu, Marji Tania Issa Eid. Jordanian Health Employees' Job Satisfaction. A Vroom Theory Investigation. European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2017, Vol. XXVII, pp. 122–113.
9. Amy Mardhatillah, Ronaldy. Enhancing Work Motivation By Promoting Work-Life Balance: Empirical Study On Career Development. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences, 2018, Vol. XL, pp. 638–647.
10. Constantin Bran, Constantina – Ionela Udrea. The Influence of Motivation and Flexibility on Job Performance. European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2016, Vol. XV, pp. 135–143.
11. Cristina Iorga. Motivational Process In Romanian Hospitals. European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2017, Vol. XXVII, pp. 290–296.
12. Emeela Wae-esora, Azizi Abu Bakar, Hoe Chee Heec. Work Motivation among Muslim Public Health Employees in Pattani Province, Thailand. The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences, 2016, Vol. XIV, pp. 871–876.

13. Inna V. Plotnikova , Kurmanbek kyzy Nurzat , Ludmila A. Red'ko, Olga A. Shadrina, Marina N. Yanushevskaya Developing a Medical Institution Management System through Promoting Social Accountability. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XIX, pp. 603–612.
14. Konyukhova T., Konyukhova E., Kashpur V., Lokotosh J. The Determinants of Human Wellbeing In Professional Activities. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XIX, pp. 344–348.
15. Mohd Nur Ruzainy Alwi, Shahrul Nizam Salahuddin, Siti Sarah Baharuddin , Hasbullah bin Shafee. Gen Y: Employee Rewards, Motivation and Workplace Loyalty. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2018, Vol. XLIV, pp. 356–363.
16. Rozhdestvenskaya E.M., Ermushko Z.A., Zhavoronok A.V., Polunina S.A. Methodological Basis of KPI Motivation. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XXVI, pp. 830–837.

References

1. Belostotskiy A.V., Gridnev O.V., Grishina N.K., Znachkova E.A. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, public health and history of medicine], 2016, vol. 24, no. 4, pp. 230–235.
2. Borisova I.I. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research of Social Problems], 2018, vol. 9, no. 4, pp. 103–118.
3. Eremit'skaya I.A. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2016, no. 2 (57), pp. 263–268.
4. Eremit'skaya I.A. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2016, no. 3, pp. 112–119.
5. Zudin A.B. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny* [Problems of social hygiene, public health and history of medicine], 2017, vol. 25, no. 3, pp. 172–174.
6. Ivannikov V.A. *Voprosy psikhologii* [Voprosy psikhologii], 2017, no. 4, pp. 129–136.
7. Preobrazhenskiy A.P., Choporov O.N. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Research of Social Problems], 2018, vol. 9, no. 2–2, pp. 195–200.

8. Adriana AnaMaria Davidescu, Marji Tania Issa Eid. Jordanian Health Employees' Job Satisfaction. A Vroom Theory Investigation. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XXVII, pp. 122–113.
9. Amy Mardhatillah, Ronaldy. Enhancing Work Motivation By Promoting Work-Life Balance: Empirical Study On Career Development. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2018, Vol. XL, pp. 638–647.
10. Constantin Bran, Constantina – Ionela Udreaу. The Influence of Motivation and Flexibility on Job Performance. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2016, Vol. XV, pp. 135–143.
11. Cristina Iorga. Motivational Process In Romanian Hospitals. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XXVII, pp. 290–296.
12. Emeela Wae-esora, Azizi Abu Bakarb, Hoe Chee Heec. Work Motivation among Muslim Public Health Employees in Pattani Province, Thailand. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2016, Vol. XIV, pp. 871–876.
13. Inna V. Plotnikova , Kurmanbek kyzy Nurzat , Ludmila A. Red'ko, Olga A. Shadrina , Marina N. Yanushevskaya Developing a Medical Institution Management System through Promoting Social Accountability. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XIX, pp. 603–612.
14. Konyukhova T., Konyukhova E., Kashpur V., Lokotosh J. The Determinants of Human Wellbeing In Professional Activities. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XIX, pp. 344–348.
15. Mohd Nur Ruzainy Alwi, Shahrul Nizam Salahuddin , Siti Sarah Baharuddin , Hasbullah bin Shafee. Gen Y: Employee Rewards, Motivation and Workplace Loyalty. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2018, Vol. XLIV, pp. 356–363.
16. Rozhdestvenskaya E.M., Ermushko Z.A., Zhavoronok A.V., Polunina S.A. Methodological Basis of KPI Motivation. *European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2017, Vol. XXVI, pp. 830–837.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Мерзлякова Светлана Васильевна, доцент кафедры общей и когнитивной психологии, кандидат психологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20 А, г. Астрахань, 414056, Российская Федерация
svetym@yandex.ru

Кулигина Наталья Владимировна, старшая медицинская сестра, аспирант кафедры общей и когнитивной психологии Астраханского государственного университета,
Федеральный центр сердечно-сосудистой хирургии в г. Астрахани
ул. Покровская Роща, 4, г. Астрахань, 414011, Российская Федерация
kuligina_nv@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana Vasil'evna Merzljakova, Assistant Professor of the Chair of General and Cognitive Psychology, Ph.D. in Psychology, Assistant Professor
Astrakhan State University
20 A, Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
svetym@yandex.ru
SPIN-code: 5199-9035
ORCID: 0000-0003-4707-4886

Kuligina Nataliya Vladimirovna, Senior Nurse, Post-graduate Student of the Chair of General and Cognitive Psychology of Astrakhan State University
Federal Center of Cardiovascular Surgery in Astrakhan
4, Pokrovskaya Roscha St., Astrakhan, 414011, Russian Federation
kuligina_nv@mail.ru
SPIN-code: 3647-8758
ORCID: 0000-0002-4364-9761

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-140-160

УДК 159.9.07

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕДАГОГОВ В СИТУАЦИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ

Садовникова Н.О.

Целью исследования явилось рассмотрение вопроса об особенностях защитно-совладающего поведения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности. В статье освещается ряд исследований как зарубежных, так и отечественных ученых, раскрывающих как феноменологию кризиса и кризисных состояний личности, так и феноменологию защитного и совладающего поведения.

Метод и методология проведения работы: в качестве общей методологии исследования выступили: системный, синергетический, контекстный, историко-эволюционный, феноменологические подходы. Частную методологию составили подходы к исследованию копинг-поведения Т.Л. Крюковой,

Результаты исследования: в ходе теоретико-эмпирического исследования было установлено, что ситуация профессионального кризиса личности носит стрессовый характер. Переживание педагогами профессионального кризиса личности актуализирует потребность в совладании с ним. Эмпирическое исследование позволило выявить особенности защитно-совладающего поведения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности, среди которых: использование неконструктивных механизмов психологической защиты (отрицание и вытеснение) наряду с конструктивным проблемно ориентированным копингом.

Область применения: полученные результаты носят практический характер, они могут быть интересны педагогам, психологам и руководителям образовательных организаций в рамках организации деятельности психологической службы образования.

Ключевые слова: педагог; профессиональный кризис личности; механизмы психологической защиты; совладающее поведение.

**COPING BEHAVIOR
OF TEACHERS IN THE SITUATION
OF EXPERIENCE OF THE PROFESSIONAL CRISIS
OF PERSONALITY**

Sadovnikova N.O.

The purpose of the study was to consider the issue of the features of protective-coping behavior of teachers experiencing a professional personality crisis. The article highlights a number of studies of both foreign and domestic scientists, revealing both the phenomenology of the crisis and the personality crisis situations, and the phenomenology of protective and coping behavior.

Method and methodology of the work: *as a general research methodology were: systemic, synergistic, contextual, historical and evolutionary, phenomenological approaches. Private methodology was made up of approaches to the study of the coping behavior of T.L. Hook,*

Results of the research. *In the course of the theoretical-empirical research, it was established that the situation of the professional crisis of the individual is stressful. The experience of the teachers of the professional personality crisis actualizes the need to cope with it. An empirical study revealed the characteristics of protective-coping behavior of pedagogues experiencing a professional personality crisis, including: the use of unconstructive psychological defense mechanisms (denial and repression) along with constructive problem-oriented coping.*

Practical implications: *the results obtained are of a practical nature, they may be of interest to teachers, psychologists and heads of educational organizations as part of the organization of the activities of the psychological education service.*

Keywords: *teacher, professional personality crisis, psychological defense mechanisms, coping behavior.*

Введение

Трансформация существующих социальных институтов, изменения во всех сферах общественной жизни и серьезная переоценка системы общественных отношений приводит к стрессу, росту внутриличностного напряжения, снижению благополучия современного человека [24]. Одной из сфер жизни общества, в которой происходят перманентные изменения, является образование. Ряд процессов, происходящих в настоящее время в образовательных организациях, приводят к изменениям содержательных и технологических аспектов образовательного процесса, бросая вызов профессиональной компетентности педагога. И именно педагог сегодня становится фактором успешного преобразования современной системы образования и достижения ею тех задач, которые ставит перед ней государство и общество. При этом особое значение для него и его деятельности и профессионального развития приобретает способность к постоянному самоопределению, построению себя как профессионала, проектированию новых траекторий профессионального развития и преодолению психологических барьеров этого процесса.

Одним из психологических барьеров, возникающих в процессе профессионального развития педагога, является профессиональный кризис личности. Его возникновение сопровождается стрессом, усилением внутренней неудовлетворенности, возникновением ощущения потери смысла труда, отсутствием профессиональной перспективы. Как следствие актуализируется процесс совладания с кризисом.

Феноменология защитно-совладающего поведения в работах зарубежных и отечественных исследователей

Прежде чем обратиться к анализу феноменологии защитно-совладающего поведения, дадим краткий обзор исследований кризисной проблематики. Первые попытки описать содержание кризиса можно встретить в работах зарубежных психологов Е. Lindemann [29], J. Caplan [26]. В дальнейшем к категории «кризис» обращаются Е. Kahn [31], D. Ulrich [31], С. Гроф [6] и др.

В исследованиях обозначенных авторов, содержание кризиса раскрывается через такие категории как «невозможность», «нарушение душевного состояния», «неожиданное событие» и пр. Например, кризис рассматривается как «ограниченный во времени период неравновесия, возникающий, когда индивид сталкивается с какой-то важной жизненной проблемой, истощающий способности личности компетентно совладать с проблемой и сопровождающийся разного рода физическими и психологическими состояниями» [26, с. 47], как «неожиданное событие или переживание, которое личность не может «переработать» и которое прерывает непрерывность жизни и содержит опасность предстоящей катастрофы» [31, с. 84].

В ряде исследований понятие «кризис» анализируется в контексте профессионального пути (Е.А. Могилевкин [14], Э.Ф. Зеер [9], Ю.П. Поваренков [16], Н.С. Пряжников [17] и др.) и возрастного и жизненного становления личности (Р. А. Ахмеров [2], Ш. Бюлер [25], Б. Ливехуд [13], Т.Д. Марцинковская [12], Е.Л. Солдатова [19], Э. Эриксон [23], Г. Шихи [22], S.-H. Phillip [27] и др.). В работах указанных авторов отмечается, что кризис сопровождает процесс становления личности и является нормативным событием, возникновение которого связано с изменением социальной ситуации развития, ведущей деятельности или ее характера.

В своем исследовании мы используем категорию «профессиональный кризис личности», под которым понимаем длительное неравновесное состояние субъекта труда, вызванное рассогласованием ценностно-смысловой сферы личности и актуализирующее процесс переживания. Поскольку профессиональный кризис личности это стрессовая для педагога ситуация, то можно предполагать, что в ходе ее переживания происходит «запуск» защитно-совладающего поведения.

Обратимся к анализу сущности понятия «защитно-совладающее поведение».

В психологической науке при исследовании специфики разрешения кризисных, трудных или стрессовых ситуаций авторы прибегают к таким понятиям как: психологическая защита, совладание,

копинг, преодоление. При этом, в большинстве своем, исследователи анализируют отдельно механизмы психологической защиты и собственно совладающее поведение.

Так, например, первые упоминания о психологической защите, как поведении, направленном на снижение остроты переживания трудных и напряженных ситуаций, мы встречаем в работах представителей психоаналитической школы (З.Фрейд и А.Фрейд). Авторы используют понятие «психологическая защита» и «защитное поведение», понимая под ними реакцию человека на разного трудности, которая представляет собой процесс борьбы с «Я невыносимыми мыслями и болезненными аффектами» [21, с.119]

Первой в России работой, исследующей совладающее поведение через призму механизмов психологической защиты, является статья В. А. Ташлыкова, основной идеей которой служит предположение о том, что совладающее поведение представляет собой один из механизмов психологической защиты [20].

Современные авторы (Ф.Е. Василюк, Р.М. Грановская, Т.Л. Крюкова, Э. И. Киршбаум, И.М. Никольская, и др.) обращаются к категории «психологическая защита», рассматривая по этим понятием бессознательные модели поведения, направленные на снижение страха, тревожности и напряжения, возникающих в стрессовых ситуациях.

Наиболее распространенными моделями понимания совладающего поведения в зарубежной психологии становятся модели, связанные с исследованиями психологического стресса (R S.E. Hobfoll, R. Lazarus R.H. Moos и др.). В этих исследованиях под совладающим поведением понимается сознательная стратегия действий, предпринимаемых человеком в ситуациях психологической угрозы.

Так R. Lazarus выделил пять основных задач копинга как особого адаптивного поведения: 1) минимизация негативных воздействий обстоятельств и повышение возможностей восстановления активности, деятельности; 2) терпение, приспособление или регулирование, преобразование жизненных ситуаций; 3) поддержание позитивного, положительного образа Я, уверенности в своих силах;

4) поддержание эмоционального равновесия; 5) установление и сохранение достаточно тесных взаимосвязей с другими людьми [28].

По мнению R. Moss и J. Schaefer, существует среди задач, возникающих перед человеком в кризисной ситуации есть задача на установление смысла и значения ситуации для человека [30, с. 66]. Поскольку начальная реакция человека на стрессовую обстановку обычно выражается в замешательстве, то еще одна из задач, интересных в контексте нашего исследования - сохранение разумного эмоционального баланса, управление негативными чувствами, вызванными неблагоприятными событиями [30, с. 78].

Кроме того, поскольку кризисные события обычно бросают вызов способностям человека, снижают его уверенность в себе, подвергают сомнению его идентичность и т.п., то важной задачей защитно-совладающего поведения становится сохранение и поддержание образа себя, социальной идентичности, уверенности в себе [30].

В отечественной психологии совладание также исследуется в рамках исследования стресса и проблем адаптации: раскрываются сущность, закономерности, динамика, факторы выбора способов совладания со стрессом в разные жизненные и возрастные периоды (В.А. Бодров [3], И.М. Грановская [5], Г.С. Кобытова [10], Т.Л. Крюкова [11], С.Л. Рубинштейн [18], В.А. Ташлыков [2] и др.).

Так, категорию «защитно-совладающее поведение» мы встречаем в работах Г. С. Кобытовой и соавторов, которые определяют его как структурно-уровневую систему, состоящую из большого количества компонентов (механизмов психологической защиты, поведенческих копинг-стратегий, личностных и средовых копинг-ресурсов). Эти компоненты связаны между собой отношениями иерархии и выступают системами низшего порядка по отношению к интегративной системе психологической защиты и совладания [10, с. 45]. Защитно-совладающее поведение входит в систему детерминант саморегуляции субъекта педагогической деятельности в качестве одного из ее внутренних факторов вместе с другими личностными конструктами (самосознанием, эмоциональными особенностями, базовыми личностными свойствами). Б.А. Гунзунова отмечает,

что психическая саморегуляция в педагогической деятельности обусловлена психозащитным поведением. Существует специфика использования внутриличностных защит в зависимости как от степени осознанной регуляции, так и от индивидуальной структуры регуляторного профиля [7].

По мнению В.И. Моросановой, различные виды деятельности обладают специфическими требованиями как к общему уровню саморегуляции, так и к развитости и специфике профессионально-важных личностно-регуляторных качеств [15]. Индивидуальный стиль саморегуляции характеризуется типичными для человека особенностями самоорганизации произвольной активности, в которых сочетается влияние личностных переменных и внешних условий на особенности поставленных и принятых субъектом целей [15]. Возникает необходимость также и в изучении адаптационных возможностей и работоспособности педагогов.

Л.Г. Дикая отмечает, что необходимо выявить регулятивные способы адаптации к стрессовой ситуации, включая защиты и копинг-поведение, которые определяют стратегии действий человека. Изучение у педагогов защитно-совладающего поведения позволяет глубже понять причины различных профессиональных изменений, деформаций, раннего «эмоционального выгорания», позволяет прогнозировать профессиональные риски [8].

Мы проанализировали психологические аспекты процесса преодоления (совладания) трудных, кризисных ситуаций, барьеров развития в работах отечественных психологов (Л.И. Анцыферова, В.А. Бодров, Ф.Е. Василюк, И.М. Грановская, Т.Л. Крюкова, С.Л. Рубинштейн и др.) и в работах зарубежных исследователей (S.E. Hobfoll, R. Lazarus, E. Lindemann, R.H. Moos, и др.). В нашем исследовании механизмы психологических защит и стратегии совладающего поведения мы рассматриваем как дополняющие друг друга компоненты защитно-совладающей системы личности педагога, определяющие стратегии действий, эмоциональную и рациональную регуляцию его поведения в ситуации переживания педагогом профессионального кризиса личности. Главная задача защитно-совладающего поведения заклю-

чается в сохранении психологического благополучия и оптимального уровня жизнедеятельности личности в ситуации профессионального кризиса. Представляя собой индивидуально своеобразный способ взаимодействия с ситуацией профессионального кризиса, защитно-совладающее поведение позволяет педагогу как можно лучше адаптироваться к ней, тем самым снижая уровень стрессовости ситуации.

Сознательные и бессознательные стратегии защитно-совладающего поведения, представленные механизмами психологической защиты и стратегиями совладания, запущенного в ситуации профессионального кризиса личности, могут быть дифференцированы (в зависимости от характера используемых средств взаимодействия с кризисом и их влияния на личностное развитие педагога, а также по критерию сохранения социально-психологического благополучия личности) на конструктивные и неконструктивные стратегии.

В основе неконструктивных стратегий защитно-совладающего поведения лежат незрелые механизмы психологической защиты и стратегии избегания. Их интенсивное, устойчивое использование приводит к тому, что на фоне кажущегося благополучного разрешения кризиса происходит «застревание» личности в нем. Следствием этого становится искажение траектории профессионального развития, стагнация, деформация или в целом профессиональная дезадаптация личности.

Конструктивные стратегии защитно-совладающего поведения основаны на использовании педагогом проблемного копинга, который нацелен на разрешение ситуации кризиса, обуславливает профессиональную самореализацию и способствует повышению уровня активности личности.

Наше исследование направлено на выявление особенностей защитно-совладающего поведения педагогов в ситуации переживания ими профессионального кризиса личности.

Результаты исследования

В процессе исследования были использованы теоретические (анализ психолого-педагогической и философской литературы) и

эмпирические (опросные) методы, а также методы математической статистики (дескриптивная статистика, сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни).

Опытно-экспериментальной базой исследования выступили общеобразовательные организации Свердловской области Российской Федерации. Всего в исследовании приняли участие 125 человек. В группу педагогов, переживающих кризис, вошли 38 человек. Остальные педагоги (87 человек) были отнесены к группе сравнения. Средний возраст участников – 36 лет, стаж – 15 лет. Все испытуемые имеют педагогическое образование.

Исследование особенностей защитно-совладающего поведения проводилось в 3 этапа:

На первом этапе исследования был осуществлен теоретический анализ литературы по проблеме переживания педагогами профессионального кризиса личности и особенностям защитно-совладающего поведения.

На втором этапе исследования был осуществлен сбор эмпирических данных.

На третьем этапе исследования был проведен математический анализ данных.

Исследование особенностей защитно-совладающего педагогов, переживающих профессиональный кризис личности, осуществлялось с помощью опросных методов. В частности были использованы такие методики:

1. Для определения особенностей совладающего поведения применялся опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (авторы С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер), адаптированный Т.Л. Крюковой. Данный опросник надежно измеряет три основных стиля совладания: стиль, ориентированный на решение задачи, проблемы (проблемно-ориентированный стиль, или копинг), эмоционально-ориентированный стиль и стиль, ориентированный на избегание.
2. Исследование механизмов психологической защиты был использован опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс

жизненного стиля», который был создан в 1979 году на основании психозволюционной теории Р. Плутчика и структурной теории личности Г. Келлермана.

3. Авторская анкета «Переживание профессионального кризиса личности» (Sadovnikova, N.O., Sergeeva, T.B., Suraeva, M.O. & Kuzmina, O.Y., 2016). Вопросы анкеты охватывали несколько аспектов процесса переживания педагогами профессионального кризиса личности: «общее мироощущение и переживания до момента возникновения профессионального кризиса», «переживания, сопровождающие профессиональный кризис личности», «трансформация ценностно-смысловой сферы», «преодоление профессионального кризиса». Анкетирование было проведено с целью формирования группы педагогов, переживающих профессиональный кризис личности.

Обратимся к анализу полученных результатов.

Для определения особенностей защитно-совладающего поведения педагогов, переживающих профессиональный кризис, мы осуществили сравнительный анализ (U-критерий Манна-Уитни) результатов двух разных групп педагогов: группа педагогов, переживающих кризис и группа педагогов, кризис не переживающих.

Анализ результатов сравнения показывает, что для педагогов, переживающих кризис, характерно в большей степени применение таких механизмов защиты как отрицание и вытеснение. Дадим характеристику данных механизмов.

Вытеснение ($X_{cp}=3,26\pm 2,06$) представляет собой защитную стратегию, в основе которой исключение из сознания какой-либо идеи или личного опыта и связанных с ними эмоций. Понятия «вытеснение» является одним из центральных в психоанализе. Сущность вытеснения заключается в сознательном усилии человека предавать забвению фрустрирующие воспоминания путем переноса внимания на другие формы активности, нефрустрационные явления и т.п. Иначе говоря, вытеснение есть не что иное, как произвольное подавление, и оно может привести к обычному или истинному забыванию соответствующих психических содержаний. Роль вытеснения

можно раскрыть таким образом: все, что противоречит желаниям, страстным стремлениям и идеалам личности, что может изменить хорошее мнение, которое имел или хотел бы иметь о себе человек, может быть вытеснено. В ситуации переживания педагогом профессионального кризиса личности, когда педагог сталкивается с тем, что его убеждения о себе как профессионале подвергаются сомнению и критике (а многие педагоги отмечали, что возникновению профессионального кризиса предшествовал период, когда возникали сомнения в себе, как в педагоге; период, когда социальная среда критиковала стиль педагогического взаимодействия и профессиональной деятельности и др.) единственно возможным способом справиться с негативными эмоциями становится вытеснение их из области сознательного. Это позволяет педагогу на какое-то время сохранить целостность личности и психологическое благополучие.

Отрицание ($M_{cp}=4,29 \pm 2,26$) – еще один вид механизмов психологической защиты, в большей степени присущий педагогам, переживающим профессиональный кризис личности. Отрицание предполагает недостаточное осознание определенных событий, переживаний и ощущений, которые причинили бы человеку боль при их признании. Это онтогенетически наиболее ранний механизм психологической защиты и наиболее примитивный механизм. Для него характерно стремление избежать новой информации, несовместимой со сложившимися представлениями. Отрицание проявляется в игнорировании потенциально тревожной информации, уклонении от нее. Учитель перестает воспринимать те события, которые чреватые для него неприятностями, могут травмировать. Отрицание приводит к тому, что человек старается о чем-то не думать, старается избегать ситуаций, грозящих ему неудачей и поражением. Столкнувшись с трудностями, человек в этом случае, активизирует фильтр отрицания, пытаясь сохранить свой внутренний мир от деформации и разрушения. В отличие от других видов психологических защит, отрицание осуществляет селекцию сведений, а не их трансформацию из неприемлемых в приемлемые. При отрицании переориентируется внимание учителя. Оно направляется так, что

человек становится особо невнимателен к тем сферам профессиональной жизни и жизнедеятельности в целом, которые чреватые для него неприятностями. Результатом этого является то, что детальная информация об опасном событии полностью исключается из последующей переработки. Включение отрицания провоцирует не только внешние жесткие события, но и установка «я верю». Искренняя и достаточно сильная вера учителя в том, что он использует адекватные меры педагогического воздействия, организует такое отношение ко всей поступающей информации, при котором все, что входит в конфликт с предметом веры, имеет тенденцию не восприниматься. Личность бессознательно осуществляет тщательную сортировку информации, отбирая только то, что служит сохранению веры в себя.

Обратимся к описанию результатов исследования особенностей совладающего поведения.

Результаты дескриптивной статистики позволяют сделать вывод о том, что для педагогов, переживающих профессиональный кризис личности, в большей степени свойственен копинг, ориентированный на решение задачи ($X_{\text{ср}}=56,93\pm 10,92$). На втором месте копинг, ориентированный на эмоции ($X_{\text{ср}}=44,19\pm 7,88$). Из чего можно сделать следующий вывод: в ситуации переживания профессионального кризиса, для того, чтобы справиться с напряжением, стрессом и негативными эмоциями, педагоги предпочитают искать пути разрешения трудной ситуации и конструктивно реагировать на сложности. Обосновать данный факт можно тем, что деятельность педагога сопряжена с выполнением важной социальной функции – быть «наставником» для подрастающего поколения. Вследствие этого педагог не должен транслировать свои отрицательные эмоции на детей. Еще одним фактом, объясняющим доминирование копинга, ориентированного на решение задачи, может быть то, что сбор эмпирических данных осуществлялся в рамках курсов повышения квалификации и в рамках обучения магистров. Принятие педагогом решения о необходимости повышения уровня своей компетентности (в рамках курсовой или магистерской подготовки) свидетельствует о конструктивном преодолении кризиса.

Важным аспектом исследования особенностей совладания с профессиональным кризисом, был анализ ответов педагогов на вопросы феноменологической анкеты, которые раскрывают процесс совладания с профессиональным кризисом. Отметим, что для анализа самоотчетов применялся контент-анализ.

Одной из контент-аналитических категорий нами была выделена категория *«деятельность по преодолению кризиса»* (категория Г в анкете). Эта категория включала в себя такие подкатегории как: использование социальных ресурсов; актуализация личностного ресурса; хобби, увлечения; смена места работы; смена профессии; изменение характера деятельности.

Количественный анализ показал, что наибольшее количество ответов встречается по подкатегории «актуализация личностного ресурса» (33% ответов). В самоотчетах педагогов встречались такие ответы как: *«терпение и спокойствие»*, *«поняла, что если не можешь изменить ситуация – измени отношение к ней»*, *«уверенность в себе»*, *«оптимизм»*, *«уверенность в своих знаниях и своих силах»*, *«стрессоустойчивость»*, *«уверенность, что кризис закончиться, мотивация»* и пр.

Немаловажное значение в преодолении профессионального кризиса играли социальные ресурсы (данная подкатегория включила 26% ответов). В самоотчетах испытуемых фигурировали такие выражения: *«взаимодействовала с другими специалистами»*, *«обращалась к семье, старшим педагогам, мы беседовали, проясняли ситуации»*, *«обращалась к человеку, который очень хорошо знает специфику работы»*, *«обращалась к руководству, которое поддерживали хорошими словами»*.

Актуализация личностного ресурса и обращения за социальной поддержкой является, на наш взгляд, достаточно конструктивным способом совладания кризиса, поскольку это позволяет педагогу сохранить свой профессиональный статус, позволяет остаться в профессии.

Еще одним конструктивным вариантом выхода из ситуации кризиса, на наш взгляд, является подкатегория *«изменение характера*

деятельности» (11%). В эту категорию вошли такие ответы как: «в то время я подала документы на высшее образование», «я поняла, что надо что-то дальше делать и выходить из ситуации кризиса», «мне предложили интересную подработку», «сменить деятельность», «участвую в конкурсах и побеждаю» и пр.

Выводы

Итак, анализ результатов исследования защитно-совладающего поведения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности, позволяет сделать вывод о том, что для педагогов свойственно как конструктивное, так и неконструктивное преодоление профессионального кризиса личности.

В большей степени педагог прибегает к неконструктивным механизмам психологической защиты (а отрицание и вытеснение это неконструктивные механизмы). Это приводит к нарастанию внутреннего напряжения, снижению устойчивости личности к воздействию стрессоров профессиональной деятельности. Вероятно, что отрицание и вытеснение используются педагогами для того, чтобы на какой-то кратковременный период получить «передышку» в стрессе, бессознательно снизив его остроту (пусть и за счет роста неосознаваемого внутреннего напряжения), для того, чтобы перераспределить внутренние ресурсы для поиска путей разрешения кризисной ситуации.

Однако, положительным результатом исследования стало то, что педагоги все же владеют и копингом, ориентированным на решение задачи. Вместе с тем, такая двойственность в преодолении профессионального кризиса личности может привести в итоге не к его разрешению, а к нарастанию внутренней тревоги и беспокойства.

Обозначенные результаты дополняют представления о сущности процесса преодоления профессионального кризиса личности, но являются далеко не конечными. Однако они могут стать основой проектирования системы психолого-педагогического сопровождения профессионального развития и деятельности педагогов.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Психологические механизмы переживания педагогами профессионального кризиса личности», проект № 16-36-01031-ОГН\18.

Список литературы

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. №1(15). С. 3–18.
2. Ахмеров Р. А. Биографические кризисы личности: автореферат диссертациикандидата психологических наук : 19.00.01 / Р. А. Ахмеров. Москва, 1994. 19 с.
3. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). Москва: МГУ, 1984. 200 с.
5. Грановская Р.М., Никольская И.М. Психологическая защита у детей. Санкт-Петербург: Речь, 2001. 342 с.
6. Гроф С. Человек перед лицом смерти. Москва: Изд-во Трансперсонального института, 1996. 246 с.
7. Гунзунова Б.А. Стилиевые особенности саморегуляции в профессиональной деятельности педагогов // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2011. №5 (40). С. 195–198.
8. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека: системно-деятельностный подход. Москва: Институт психологии РАН, 2003. 318 с.
9. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Профорориентология личности. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. 186 с.
10. Корытова Г.С. Защитно-совладающее поведение: ретроспективная реконструкция понятия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. №3 (156). С. 42–48.

11. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 64 с.
12. Марцинковская Т.Д. Тяжелые переживания как одна из форм психологического кризиса // Антология тяжелых переживаний: социально-психологическая помощь: сборник статей; под ред. О.В. Красновой. Москва: МПГУ; Обнинск : Принтер, 2002. С. 17–20.
13. Ливехуд Б. Кризисы жизни – шансы жизни. Калуга: Духовное познание, 1994. 224 с.
14. Могилёвкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. Санкт-Петербург: Речь, 2007. 336 с.
15. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. Москва: Наука, 2001. 192 с.
16. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. Москва: Изд-во УРАО, 2002. 160 с.
17. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. Москва: Академия 2001. 480 с.
18. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 1998. 712 с.
19. Солдатова Е.Л. Психологическое содержание нормативных кризисов развития личности взрослого человека // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2008. №31 (131). С. 39–47. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soderzhanie-normativnyh-krizisov-razvitiya-lichnosti-vzroslogo-cheloveka> (дата обращения: 27.11.2017).
20. Ташлыков В.А. Личностные механизмы совладания (копинг-поведение) и защиты у больных невротами в процессе психотерапии // Медико-биологические аспекты охраны психического здоровья. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. Томск. 1990. С. 60–61.
21. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. Москва: Наука, 1995. 384 с.
22. Шихи Г. Возрастные кризисы – ступени личностного роста. Санкт-Петербург: Ювента, 1999. 372 с.
23. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Москва: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. 352 с.

24. Anisimov O.S. Modern education: from rationality to reasonableness. *The Education and science journal*. 2014. №3, pp. 107–123.
25. Bühler Ch. *Der menschliche Lebenslauf als Psychologisches Problem*// Schweizerische Lehrerinnenzeitung. Leipzig : Hirzel. 5. Mai 1933. Band 37. Heft 15, pp. 253–255.
26. Caplan G. *Principles of preventive psychiatry*. New York, London: Basis Books, 1964. 304 p.
27. Fillip S.-H. & Aymanns P. *Kritische Lebensereignisse und Lebenskrisen. Vom Umgang mit den Schattenseiten des Lebens*. Stuttgart: Kohlhammer, 2010. 448 p.
28. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping*. N.Y.: Springer Publishing House., 1984. 253 p.
29. Lindemann E. *Symptomatology and management of acute grief*// *American Journal of Psychiatry*. 1944. № 101, pp. 141–148. Access mode : <http://www.nyu.edu/classes/gmoran/LINDEMANN.pdf>.
30. Moss R.H., Schaefer J.A. *Life transitions and crises // Coping with life crises: An integrative approach*. N.Y.: Plenum Press, 1986, pp. 3–28.
31. *Psychologie der Krisenbewältigung eine Längsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern / D. Ulich [et al.]*. Weinheim: Beltz, 1985. 244 p.
32. Sadovnikova N.O., Sergeeva T.B., Suraeva M.O. & Kuzmina O.Y. *Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers* // *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(14), 6898–6912.
33. Ulich D.K., Hausser K., Mayring Ph., Strehmel P., Kandler M. *Psychologie der Krisenbewältigung. eine Längsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern*. Weinheim: Beltz, 1985. 244 p.

References

1. Antsyferova L.I. *Lichnost' v trudnykh zhiznennykh usloviyakh: pereosmyslivaniye, preobrazovaniye situatsiy i psikhologicheskaya zashchita* [Personality in difficult living conditions: re-thinking, the transformation of situations and psychological protection]. *Psikhologicheskii zhurnal*, 1994, no. 1(15), pp. 3–18.

2. Akhmerov R.A. *Biograficheskiye krizisy lichnosti* [Biographical personality crises]: avtoreferat dissertatsii kandidata psikhologicheskikh nauk: 19.00.01 / R.A. Akhmerov. Moscow, 1994, 19 p.
3. Bodrov V.A. *Psikhologicheskiy stress: razvitiye i preodoleniye* [Psychological stress: development and coping]. Moscow: PER SE, 2006, 528 p.
4. Vasilyuk F.Ye. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Moscow State University, 1984, 200 p.
5. Granovskaya R.M., Nikol'skaya I.M. *Psikhologicheskaya zashchita u detey* [Psychological protection in children]. St. Petersburg: Speech, 2001, 342 p.
6. Grof S. *Chelovek pered litsom smerti* [Man in the face of death]. Moscow: Publishing house of the Transpersonal Institute, 1996, 246 p.
7. Gunzunova B.A. *Stilevyeye osobennosti samoregulyatsii v professional'noy deyatel'nosti pedagogov* [Style peculiarities of self-regulation in the professional activity of teachers]. *Uchonyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011, no. 5 (40), pp. 195–198.
8. Dikaya L.G. *Psikhicheskaya samoregulyatsiya funktsional'nogo sostoyaniya cheloveka: sistemno-deyatel'nostnyy podkhod* [Psychic self-regulation of the functional state of a person: a system-activity approach]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2003, 318 p.
9. Zeyer E.F., Symanyuk, E.E. *Proforiyentologiya lichnosti* [Proforientationology personality]. Ekaterinburg: Publishing House Ros. state Prof.-ped. University, 2005, 186 p.
10. Korytova G.S. *Zashchitno-sovladayushcheye povedeniye: retrospektivnaya rekonstruktsiya ponyatiya* [Protective-coping behavior: a retrospective reconstruction of the concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2015, no. 3 (156), p. 42–48.
11. Kryukova T.L. *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly* [Methods for studying coping behavior: three coping-scales]. Kostroma: KSU them. ON. Nekrasova, 2010, 64 p.
12. Livekhud B. *Krizisy zhizni – shansy zhizni* [Crises of life – the chances of life]. Kaluga: Spiritual Knowledge, 1994, 224 p.

13. Martsinkovskaya T.D. *Tyazhelyye perezhivaniya kak odna iz form psikhologicheskogo krizisa* [Severe experiences as one of the forms of psychological crisis]. *Antologiya tyazhelykh perezhivaniy: sotsial'no-psikhologicheskaya pomoshch'* : sbornik statey; pod red. O. V. Krasnovoy. Moscow: MPGU; Obninsk: Printer, 2002, pp. 17–20.
14. Mogilovkin Ye.A. *Kar'yernyy rost: diagnostika, tekhnologii, trening* [Career growth: diagnostics, technology, training]. St. Petersburg: Speech, 2007, 336 p.
15. Morosanova V.I. *Individual'nyy stil'samoregulyatsii: fenomen, struktura i funktsii v proizvol'noy aktivnosti cheloveka* [Individual style of self-regulation: phenomemen, structure and functions in arbitrary human activit]. Moscow: Science, 2001, 192 p.
16. Povarenkov YU.P. *Psikhologicheskoye sodержaniye professional'nogo stanovleniya cheloveka* [Psychological content of the professional formation of man]. Moscow: URAO Publishing House, 2002, 160 p.
17. Pryazhnikov N.S. *Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva* [sychology of work and human dignity]. Moscow: Academy, 2001, 480 p.
18. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Peter, 1998, 712 p.
19. Soldatova Ye.L. *Psikhologicheskoye sodержaniye normativnykh krizisov razvitiya lichnosti vzroslogo cheloveka* [Psychological Content of Regulatory Crises of Adult Personality Developmen]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Psikhologiya*, 2008, no.31, pp. 39–47. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-soderzhanie-normativnyh-krizisov-razvitiya-lichnosti-vzroslogo-cheloveka> (data obrashcheniya: 27.11.2017).
20. Tashlykov V.A. *Lichnostnyye mekhanizmy sovladaniya (koping-povedeniye) i zashchity u bol'nykh nevrozami v protsesse psikhoterapii* [Personal mechanisms of coping (coping behavior) and protection in patients with neuroses in the process of psychotherapy]. *Mediko-biologicheskiye aspekty okhrany psikhicheskogo zdorov'ya. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii*. Tomsk, 1990, pp. 60–61.
21. Freyd Z. *Vvedeniye v psikhoanaliz: Lektsii* [Introduction to psychoanalysis. Lectures]. Moscow: Nauka, 1995, 384 p.

22. Shikhi G. *Vozrastnyye krizisy – stupeni lichnostnogo rosta* [Age-related crises – steps of personal growth]. St. Petersburg: Yuventa, 1999, 372 p.
23. Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis.]. Moscow: Flint: MPSI: Progress, 2006, 352 p.
24. Anisimov O.S. *Modern education: from rationality to reasonableness. The Education and science journal*. 2014. No 3, pp. 107–123.
25. Bühler Ch. *Der menschliche Lebenslauf als Psychologisches Problem. Schweizerische Lehrerinnenzeitung*. Leipzig : Hirzel. 5. Mai 1933. Band 37. Heft 15, pp. 253–255.
26. Caplan G. *Principles of preventive psychiatry*. New York, London : Basis Books, 1964, 304 p.
27. Fillip S.-H. & Aymanns P. *Kritische Lebensereignisse und Lebenskrisen. Vom Umgang mit den Schattenseiten des Lebens*. Stuttgart: Kohlhammer, 2010, 448 p.
28. Lazarus R.S., Folkman S. *Stress, Appraisal, and Coping*. N.Y.: Springer Publishing House., 1984, 253 p.
29. Lindemann E. *Symptomatology and management of acute grief. American Journal of Psychiatry*. 1944, no. 101, pp. 141–148. Access mode: <http://www.nyu.edu/classes/gmoran/LINDEMANN.pdf>.
30. Moss R.H., Schaefer J.A. *Life transitions and crises. Coping with life crises: An integrative approach*. N.Y.: Plenum Press, 1986, pp. 3–28.
31. Psychologie der Krisenbewältigung eine Laengsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern. D. Ulich [et al.]. Weinheim: Beltz, 1985, 244 p.
32. Sadovnikova N.O., Sergeeva T.B., Suraeva M.O. & Kuzmina O.Y. *Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers. International Journal of Environmental and Science Education*, 11(14), pp. 6898–6912.
33. Ulich D. K., Hausser K., Mayring Ph., Strehmel P., Kandler M. *Psychologie der Krisenbewältigung. eine Laengsschnittuntersuchung mit arbeitslosen Lehrern*. Weinheim: Beltz, 1985, 244 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Надежда Олеговна, заведующая кафедрой профессиональной педагогики и психологии, кандидат психологических наук, доцент

*ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
ул. Машиностроителей, 11, г. Екатеринбург, 620012, Россий-
ская Федерация
nosadovnikova@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Nadezhda Olegovna, Head of Department, Department of Professional pedagogy and Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor
*Russian State Vocational Pedagogical University
11, Mashinostroitelej Str., Yekaterinburg, 620012, Russian Federation
nosadovnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8738-3996
Scopus Author ID: 57191169642*

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-161-180
УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕДАГОГАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ

Садовникова Н.О.

Целью исследования явилось разработка содержания программы по психолого-педагогическому сопровождению педагогов, переживающих профессиональный кризис личности и оценка эффективности данной программы.

Метод и методология проведения работы в качестве методологии исследования выступили: системный, синергетический, контекстный, историко-эволюционный, феноменологические подходы.

Результаты: результаты эмпирического исследования феноменологии переживания профессионального кризиса личности показали, что для большинства испытуемых профессиональный кризис личности представляет собой ситуацию, когда сталкиваются новая реальность профессиональной деятельности и сложившаяся внутренняя смысловая реальность жизни. Эти выводы стали основой для разработки программы психолого-педагогического сопровождения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности. Разработанная программа была реализована на группе педагогов, с целью доказательства ее эффективности.

Область применения: полученные результаты носят практический характер, они могут быть интересны педагогам, психологам и руководителям образовательных организаций в рамках организации деятельности психологической службы образования.

Ключевые слова: педагог; профессиональный кризис личности; переживание; психолого-педагогическое сопровождение.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE EXPERIENCING BY TEACHERS OF THE PROFESSIONAL CRISIS OF PERSONALITY

Sadovnikova N.O.

The purpose of the study was to develop the content of the program for the psychological and pedagogical support of teachers experiencing a professional personality crisis and an assessment of the effectiveness of this program.

Method and methodology of the work. The system methodology was the following: systemic, synergistic, contextual, historical-evolutionary, phenomenological approaches.

Results. The results of an empirical study of the phenomenology of experiencing a professional personality crisis have shown that for most of the subjects a professional personality crisis is a situation where a new reality of professional activity and the current inner semantic reality of life collide. These findings became the basis for the development of a program of psychological and pedagogical support for teachers experiencing a professional personality crisis. The developed program was implemented on a group of teachers, proved its effectiveness.

Practical implications: the results obtained are practical in nature, they may be of interest to teachers, psychologists and heads of educational organizations in the framework of the organization of the activities of the psychological education service.

Keywords: teacher; professional identity crisis; experience; psychological and pedagogical support.

Введение

Происходящие в современной российской действительности социальные и иные изменения обуславливают переоценку многих аспектов общественной жизни современной России, обуславливают изменение существующих социальных институтов. Затронули эти процессы и систему образования. В настоящее время мы можем на-

блюдать трансформацию многих составляющих деятельности образовательных организаций: это и смена образовательной парадигмы, и изменение подходов к организации образовательного процесса, организационно-правового статуса образовательной организации и многого другого. Влиянию изменений, меняется педагогический менталитет и характер взаимодействия педагогов и обучающихся.

На фоне этого, одним из предикторов качества образовательного процесса продолжает оставаться педагог, готовый к изменениям, мобильный и активный. При этом наиглавнейшую роль в педагогической деятельности и профессиональном развитии обуславливает способность педагога к профессиональному самоопределению и построению профессиональной перспективы. Особое значение и роль при этом начинает приобретать психолого-педагогическое сопровождение профессионального развития педагога, в том числе сопровождение процесса преодоления педагогом барьеров профессионального развития, к числу которых можно отнести профессиональный кризис личности.

Теоретико-эмпирические основания разработки программы психолого-педагогического сопровождения педагогов

Прежде чем перейти к описанию психолого-педагогического сопровождения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности, остановимся на кратком рассмотрении категорий «профессиональный кризис личности» и «переживание профессионального кризиса личности».

Обращаясь к кризисной тематике, отметим, что первые исследования кризиса были проведены Е. Lindemann, который рассматривал его как состояние, возникающее вследствие воздействия на человека психотравмирующих событий [12, с. 141].

В дальнейшем зарубежные исследователи рассматривали кризис как период неравновесия, ограниченный по времени, сопровождаемый неприятными психическими и физическими чувствами (ощущениями), иногда сильно истощающий способности личности компетентно преодолевать или справляться с ситуацией (G. Caplan),

как неожиданное событие или переживание, которое личность не может «переработать» и которое прерывает непрерывность жизни и содержит опасность предстоящей катастрофы (Е. Kahn), затрагивает центральные области жизнедеятельности (D. Ulich). Об экзистенциальных кризисах речь идет в работах R.K. James и A. Olson [13].

Для отечественной психологии, категория кризиса была впервые введена Л.С. Выготским, который предложил новую модель объяснения психологического смысла и механизмов возрастных кризисов развития [3]. Как отмечал автор, кризис представляет собой закономерное и необходимое звено в становлении личности, функция которого заключается в разрешении противоречий, возникающих в ходе психического развития ребенка [3]. В дальнейшем категорию кризиса изучали Р.А. Ахмеров, Ф.Е. Василюк, И.Г. Малкина-Пых, Т.Д. Марцинковская, А.О. Прохоров, Е.Л. Солдатова, Л.Н. Юрьева и др.

В контексте исследования профессионального кризиса личности интерес представляет концепция Ф.Е. Василюка, согласно которой под кризисом целесообразно понимать критический момент и поворотный пункт на жизненном пути, сопровождающийся внутренним нарушением эмоционального баланса, наступающим под влиянием угрозы, создаваемой внешними обстоятельствами [1]. Исследователь отмечает, что в ситуации кризиса, не зависимо от его характера, возникает рассогласование между сознанием и бытием: сознание личности не в состоянии принять бытие как данность, а поэтому не в состоянии наделять бытие смыслом. В ситуации кризиса, как отмечает Ф.Е. Василюк, возникает ситуация утраты смысла, преодоление которой возможно за счет ценностно-смысловых перестроек [1, с. 29].

Также для нас интерес представляют исследования А.О. Прохорова. По мнению автора, кризис представляет собой неравновесную ситуацию, вызванную разрывом привычной системы отношений, утратой значимых ценностей или невозможностью достижения поставленных целей и т.д. Кризис сопровождается отрицательными эмоциональными переживаниями и ощущением неспособностью

личности реально оценить ситуацию и найти рациональный выход из нее [6].

В свете этого, под *профессиональным кризисом* личности педагога мы будем понимать длительное неравновесное состояние субъекта труда, вызванное рассогласованием ценностно-смысловой сферы личности и актуализирующее процесс переживания.

В отечественной психологии к категории переживания, как базовой, первичной характеристике сознания, впервые обратился Л.С. Выготский [2], который считал переживания единицей анализа при изучении взаимодействия личности и среды. Переживание, по определению Л.С. Выготского представляет собой деятельность по перестройке психологического мира, обеспечивающую установление смыслового соответствия между сознанием и бытием [2].

С точки зрения С.Л. Рубинштейна, под переживанием в специфическом, подчеркнутом смысле слова, необходимо обозначить психическое явление, которое стало событием внутренней жизни личности [7].

А.Н. Леонтьев отмечал, что то, как человек переживает предмет в действительности, определено содержанием его отношения к этому предмету – содержанием его деятельности, осуществляющей это отношение [4].

В последующем, категория переживания встречается в работах Ф.Е. Василюка, Л.Г. Жедуновой, Л.Р. Фахрутдиновой и пр.

Наиболее полно категория переживания была рассмотрена в работах Ф.Е. Василюка. По мнению автора, сущность переживания заключается в следующем: когда человек переживает постигшую его утрату, главным для его близких является забота о том, как ему удастся преодолеть страдание, выдержать испытание, выйти из кризиса и восстановить душевное равновесие, психологически справиться с ситуацией [1]. Необходимость в переживании возникает у субъекта в особых критических жизненных ситуациях, при невозможности жить как раньше и реализовывать внутренние потребности своей жизни (мотивы, стремления, ценности). Феноменологической предпосылкой переживания является ситуация невозможности желае-

мых изменений, удовлетворения потребностей, достижения целей, осуществления ценностей и т. п. [1]. Переживание становится для личности восстановительной работой, целью которой является добывание осмысленности дальнейшей жизни [1].

Таким образом, на основании анализа существующих исследований по проблеме переживания, мы сформулировали следующее определение понятия: «переживание профессионального кризиса личности» – это деятельность по устранению дезинтеграции ценностно-смысловой сферы субъекта труда, которая регулируется посредством особых психологических механизмов и во внешнем плане проявляется в трансформации общей стратегии жизнедеятельности субъекта.

Результаты теоретического исследования стали основой для эмпирического исследования феноменологических особенностей переживания профессионального кризиса личности [15]. Это исследование проводилось в период с 2106 по 2017 года и его результаты, в свою очередь, легли в основу разработки программы психолого-педагогического сопровождения педагогов.

Результаты исследования позволили нам констатировать нами, что основной аспект переживания педагогами профессионального кризиса был связан с изменением смыслового контекста работы [15]. Многие педагоги отмечали: *«мне казалось, что все забывается»*, *«тетради на проверку домой перестала брать»*, *«мне не удается понять нужно ли мне это»*, *«стала меньше реагировать на требования родителей»*, *«теперь силой воли заставляю себя идти, профессиональные обязанности выполняю по привычке, автоматически»*, *«смысл стал – уберечь своего ребенка от того, что сейчас в детских садах...»*, *«очень разочаровала система образования»*, *«я стала по-другому смотреть на свою деятельность»* и др.

Для многих педагогов переживание профессионального кризиса сопровождается рефлексией содержания профессиональной деятельности, затем актуализируется рефлексия внутреннего мира и социального окружения.

Эмоциональный контекст переживания профессионального кризиса личности был сконцентрирован вокруг таких эмоций как

«отчаяние и безысходность». Педагоги отмечали: *«была внутренняя опустошенность», «пустота», «чувствовалось эмоциональное выгорание», «ощущение безысходности, того, что ничего не изменить», «желание уволиться, все бросить», «смирение»* и пр.

Представляет интерес тот факт, что негативные эмоциональные переживания, составляющие общий фон протекания кризиса, не так часто фиксируются педагогами, как трансформация ценностно-смысловой сферы и рефлексия. Это важный момент в контексте разработки содержания психолого-педагогического сопровождения педагогов.

Еще одной важной составляющей феноменологического анализа был анализ *соотношения характеристик, раскрывающих процесс преодоления профессионального кризиса*. Было установлено, что процесс преодоления педагогами профессионального кризиса личности связан с актуализацией у них личностного ресурса. Педагоги отмечали, что для разрешения профессионального кризиса им понадобились *«терпение и спокойствие», «поняла, что если не можешь изменить ситуацию – измени отношение к ней», «уверенность в себе», «оптимизм», «уверенность в своих знаниях и своих силах», «стрессоустойчивость», «уверенность, что кризис закончиться, мотивация»* и пр. Также немаловажное значение в преодолении профессионального кризиса играли социальные ресурсы. В самоотчетах испытуемых фигурировали такие ответы: *«взаимодействовала с другими специалистами», «обращалась к семье, старшим педагогам, мы беседовали, проясняли ситуации», «обращалась к человеку, который очень хорошо знает специфику работы», «обращалась к руководству, которое поддерживали хорошими словами»*.

Актуализация личностного ресурса и обращения за социальной поддержкой является, на наш взгляд, достаточно конструктивным способом преодоления кризиса, поскольку это позволяет педагогу сохранить свой профессиональный статус, позволяет остаться в профессии.

Еще одним конструктивным вариантом выхода из ситуации кризиса, позволяющим сохранить личностную целостность и профессиональное здоровье явилось расширение профессиональной

компетентности. Педагоги отмечали: *«в то время я подала документы на высшее образование», «я поняла, что надо что-то дальше делать и выходить из ситуации кризиса», «мне предложили интересную подработку», «сменить деятельность», «участвую в конкурсах и побеждаю»* и пр.

Резюмируя результаты исследования, мы установили, что переживание профессионального кризиса, центром которого становится трансформация системы ценностей, может осуществляться как по пути, полной перестройки ценностей, так и по пути снижения значимости тех или иных ценностей, связанных с профессиональной деятельностью. Полная перестройка системы ценностей и формирование нового смыслового поля может быть связана с профессиональной переориентацией и требует зачастую от педагога решимости полностью изменить свою профессиональную траекторию, сменить профессию и покинуть актуальную профессиональную реальность. Стратегия, построенная на снижении значимости ценностей (в некоторых случаях временного снижения) предполагает своеобразный тайм-аут в профессиональном развитии, который может выражаться, например, в уходе в семью (например, декретный отпуск), обращение к хобби или к тем аспектам педагогической деятельности, которые не связаны непосредственно с учебным процессом (например, воспитательная внеучебная работа и пр.).

Еще одним вектором переживания профессионального кризиса личности становится построение новой смысловой реальности вокруг существующей в сознании системы ценностей. Эта стратегия является на наш взгляд наиболее сложной, но при этом и наиболее продуктивной. Суть ее сводится к тому, что профессионал, сохраняя значимые для себя ценности, стремится найти их приложение в новых условиях деятельности. Он находит новые смысловые ориентиры профессиональной деятельности, выстраивает свое профессиональное настоящее и проектирует профессиональное будущее, тем самым выступая как активный субъект своего профессионального пути. Это своего рода стратегия «сохранения» себя в профессии.

Самой негативной стратегий переживания педагогам профессионального кризиса личности является стратегия, при которой происходит деструкция системы ценностей в сочетании с утратой смысла профессиональной деятельности. Данные явления становятся фоном, на котором разворачиваются уже профессиональные деструкции, а это не только снижает эффективность труда педагога, но в ряде случаев приводит к формированию ложных целевых и ценностных ориентиров у личности и негативно сказывается на профессионально-педагогическом взаимодействии с обучающимися.

Именно снижение вероятности возникновения профессиональных деструкций и собственной снижения эффективности педагогической деятельности обуславливает актуальность обращения к вопросу психолого-педагогического сопровождения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности.

Методологические основания психолого-педагогического сопровождения переживания профессионального кризиса личности

Психолого-педагогическое сопровождение – это система мероприятий, направленных на создание условий для активизации профессионально-психологического потенциала педагога как субъекта деятельности для конструктивного разрешения им профессионального кризиса личности.

Целевой ориентацией психолого-педагогического сопровождения переживания профессионального кризиса личности становится актуализация профессионально-психологического потенциала субъекта деятельности для конструктивного разрешения профессионального кризиса личности [диалог].

Основными функциями психолого-педагогического сопровождения являются [10]:

- информационное сопровождение процесса профессионального развития личности, направленное на формирования системы знаний по вопросам переживания педагогом трудностей профессионального развития;

- помощь в проектировании профессиональных сценариев и профессионального будущего;
- психологически компетентное оказание поддержки и помощи в преодолении кризисных ситуаций.

Основной задачей психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности является формирование у нее способности самостоятельно находить ресурсы для разрешения кризисных ситуаций.

Реализация психолого-педагогического сопровождения переживания профессионального кризиса личности основывается на ряде методологических подходов [10]. А именно: системном, синергетическом, контекстном, историко-эволюционном, феноменологическом подходах. Раскроем кратко содержание каждого из обозначенных подходов.

Системный подход заключается в изучении объекта как целого, состоящего из разных взаимосвязанных элементов, упорядоченного и сложноорганизованного. Основной акцент делается на выявлении многообразных связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой. Реализация психолого-педагогического сопровождения с позволит оказать качественную комплексную помощь в преодолении профессионального кризиса.

Синергетический подход используется в психологии при изучении открытых (обменивающихся веществом, энергией и информацией), нелинейных (многовариантных и необратимых в плане развития), саморазвивающихся (изменяющихся под влиянием внутренних противоречий, факторов и условий) и самоорганизующихся (спонтанно упорядочивающихся, переходящих от хаоса к порядку) систем. С позиций синергетического подхода существуют различные модели переживания профессиональных кризисов личности, поэтому психолого-педагогическое сопровождение должно быть направлено на формирование широкого спектра стратегий поведения в кризисе.

Контекстный подход позволяет выделить профессиональный кризис из множества трудных ситуаций, переживаемых личностью

в процессе своего становления, отделить его от возрастных кризисов. Изменения, которые происходят в структуре личности педагога, связаны в ряде случаев с действием конкретных, характерных для ситуации факторов, контекстом ситуации профессионального развития.

Системный историко-эволюционный подход исходит из идеи о необходимости изучения феномена человека в процессе эволюции порождающей его системы и об исследовании целевой детерминации развивающейся системы, предполагающей освещение вопроса «для чего возникает явление?». Этот подход очень важен в контексте анализа сущности психологического сопровождения. Сопровождение в контексте этого подхода ставит целью изучение того, почему профессиональный кризис возник в жизни человека.

Обращение к *феноменологическому подходу* обеспечивает рассмотрение переживания как центрального психологического феномена профессионального кризиса личности. Важным фактором успешного, продуктивного профессионального развития является осознание педагогом смысла и значимости своей деятельности, самоопределение в ней. Утрата смысла неизбежно приводит к ситуации профессионального кризиса. Успешное сопровождение профессионального развития личности возможно, если психолог имеет представление о том внутреннем образе профессиональной реальности, который есть у профессионала.

Перечисленные выше подходы к проектированию и организации психолого-педагогического сопровождения переживания профессионального кризиса личности позволили нами определить содержание работы с кризисной ситуацией и спроектировать модель психолого-педагогического сопровождения. В основе этой модели заложено единство трех направлений работы: информационного (формирование профессионально-психологической компетентности по проблеме переживания профессионального кризиса личности), диагностического (оценка потенциала личности и ситуации) и развивающего (актуализация и развитие профессионально-психологического потенциала личности, обеспечивающего разрешение кризиса) [10].

Информационное направление ставит своей целью формирование системы знаний о феномене профессионального кризиса личности, способах его преодоления и показателях успешности этого процесса.

Диагностическое направление сопровождения направлено на актуализацию личностных ресурсов преодоления профессионального кризиса личности. Для проведения психодиагностики используются методики, отвечающие всем психометрическим характеристикам.

Развивающее направление работы по сопровождению представлено в виде тренинга «Развитие навыков преодоления профессионального кризиса личности», цель которого выработка умений конструктивного выхода из профессионального кризиса личности. Тренинг направлен на развитие профессиональной рефлексии смыслоформирование, развитие умений саморегуляции, формирование coping-компетентности.

Каждый из обозначенных блоков направлен на решение конкретной прикладной задачи: от формирования у педагогов профессионально-психологической компетентности в вопросах конструктивного разрешения кризиса, до формирования у него системы поведенческих паттернов, обеспечивающих его преодоление.

Результаты оценки эффективности программы психолого-педагогического сопровождения педагогов

Программа психолого-педагогического сопровождения педагогов, переживающих профессиональный кризис личности, была реализована в виде семинара-тренинга с педагогами школ. Для этого из всей выборки педагогов были отобраны педагоги, переживающие профессиональный кризис личности в настоящий момент. Им было предложено принять участие в однодневном семинаре-тренинге. Общее количество участников составило 15 человек.

Оценка эффективности программы психолого-педагогического сопровождения осуществлялась по модели квазиэксперимента (таблица 1). Участвующие в семинаре-тренинге педагоги составили экспериментальную группу. Также была сформирована контрольная группа из педагогов (15 чел), которые переживают профессиональный кризис личности, но в семинаре-тренинге они не участвовали.

Таблица 1.

**Квазиэкспериментальный план с эквивалентными группами,
уровненные методом случайного отбора**

Экспериментальная группа (n=15)	Предварительное тестирование (1-й тестовый срез)	Семинар-тренинг	Заключительное тестирование (2-й тестовый срез)
Контрольная группа (n=15)	Предварительное тестирование (1-й тестовый срез)	-	Заключительное тестирование (2-й тестовый срез)

Как было нами установлено в эмпирическом исследовании, основной аспект переживания профессионального кризиса личности связан с изменением смыслового поля, переоценкой ценностей и снижением уровня выраженности смысложизненных ориентаций. В связи с этим для оценки эффективности программы психолого-педагогического сопровождения был использован тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева (адаптированная версия теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL, Дж. Крамбо и Л. Махолика), который направлен на изучение осмысленности жизни и который позволяет выявить особенности смысложизненных ориентаций личности (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией), которые соотносятся соответственно с целью (будущим), процессом (настоящим) и результатом (прошлым).

Для оценки степени сдвига по параметрам смысложизненных ориентаций нами применялся Т-критерий Вилкоксона. Критерий предназначен для сопоставления показателей, измеренных в двух разных условиях на одной и той же выборке испытуемых. Он позволяет установить не только направленность изменений, но и их выраженность, то есть способен определить, является ли сдвиг показателей в одном направлении более интенсивным, чем в другом.

Проанализируем полученные результаты.

Как мы установили ранее педагоги, переживающие профессиональный кризис личности характеризуются изменениями в системе смысложизненных ориентаций (таблица 2). Для этого мы провели сравнение двух независимых выборок с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни (U-критерий Манна-Уитни). В таблице 2

представлены значимые различия в параметрах смысложизненных ориентаций и ценностных сфер.

Таблица 2.

Результаты сравнительного анализа параметров смысложизненных ориентаций разных групп педагогов (первый тестовый срез)

Параметры смысложизненных ориентаций	Группы педагогов*	Средний ранг	Статистика U-Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Цели в жизни	1,00	41,86	849,50	0,00
	2,00	72,24		
Процесс жизни	1,00	54,59	1333,50	0,09
	2,00	66,67		
Результативность жизни	1,00	47,92	1080,0	0,00
	2,00	69,59		
ЛК — Я	1,00	42,99	892,50	0,00
	2,00	71,74		
ЛК — жизнь	1,00	51,11	1201,00	0,02
	2,00	68,20		
Общая осмысленность жизни	1,00	54,61	1334,00	0,09
	2,00	66,67		

* 1 – экспериментальная группа, 2 – контрольная группа

Для педагогов, переживающих профессиональный кризис личности, характерно снижение уровня осмысленности будущего, отсутствие временной перспективы. Ситуация профессионального кризиса личности характеризуется выраженной неудовлетворенностью прошлым, ощущением бессмысленности пройденного этапа и безуспешности самореализации. Ощущение неспособности влиять на ход собственной жизни, а также неуверенность в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора – в этом также проявляется профессиональный кризис личности.

Участие в семинаре-тренинге, направленном на актуализацию профессионально-психологического потенциала педагога для конструктивного разрешения им профессионального кризиса личности, привело к значимым изменениям в системе смысложизненных ориентаций (таблица 3).

Таблица 3.

Результаты анализа параметров смысложизненных ориентаций группы педагогов экспериментальной группы (первый и второй тестовые срезы)

Параметры смысложизненных ориентаций	Тестовый срез	Среднее Значение (X_{cp})	Статистика Т критерий Вилкоксона	Уровень значимости (p)
Цели в жизни	1-й срез	41,86	1,9	0,00
	2-й срез	62,2		
Процесс жизни	1-й срез	54,59	1,3	0,09
	2-й срез	65,0		
Результативность жизни	1-й срез	47,92	2,00	0,00
	2-й срез	71,1		
ЛК — Я	1-й срез	42,99	2,2	0,00
	2-й срез	73,4		
ЛК — жизнь	1-й срез	51,11	1,5	0,02
	2-й срез	67,2		
Общая осмысленность жизни	1-й срез	54,61	1,51	0,09
	2-й срез	67,6		

Таблица 4.

Результаты анализа параметров смысложизненных ориентаций группы педагогов контрольной группы (первый и второй тестовые срезы)

Параметры смысложизненных ориентаций	Тестовый срез	Среднее Значение (X_{cp})	Статистика Т критерий Вилкоксона	Уровень значимости (p)
Цели в жизни	1-й срез	42,2	1,2	0,07
	2-й срез	44,3		
Процесс жизни	1-й срез	51,3	1,5	0,09
	2-й срез	54,6		
Результативность жизни	1-й срез	44,3	2,0	0,12
	2-й срез	51,6		
ЛК — Я	1-й срез	51,6	0,8	0,13
	2-й срез	49,7		
ЛК — жизнь	1-й срез	48,8	0,6	0,02
	2-й срез	53,1		
Общая осмысленность жизни	1-й срез	53,6	1,89	0,09
	2-й срез	57,5		

Как видно из результатов, педагоги, переживающие профессиональный кризис личности, после участия в семинаре-тренинге,

стали воспринимать будущее более оптимистично и осмысленно. Прошлое педагоги стали оценивать как значимый и результативный этап своей жизни. И, что может быть самое важное, у педагогов, переживающий профессиональный кризис личности появилась вера в свои силы, ощущение способности влиять на события своего профессионального пути.

Поскольку оценка эффективности программы психолого-педагогического сопровождения осуществлялась по схеме квазиэксперимента, мы провели также второй тестовый срез в группе педагогов, которые профессиональный кризис переживали, но участвовать в семинаре-тренинге отказались по разным причинам.

Как видно из таблицы 4 значимых изменений в контрольной группе не произошло. Для педагогов контрольной группы уровень смысложизненных ориентаций остался практически на том же, невысоком уровне. Можно констатировать, что будущее для этих педагогов, по-прежнему остается «скрытым», прошлое и настоящее не удовлетворяют педагога. И самое значимое, что педагог не ощущает себя как субъекта деятельности, не ощущает в себе способность управлять жизнью.

Выводы

Итак, процесс переживания педагогами профессионального кризиса личности проявляется в трансформации смыслового поля личности, изменении иерархии ценностей, повышении уровня осмысленности будущего, настоящее и принятии прошлого.

Полученные эмпирические данные раскрывают особенности переживания педагогами профессионального кризиса личности. Эти данные позволили нам конкретизировать определение психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности, под которым мы понимаем систему мероприятий по актуализации профессионально-психологического потенциала субъекта деятельности для конструктивного разрешения профессионального кризиса личности. В качестве методологических подходов и принципов проектирования и реализации психо-

лого-педагогического сопровождения предлагаются системный, синергетический, контекстный, историко-эволюционный, феноменологический подходы.

Программа психолого-педагогического сопровождения была апробирована на группе педагогов, переживающих профессиональный кризис личности. Оценка эффективности программы с применением Т- критерия Вилкоксона показала, что программа изменяет выраженность смысложизненных ориентаций, повышая у педагогов уровень осмысленности будущего, степень принятия прошлого и усиливая веру в себя и свои силы.

Полученные результаты дополняют существующие положения о психологических особенностях профессионального развития педагогов и могут быть использованы в практике психологической службы в образовании.

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Психологические механизмы переживания педагогами профессионального кризиса личности», проект № 16-36-01031-ОГН\18.

Список литературы

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). Москва : МГУ, 1984. 200 с.
2. Выготский Л.С. Биогенетический подход в психологии и педагогике // Хрестоматия по возрастной психологии. Ч. 1 / Под ред. О.А. Карабановой А.И., Подольского Г.В. Бурменской. Москва: МГУ, 1999. 315 с.
3. Выготский Л.С. Лекции по педологии. Ижевск: Изд-во Удмурт. унта, 2001. 303 с.
4. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 томах. Москва: Педагогика, 1983. Т. 1. 285 с.

5. Леонтьев Д.А. Психология смысла. Москва: Смысл, 2008. 511 с.
6. Прохоров А.О. Теоретические и методологические аспекты проблемы неравновесных психических состояний // Психология состояний / Под ред. А.О. Прохорова. Москва: ПЕР СЭ; Санкт-Петербург: Речь, 2004. 608 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Санкт-Петербург: Питер, 1998. 712 с.
8. Садовникова Н.О. Профессиональный кризис личности педагога : содержание и основные признаки // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 400–411.
9. Садовникова Н.О. Ценностно-смысловой механизм переживания педагогами профессионального кризиса // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 207–211.
10. Садовникова Н.О. Модель психолого-педагогического сопровождения переживания педагогами профессионального кризиса личности // Научный диалог. 2017. № 11. С. 468–479.
11. Caplan G. Principles of preventive psychiatry. New York, London: Basis Books, 1964. 304 p.
12. Lindemann E. Symptomatology and management of acute grief // American Journal of Psychiatry. 1944. № 101, pp. 141–148. <http://www.nyu.edu/classes/gmoran/LINDEMANN.pdf>.
13. Olson A. The theory of Self-actualization: mental illness, creative and art // Psychology Today. 2013. <https://www.psychologytoday.com/blog/theory-and-psychopathology/201308/the-theory-self-actualization>.
14. Ulich D. [et al.] Psychologie der Krisenbewaeltigung eine Laengsschnituntersuchung mit arbeitslosen Lehrern. Weinheim: Beltz, 1985. 244 p.
15. Sadovnikova N.O. Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers / N.O. Sadovnikova, T.B. Sergeeva, M.O. Suraeva & O.Y. Kuzmina // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. № 11 (14), pp. 6898–6912.

References

1. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experiencing (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Moscow State University, 1984. 200 p.

2. Vygotskiy L.S. Biogeneticheskiy podkhod v psikhologii i pedagogike [Biogenetic approach in psychology and pedagogy]. *Khrestomatiya po vozrastnoy psikhologii* [Reader on age psychology]. Part 1 / Ed. O.A. Karabanova, A.I. Podolsky, G.V. Burmen. Moscow: Moscow State University, 1999. 315 p.
3. Vygotskiy L.S. *Lektsii po pedagogii* [Lectures on pedagogy]. Izhevsk: Publishing house Udmurt. University, 2001. 303 p.
4. Leont'ev A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]: in 2 volumes. Moscow: Pedagogy, 1983. V. 1. 285 p.
5. Leont'ev D.A. *Psikhologiya smysla* [Psychology of meaning]. Moscow: Meaning, 2008. 511 p.
6. Prokhorov A.O. Teoreticheskie i metodologicheskie aspekty problemy neravnovesnykh psikhicheskikh sostoyaniy [Theoretical and methodological aspects of the problem of non-equilibrium mental states]. *Psikhologiya sostoyaniy* [Psychology of States] / Ed. A.O. Prokhorov. Moscow: PER SE; St. Petersburg: Speech, 2004. 608 p.
7. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Basics of general psychology]. St. Petersburg: Peter, 1998. 712 p.
8. Sadovnikova N.O. Professional'nyy krizis lichnosti pedagoga : sodержanie i osnovnye priznaki [Professional crisis of the personality of the teacher: the content and main features]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2016. № 11 (59), pp. 400–411.
9. Sadovnikova N.O. Tsennostno-smyslovoy mekhanizm perezhivaniya pedagogami professional'nogo krizisa [The value-semantic mechanism of teachers experiencing a professional crisis]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. 2014. No. 9, pp. 207–211.
10. Sadovnikova N.O. Model' psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya perezhivaniya pedagogami professional'nogo krizisa lichnosti [Model of psychological and pedagogical support of teachers experiencing a professional personality crisis]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2017. No. 11, pp. 468–479.
11. Caplan G. *Principles of preventive psychiatry*. New York, London: Basis Books, 1964. 304 p.

12. Lindemann E. Symptomatology and management of acute grief [Symptomatology and management grief]. *American Journal of Psychiatry*. 1944. No. 101, pp. 141–148. <http://www.nyu.edu/classes/gmoran/LINDEMANN.pdf>.
13. Olson A. The theory of self-actualization: mental illness, creative and art. *Psychology Today*. 2013. <https://www.psychologytoday.com/blog/theory-and-psychopathology/201308/the-theory-self-actualization>.
14. Ulich D. [et al.] *Psychologie der Krisenbewaeltigung eine Laengsschnituntersuchung mit arbeitslosen Lehrern*. Weinheim: Beltz, 1985. 244 p.
15. Sadovnikova N.O., Sergeeva T.B., Suraeva M.O., Kuzmina O.Y. Phenomenological Analysis of Professional Identity Crisis Experience by Teachers. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. № 11 (14), pp. 6898–6912.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Садовникова Надежда Олеговна, заведующая кафедрой профессиональной педагогики и психологии, кандидат психологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
ул. Машиностроителей, 11, г. Екатеринбург, 620012, Российская Федерация
nosadovnikova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sadovnikova Nadezhda Olegovna, Head of Department, Department of Professional pedagogy and Psychology, PhD in Psychology, Associate Professor
Russian State Vocational Pedagogical University
11, Mashinostroitelej Str., Yekaterinburg, 620012, Russian Federation
nosadovnikova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8738-3996
Scopus Author ID: 57191169642

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-181-195
УДК 316.64

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГРУПП С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

Сморкалова Т.Л.

***Актуальность.** Проблемным на сегодняшний день является вопрос о связи копинг-стратегий и социального интеллекта. Единичные работы посвящены связи социального интеллекта и копинг-стратегий, результаты данных исследований противоречивы.*

***Цель.** Изучить связь копинг-стратегий и социального интеллекта в группах с разным уровнем развития социального интеллекта.*

***Материалы и методы.** Эмпирическую базу исследования составили юноши и девушки 17–18 лет. Были использованы методика «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда и О'Салливан, Методика для психологической диагностики копинг-механизмов Э. Хайма.*

***Результаты.** Установлена связь между различными уровнями социального интеллекта и копинг-стратегиями у студентов. Лица с низким уровнем социального интеллекта чаще предпочитают неадаптивные копинг-стратегии такие как «активное избегание», «самообвинение», «агрессивность», «игнорирование». Лица со средним уровнем интеллекта выбирают в основном адаптивные и относительно адаптивные копинг-стратегии, такие как: «относительность» («могло быть и хуже»), «конструктивную активность», «проблемный анализ», «сохранение самообладания». Студенты с высоким уровнем социального интеллекта чаще выбирают адаптивные копинг-стратегии: «проблемный анализ», «сохранения самообладания», «обращение».*

***Область применения результатов.** Результаты исследования могут быть применены в консультационной и профориентационной*

работе с молодежью, а также при разработке для них коррекционных и тренинговых мероприятий.

Ключевые слова: социальный интеллект; копинг-стратегии; составляющие социального интеллекта; социальная адаптация.

STUDYING THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL INTELLECT AND COPING STRATEGIES (BY THE EXAMPLE OF GROUPS WITH DIFFERENT LEVELS OF SOCIAL INTELLECT)

Smorkalova T.L.

Relevance. *The interrelation between coping strategies and social intellect is now a problem. Few research efforts are devoted to this linkage, and the results of these investigations are contradictory.*

Goal. *To study the relationship between social intellect and coping strategies in groups with different levels of social intellect development.*

Materials and methods. *The empirical base of the study consisted of 17–18-aged male and female students. G. Guilford & O'Sullivan measure of social intelligence and E. Heim psychological diagnostics of coping mechanisms were used.*

Results. *The relationship between social intellect and coping strategies in students has been established. The subjects with a low level of social intellect prefer maladaptive coping strategies such as “active avoidance”, “self-accusation”, “aggressiveness”, “disregarding”. The respondents with an average level of intellect mainly choose adaptive and relatively adaptive coping strategies including “relativity” (“it might have been worse”), “constructive activity”, “problem analysis”, “keeping self-control”. The students with a high level of social intellect more often tend to adaptive coping strategies: “problem analysis”, “keeping self-control”, and “withdrawal”.*

Areas of the results' application. *The results of the study can be used in counseling and vocational guidance work with the youth as well as for designing corrective treatment and trainings.*

***Keywords:** social intelligence; coping strategies; components of social intelligence; social adaptation.*

Введение

В течение всей жизни человек постоянно сталкивается с различными сложными ситуациями, зачастую у него не хватает ресурсов справиться с ними и тогда происходит ухудшение его психологического и физического благополучия. Согласно Р. Лазарусу, стресс является результатом представления человеком того, что у него не хватает ресурсов, чтобы справиться с трудной ситуацией из прошлого, настоящего или будущего [17]. По данным ряда авторов проблема совладания со стрессовыми ситуациями очень актуальна в современном мире [1, 15]. В последнее время в студенческой среде возросло количество негативных последствий стресса, проявляющихся в виде различных психических и соматических заболеваний [22]. Студенты, особенно первокурсники, подвержены стрессу, прежде всего из-за смены привычного уклада жизни: учеба в университете предполагает освоение новых правил поведения, выстраивания отношений с преподавателями и сокурсниками, усвоения большого количества новой информации, отделения от семьи и т.д. [13]. Одним из способов совладания со стрессом являются копинг-стратегии. С понятием «копинг» «связывают разного рода процессы, направленные на возможно лучшее решение личностных, межличностных или профессиональных проблем, адаптацию человека к требованиям ситуации, вызывающей стресс, позволяющую овладение ею, ослабление или смягчение этих требований и восстановление психологического благополучия» [8; 84].

В исследованиях копинг-стратегий авторами, чаще всего, выделяются три подхода: 1) в рамках психоаналитической школы, копинг-стратегии – это одни из способов психологической защиты, способствующий снижению напряжения. [7, 16]; 2) в данном подходе копинг-стратегии рассматриваются как динамический процесс, который определяется субъективностью переживания ситуации и многими другими факторами. [15]; 3) в третьем подходе копинг-

стратегии исследуются в рамках реагирования человека на трудности и неудачи в выполнении учебной, профессиональной и другой продуктивной деятельности [3, 11, 12].

Эффективность выбора копинг-стратегий авторы часто связывают с личностными характеристиками [9, 10, 19]. Так, Дж. Коннор-Смит и С. Флэсбарт выявили связь копинг-стратегий с факторами «Большой пятерки» [14]. К. Карвер, М. Шейер отмечают связь копинг-стратегий и оптимизма [12].

Проблемным на сегодняшний день является вопрос о связи копинг-стратегий и интеллекта [8]. Во-первых, только единичные работы посвящены связи интеллекта и копинг-стратегий, во-вторых, результаты данных исследований противоречивы. Согласно данным исследований [2, 4], вербальный интеллект связан отрицательной связью с выбором непродуктивных копингов. В работе З. Сиерралья зафиксировано отсутствие связи между психометрическим интеллектом и копинг-стратегиями. Только единичные работы посвящены роли социального интеллекта в выборе копинг-стратегий. Вместе с тем, социальный интеллект включает в себя не только познавательный, когнитивный аспект, как в случае любого другого вида интеллекта, но и аспект поведенческий, оказывающий влияние на среду. Единого определения социального интеллекта в настоящее время не существует. Однако авторы чаще всего определяют социальный интеллект как способность понимать других людей, их взаимоотношения и социальные ситуации [10, 18]. Развитый социальный интеллект способствует высокой включенности человека в социум, его адаптации во внешней среде, благодаря способности прогнозирования действий как других людей так и своих собственных. Высокий социальный интеллект, как показывают исследования, обеспечивает успех в различных сферах жизнедеятельности человека и умению выбирать оптимальный способ поведения в различных ситуациях [20, 21]. Социальный интеллект способствует инактивации негативных эмоций, позволяет выбрать эффективные способы психологической защиты в стрессовых ситуациях. Таким образом, социальный интеллект – это важная личностная характеристика,

обуславливающая адаптацию и эффективное совладание со сложными ситуациями. Обобщая сказанное, особую актуальность приобретает изучение социального интеллекта как регулятора поведения в сложных ситуациях.

Цель исследования: изучить связь копинг-стратегий и социального интеллекта в группах с разным уровнем развития социального интеллекта.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили юноши и девушки 17–18 лет. В исследовании приняли участие 85 человек: 39 юношей, 46 девушек.

В исследовании для изучения социального интеллекта использовалась методика «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда и О’Салливан [5]. Методика включает в себя батарею стандартизированных тестов, направленных на определение способности понимать и прогнозировать поведение людей в разных житейских ситуациях, распознавать намерения, чувства и эмоциональные состояния человека по невербальной и вербальной экспрессии. В методику включены 4 субтеста, три субтеста построены на невербальном стимульном материале, и один субтест – на вербальном. Также данная методика позволяет выявить группы респондентов с разным уровнем развития социального интеллекта.

Для исследования копинг-стратегий использовалась «Методика для психологической диагностики копинг-механизмов» (Э. Хайм) [6]. Данная методика позволяет исследовать ситуационно-специфические варианты копинг-стратегий, в соответствии с тремя основными сферами психической деятельности: когнитивной, эмоциональной и поведенческой.

Статистический анализ полученных данных осуществлялся с помощью программы статистического анализа данных IBM SPSS Statistics 22. Для выявления связи между переменными использовались коэффициенты сопряженности Хи-квадрат Пирсона и V Крамера, так как данные полученные при помощи методики для

психологической диагностики копинг-механизмов измерены в номинативной шкале.

Результаты и обсуждение

На основе данных шкалы «композитная оценка» все респонденты были распределены на 3 группы: группа с низким уровнем развития социального интеллекта (26 человек), группа со средним уровнем социального интеллекта (30 человек) и группа с высоким уровнем развития социального интеллекта (29 человек).

Результаты использования коэффициентов сопряженности Хи-квадрат Пирсона и V Крамера в группе с низким уровнем развития социального интеллекта показали, что между показателями шкал методики «Социальный интеллект» и копинг-стратегиями существует связь. В таблице 1 представлены статистически значимые связи между переменными.

Таблица 1.

Связь социального интеллекта и копинг-стратегий в группе с низким уровнем социального интеллекта

Шкалы методики «Социальный интеллект»	Шкалы методики психологической диагностики копинг-механизмов	Значения коэффициентов сопряженности Хи-квадрат Пирсона и V Крамера	Уровень значимости
Субтест «История с завершением»	Относительно адаптивные когнитивные стратегии	14,032 0,472	0,000
Субтест «История с завершением»	Неадаптивные поведенческие копинг-стратегии	12,099 0,399	0,001
Субтест «Группа экспрессии»	Неадаптивные когнитивные копинг-стратегии	15,221 0,604	0,000
Субтест «Группа экспрессии»	Адаптивные эмоциональные копинг-стратегии	13,809 0,478	0,000
Субтест «Истории с дополнением»	Неадаптивные поведенческие копинг-стратегии	12,566 0,567	0,001
Субтест «Истории с дополнением»	Неадаптивные эмоциональные копинг-стратегии	15,507 0,389	0,000

Согласно Дж. Гилфорду, для людей с низким уровнем социального интеллекта характерны сложности в прогнозировании поступков других людей, в понимании их поведения. Также для данной груп-

пы характерны сложности в понимании вербальных и невербальных реакций других людей. При выборе копинг-стратегий респонденты данной группы преимущественно ориентируются на неадаптивные стратегии. Анализ связей между копинг-стратегиями и уровнем социального интеллекта показал, что для респондентов свойственно активное избегание и относительность («могло быть и хуже»), при слабых способностях к пониманию связи между поведением и его последствием. Таким образом, такие люди не понимая или неверно понимая логику событий, поступки других людей, стараются вообще избегать сложных ситуаций или стараются приуменьшить последствия ситуации («ну, да случилось, но ведь могло быть и еще хуже»). Сложности в ориентации в невербальном содержании общения тесно связаны с игнорированием ситуации и протестом. Студенты могут ошибаться в понимании смысла слов собеседника и не придавать значения даже сложной ситуации или, наоборот, придавать большое значение словам, и выражать активный протест в ситуациях, не требующих активного вмешательства. Трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия связаны с такими копинг-стратегиями как «самообвинение», «агрессивность» и «активное избегание». В ситуациях взаимодействия с другими людьми респонденты плохо адаптируются, часто вступают в конфликты, так как чаще предпочитают обвинять себя или другого человека в случившемся, или отрицать проблему и уходить от любого выяснения отношений.

Результаты использования коэффициентов сопряженности Хи-квадрат Пирсона и V Крамера в группе со средним уровнем развития социального интеллекта показали, что между показателями шкал методики «Социальный интеллект» и копинг-стратегиями существует связь. В таблице 2 представлены статистически значимые связи между переменными.

В группе студентов со средним уровнем развития социального интеллекта наиболее выражены адаптивные и относительно адаптивные копинг-стратегии. Анализ связей между копинг-стратегиями и уровнем социального интеллекта показал, что для респондентов свойственно выбирать в качестве стратегий совладания: относитель-

ность («могло быть и хуже») и конструктивную активность. Таким образом, при средних способностях к пониманию связи между поведением и его последствием студенты предпочитают либо рационализировать ситуацию, либо временно переключиться на что-то другое.

Таблица 2.

**Связь социального интеллекта и копинг-стратегий в группе
со средним уровнем социального интеллекта**

Шкалы методики «Социальный интеллект»	Шкалы методики психологической диагностики копинг-механизмов	Значения коэффициентов сопряженности Хи-квадрат Пирсона и V Крамера	Уровень значимости
Субтест «История с завершением»	Относительно адаптивные поведенческие стратегии	14,640 0,432	0,001
Субтест «История с завершением»	Относительно адаптивные когнитивные стратегии	12,517 0,680	0,000
Субтест «Группа экспрессии»	Адаптивные когнитивные стратегии	14,846 0,615	0,000
Субтест «Истории с дополнением»	Неадаптивные поведенческие копинг-стратегии	23,097 0,518	0,000
Субтест «Истории с дополнением»	Адаптивные эмоциональные копинг-стратегии	14,210 0,433	0,000

Средние способности в оценке состояний, чувств, намерений людей по их невербальным проявлениям (мимике, позам, жестам) у данной группы респондентов сочетаются с адаптивными когнитивными стратегиями: проблемный анализ, сохранение самообладания.

Для данной группы студентов характерны достаточно хорошие способности в распознавании структуры межличностных ситуаций в динамике. Они способны к анализу сложных ситуаций взаимодействия людей, понимают смысл ситуации. Сталкиваясь со сложными ситуациями, респонденты верят в успех разрешения проблемы, однако, если ситуация длительное время не разрешается, предпочитают отступать, изолироваться от ситуации и ее участников.

Результаты использования коэффициентов сопряженности Хи-квадрат Пирсона и V Крамера в группе с высоким уровнем развития социального интеллекта показали, что между показателями шкал методики «Социальный интеллект» и копинг-стратегиями суще-

ствует связь. В таблице 3 представлены статистически значимые связи между переменными.

Таблица 3.

**Связь социального интеллекта и копинг-стратегий в группе
с высоким уровнем социального интеллекта**

Шкалы методики «Социальный интеллект»	Шкалы методики психологической диагностики копинг-механизмов	Значения коэффициентов сопряженности Хи-квадрат Пирсона и V Крамера	Уровень значимости
Субтест «История с завершением»	Адаптивные когнитивные копинг-стратегии	17,899 0,604	0,000
Субтест «История с завершением»	Неадаптивные эмоциональные копинг-стратегии	23,014 0,645	0,000
Субтест «Группа экспрессии»	Адаптивные поведенческие копинг-стратегий	10,890 0,567	0,001
Субтест «Истории с дополнением»	Относительно адаптивные поведенческие копинг-стратегий	13,967 0,675	0,000
Субтест «Истории с дополнением»	Адаптивные когнитивные копинг-стратегий	16,677 0,459	0,000

Студенты с высоким уровнем социального интеллекта чаще выбирают адаптивные копинг-стратегии. Высокие способности к предвидению последствий поведения, выстраиванию стратегий собственного поведения для достижения поставленной цели сочетаются со копинг-стратегиями проблемный анализ и сохранения самообладания, а также с агрессивностью. Таким образом, студенты с высоким уровнем социального интеллекта в сложных ситуациях стремятся проанализировать возникшие трудности и возможные пути выхода из них, сохраняют веру в собственные силы. Как отмечает Дж. Гилфорд, люди с высоким интеллектом могут ошибаться в прогнозировании поведения людей, если те ведут себя нетипичным образом, возможно, в этих ситуациях и проявляется неадаптивная стратегия совладания – агрессивность. Невозможность просчитать поведение другого человека порождает фрустрацию.

Высокая чувствительность к невербальной экспрессии в данной группе тесно связана с умением брать поддержку у других людей (обращение – копинг-стратегия).

Также высокая способность адекватно отражать цели, намерения, потребности участников коммуникации, предсказывать последствия их поведения сочетается с умением анализировать и искать выход из ситуации и сохранять веру в свои собственные силы. В случае невозможности найти решения прямо сейчас, респонденты используют стратегию конструктивной активности – временный отход от решения проблем, погружаясь в любимое дело, путешествия и т.д.

Заключение

Основная цель исследования состояла в выявлении связи между различными уровнями социального интеллекта и копинг-стратегиями. По результатам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Выявлена связь между различными уровнями социального интеллекта и копинг-стратегиями у студентов. Студенты, обладающие разным уровнем социального интеллекта предпочитают различные копинг-стратегии.
2. Лица с низким уровнем социального интеллекта чаще предпочитают неадаптивные копинг-стратегии такие как «активное избегание», «самообвинение», «агрессивность», «игнорирование». В ситуациях конфликтного взаимодействия с другими людьми студенты часто вступают в конфронтацию, так как чаще предпочитают обвинять себя или другого человека в случившемся, или отрицать проблему и уходить от любого выяснения отношений.
3. Лица со средним уровнем интеллекта выбирают в основном адаптивные и относительно адаптивные копинг-стратегии, такие как: «относительность» («могло быть и хуже»), «конструктивную активность», «проблемный анализ», «сохранение самообладания».
4. Студенты с высоким уровнем социального интеллекта чаще выбирают адаптивные копинг-стратегии: «проблемный анализ», «сохранения самообладания», «обращение». Вместе с тем, в ситуациях, когда невозможно или сложно просчитать

поведение другого человека проявляется неадаптивная стратегия совладания – агрессивность.

5. Результаты исследования могут быть применены в консультационной и профориентационной работе с молодежью, а также при разработке для них коррекционных и тренинговых мероприятий.

Список литературы

1. Брайт Д., Джонс Ф. Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. 352 с.
2. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010. 334 с.
3. Леонова А.Б. Стресс-резистентность и структурная организация процессов саморегуляции деятельности // Психология саморегуляции в XXI веке / Отв. ред. В.И. Моросанова. СПб.; М.: Нестор-История, 2011. С. 354–373.
4. Малахова С.И. Связь психометрического интеллекта с личностной саморегуляцией студентов: Автореф. дис. канд. психол. наук. М., 2013. 32 с.
5. Михайлова Е.С. Методика исследования социального интеллекта. Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена. СПб.: Иматон, 1996. 51 с.
6. Набиуллина Р.Р., Тухтарова И.В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция). Казань, 2003. С. 23–29.
7. Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. Самара: Бахрах-М, 2001. 672 с.
8. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. Том 10, № 1. С. 82–118.
9. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 474 с.

10. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям: сб. ст. / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: ИП, 2009. 350 с.
11. Brown S.P., Westbrook R.A., Challagalla G. Good cope, bad cope: Adaptive and maladaptive coping strategies following a critical negative work event // *Journal of Applied Psychology*. 2005. vol. 90, pp. 982–798. doi:10.1037/0021-9010.90.4.792
12. Carver C.S., Scheier M.F. On the structure of behavioral self-regulation // M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (eds). *Handbook of self-regulation*. San Diego: Academic Press, 2000, pp. 42–80.
13. Cooley E., Toray T. Coping in women college students: the influence of experience // *Journal of College Student Development*, vol. 39, pp. 291–295. doi.org/10.1080/07448480109596308
14. Connor-Smith J.K., Flachsbart C. Relations between personality and coping: a meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. vol. 93, pp. 1080–1107. doi:10.1037/0022-3514.93.6.1080
15. Folkman S., Lazarus R.S. The relationship between coping and emotion: Implications for theory and research // *Social Science & Medicine*. vol. 26, 1988, pp. 309–317. doi.org/10.1016/0277-9536(88)90395-4
16. Haan N. The adolescent antecedents of an ego model of coping and defense and comparisons with Q-sorted ideal personalities // *Genet. Psychol. Monogr.* 1974. Vol. 89, pp. 274–306.
17. Lazarus R., Folkman S. *Stress, appraisal and coping*. N.Y.: Springer, 1984. 456 p.
18. Lievens F.R., Chan D. Practical Intelligence, Emotional Intelligence, and Social Intelligence. In *Handbook of Employee Selection*. New York: Routledge, 2017, pp. 342–364.
19. Rosenberg M., Schooler C., Schoenbach C. Self-esteem and adolescent problems: Modeling reciprocal effects. *Am. Sociol. Rev.*, 1989. vol. 54, pp. 1004–1018. doi.org/10.2307/2095720
20. Seal C.R., Boyatzis R.E., Bailey J.R. Fostering Emotional and Social Intelligence in Organizations // *Journal Organization Management Journal*. vol. 3, 2006. pp. 190-209. doi:10.1057/omj.2006.19
21. Spencer L. & Spencer S. *Competence at Work: Model for Superior Performance*. John Wiley & Sons, New York, 1993. 384 p.

22. Voltmer E. R., Kieschke U., Schwappach D. L., Wirsching M., and Spahn C. Psychosocial health risk factors and resources of medical students and physicians: a cross-sectional study // *BMC Medical Education*, vol. 8, 2008, pp. 1–9. doi: 10.1186/1472-6920-8-46

References

1. Brajt D., Dzhons F. *Stress. Teorii, Issledovaniya, Mify* [Theories, research, myths]. Spb.: Prajm-Evroznak, 2003. 352 p.
2. Kornilova T.V., Chumakova M.A., Kornilov S.A., Novikova M.A. *Psixologiya Neopredelennosti: Edinstvo Intellektualno-Lichnostnogo Potenciala Cheloveka* [Psychology of uncertainty: the unity of the human intellectual and personal potential]. M.: Smysl, 2010. 334 p.
3. Leonova A.B. *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI veke* [Psychology of self-regulation in the 21st century] / Ed. V.I. Morosanova. Spb.; M.: Nestor-Istoriya, 2011, pp. 354–373.
4. Malakhova S.I. *Svyaz' psikhometricheskogo intellekta s lichnostnoy samoregulyatsiey studentov* [The Relationship of Psychometric Intelligence with the Personal Self-Regulation of Students]. M., 2013. 32 p.
5. Mikhaylova E.S. *Metodika issledovaniya sotsial'nogo intellekta. Adaptatsiya testa Dzh. Gilforda i M. Sallivena* [Technique for the Study of Social Intelligence. Adaptation of the test by J. Guilford and M. Sullivan]. Spb.: Imaton, 1996. 51 p.
6. Nabiullina R.R., Tukhtarova I.V. *Mekhanizmy psikhologicheskoy zashchity i sovladaniya so stressom (opredelenie, struktura, funktsii, vidy, psikhoterapevticheskaya korrektsiya)* [Mechanisms of psychological defense and coping with stress (definition, structure, functions, types, psychotherapeutic correction)]. Kazan, 2003, pp. 23–29.
7. Nikol'skaya I.M., Granovskaya R.M. *Psikhologicheskaya zashchita u detey* [Psychological protection in children]. Samara: Baxrax-M, 2001. 672 p.
8. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. *Psikhologiya. Zhurnal VShE*. 2013. Vol. 10, № 1, pp. 82–118.
9. *Sovladayushchee povedenie: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy* [Coping Behavior: Current State and Prospects] / Ed. A.L. Zhuravlev, T.L. Kryukova, E.A. Sergienko. M.: Izd-Vo «Institut Psixologii Ran», 2008. 474 p.

10. *Sotsial'nyy i emotsional'nyy intellekt. Ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence. From processes to measurements]: Sb. St. / Ed. D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. M.: Ip, 2009. 350 p.
11. Brown S.P., Westbrook R.A., Challagalla G. Good cope, bad cope: Adaptive and maladaptive coping strategies following a critical negative work event. *Journal of Applied Psychology*. 2005. vol. 90, pp. 982–798. doi:10.1037/0021-9010.90.4.792
12. Carver C.S., Scheier M.F. *On the structure of behavioral self-regulation* / M. Boekaerts, P.R. Pintrich, M. Zeidner (eds). Handbook of self-regulation. San Diego: Academic Press, 2000, pp. 42–80.
13. Cooley E., Toray T. Coping in women college students: the influence of experience. *Journal of College Student Development*, vol. 39, pp. 291–295. Doi.org/10.1080/07448480109596308
14. Connor-Smith J.K., Flachsbart C. Relations between personality and coping: a meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. vol. 93. pp. 1080–1107. doi:10.1037/0022-3514.93.6.1080
15. Folkman S., Lazarus R.S. The relationship between coping and emotion: Implications for theory and research. *Social Science & Medicine*. vol. 26, 1988, pp. 309–317. doi.org/10.1016/0277-9536(88)90395-4
16. Haan N. The adolescent antecedents of an ego model of coping and defense and comparisons with Q-sorted ideal personalities. *Genet. Psychol. Monogr.* 1974. Vol. 89, pp. 274–306.
17. Lazarus R., Folkman S. *Stress, appraisal and coping*. N.Y.: Springer, 1984. 456 p.
18. Lievens F.R., Chan D. *Practical Intelligence, Emotional Intelligence, and Social Intelligence*. In Handbook of Employee Selection. New York: Routledge, 2017, pp. 342–364.
19. Rosenberg M., Schooler C., Schoenbach C. Self-esteem and adolescent problems: *Modeling reciprocal effects*. *Am. Sociol. Rev.*, 1989. vol. 54, pp. 1004–1018. doi.org/10.2307/2095720
20. Seal C.R., Boyatzis R.E., Bailey J.R. Fostering Emotional and Social Intelligence in Organizations. *Journal Organization Management Journal*. vol. 3, 2006, pp. 190–209. doi:10.1057/omj.2006.19
21. Spencer L., Spencer S. *Competence at Work: Model for Superior Performance*. John Wiley & Sons, New York, 1993. 384 p.

22. Voltmer E.R., Kieschke U., Schwappach D.L., Wirsching M., and Spahn C. Psychosocial health risk factors and resources of medical students and physicians: a cross-sectional study. *BMC Medical Education*, vol. 8, 2008, pp. 1–9. doi: 10.1186/1472-6920-8-46

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Сморкалова Татьяна Леонидовна, доцент кафедры общей и прикладной психологии, кандидат психологических наук
АНО ВО «Гуманитарный университет»
ул. Железнодорожников, 3, г. Екатеринбург, Свердловская область, 620041, Российская Федерация
smtanya@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Smorkalova Tatiana Leonidovna, Associate Professor at the Chair
General and Applied Psychology, Ph.D. in Psychology
Liberal Arts University
3, Zheleznodorozhnikov St., Ekaterinburg, Sverdlovskaya oblast,
620041, Russian Federation
smtanya@mail.ru
SPIN-code: 2661-7482
ORCID: 0000-0003-1746-4621

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-196-206

УДК 159.964:159.923

СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА В ТРУДАХ КАРЕН ХОРНИ

Тузова О.Н., Дресвянина Н.В.

Цель. Данная статья посвящена теоретическому обзору трудов Карен Хорни. В работе рассматривается проблема внутриличностного конфликта с позиций социокультурной концепции. В предложенной статье раскрывается специфика возникновения, протекания и разрешения внутренних противоречий личности, которая была выявлена К. Хорни.

Метод или методология проведения работы. Главными методами предложенной работы является теоретический анализ, синтез и обобщение основных положений теории личности К. Хорни.

Результаты. В качестве результатов теоретического анализа выступают выводы о факторах и механизмах возникновения внутренних конфликтов личности.

Область применения результатов. Обращение к трудам Карен Хорни позволяет сформировать теоретические основы дальнейшего эмпирического исследования проблемы внутриличностного конфликта личности в современном контексте.

Ключевые слова: конфликт; личность; социальная среда; культура; невроз; внутренний конфликт; базисный конфликт; К. Хорни.

THE SOCIAL DETERMINANTS OF INTRAPERSONAL CONFLICT IN WORKS KAREN HORNEY

Tuzova O.N., Dresvyanina N.V.

Purpose. This article is devoted to the theoretical review of works of Karen Horney. The paper considers the problem of intrapersonal con-

fluct from the position of author's socio-cultural concept. The proposed article discloses the specifics of the emergence, course and resolution of internal contradictions of personality, which was identified by K. Horney.

Methodology. *The main methods of the proposed work is the theoretical analysis, synthesis and generalization of the basic theses of the theory of personality of K. Horney.*

Results. *The results of the theoretical analysis are the conclusions about the factors and mechanisms of occurrence of internal conflicts of the personality.*

Practical implications. *Appeal to the works of Karen Horney allows to form the theoretical basis for further empirical study of the problem of intrapersonal conflict of the personality in a modern context.*

Keywords: *conflict; personality; social environment; culture; neurosis; internal conflict; basic conflict; K. Horney.*

Выбор темы данного теоретического исследования обусловлен необходимостью в переосмыслении, обобщении трудов классиков психологии, к которым, бесспорно, относится К. Хорни. Следует отметить, что интерес к проблемам внутриличностного конфликта вызван не только потребностью научного изучения вопроса, но и практикой психологического консультирования. В настоящий момент, как отмечает А.С. Валева, стимулов для возникновения внутриличностных конфликтов в повседневном обиходе в условиях кризиса и дестабилизации экономики и политики более чем достаточно [1, с.137]. Это ведет к росту обращений за психологической помощью. Несмотря на то, что К. Хорни жила и работала более 60 лет назад, ее идеи звучат свежо и актуально. Профессиональный опыт К. Хорни становится важным звеном в решении современных психологических задач.

В этой связи объектом нашего исследования являются внутриличностные конфликты как психологический феномен, а предметом выступает проблема внутриличностного конфликта в трудах Карен Хорни. Целью исследования является раскрытие и обоснование проблемы внутриличностного конфликта с позиции социокультур-

ной концепции К. Хорни. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. показать влияние личного опыта К. Хорни на формирование ее научных интересов;
2. дать анализ внутриличностному конфликту как психологическому феномену с позиций социокультурной концепции К. Хорни.

Главными источниками научного вдохновения явились работы К. Хорни. Первая книга Карен Хорни «Невротическая личность нашего времени» была опубликована в 1937, что не мешает ей сохранять свою значимость. Опыт Карен Хорни как личный, так и научно-практический позволил ей понять и описать суть происходящих внутриличностных конфликтов.

Ее личная биография, из которой известно, что воспитывали ее очень разные по убеждениям отец и мать, свидетельствует о том, что внутренний конфликт возникает еще в детстве и первоисточником выступает семья и семейные отношения [2, 5, 6, 16]. В детстве и отрочестве Карен мучили сомнения в собственных достоинствах как внешних, так и внутренних. Ее личный конфликт между привлекательностью и умом, по словам самой К. Хорни, был решен в пользу ума [11, с. 254]. Но скорее всего, это было не просто решение как некий результат, а механизм, движущая сила развития ее личности. Благодаря этому внутреннему конфликту она стала первой женщиной в Германии, получившей разрешение заниматься медициной [5, с. 400].

Этот внутренний конфликт перерос в конфликт выбора между семейной жизнью и научной карьерой. Выйдя замуж и став матерью трех дочерей, она страдала от тяжелых приступов депрессии. И только после развода с мужем, она начала делать успешную карьеру.

Личный опыт К. Хорни подтверждает, что неразрешенный внутриличностный конфликт может очень серьезно сказаться, в первую очередь, на психическом здоровье человека. Можно предположить, что психоэмоциональное состояние, которое переживала К. Хорни, так же является основанием ее интереса к изучению неврозов. В

работе «Невротическая личность нашего времени» она подчеркивает влияние социокультурного фактора на понимание проблемы невроза. К. Хорни отмечает, что при определении невроза не всегда можно использовать, такие симптомы как фобии, депрессии, функциональные соматические расстройства в качестве критерия. Однако в качестве общего признака всегда присутствуют некоторые виды внутренних запретов, пишет автор [8, с. 13].

Так же существенно важным признаком невроза К. Хорни считает наличие конфликта противоположных тенденций, который не осознается личностью. Эти внутриличностные разнонаправленные конфликты невротическая личность пытается разрешить с помощью компромиссных решений, что как мы понимаем, не приводит к удовлетворенности, следовательно, конфликт не находит своего завершения. Как отмечает автор, одним из центральных конфликтов при неврозах является ситуация, когда человек зажат между честолюбием и любовью. Невротик боится своих честолюбивых желаний, потому что боится потерять любовь и, таким образом, сдерживает свое соперничество.

В работе «Новые пути в психоанализе» К. Хорни продолжает развивать идею о роли культурных условий в порождении невротических конфликтов личности. Она поднимает важные вопросы, которые актуальны в настоящее время и требуют своего рассмотрения: «Каким образом и в какой степени внутриличностная враждебность порождается в данной культуре? Сколь велика личная небезопасность индивида и какие факторы способствуют утраты им ощущения безопасности?» и т.д. [8, с. 135]. Карен Хорни настаивает, что «именно культура задает представление о том, что вообще составляет психическое здоровье» [8, с. 137]. Важно в ходе психотерапии или психоконсультировании работать не только с симптомами, как это обычно принято в медицинском подходе, но и разбираться с причинами «нездоровья».

В 1942 году вышла в свет новая работа К. Хорни «Самоанализ», в которой были описаны стадии разрешения внутриличностных конфликтов. На первой ступени необходимо раскрыть невротические

наклонности, то есть выявить источники и механизмы, обуславливающие нарушения в личности. На второй ступени необходимо усилить готовность человека к преодолению конфликтных тенденций. Третья ступень ведет к осознанию наиболее глубоких конфликтов. К. Хорни подчеркивает, что очень важно понять целостную структуру конфликтов. Практическая ценность психологического знания конфликтов состоит в том, что они освобождают человека от челночного колебания взад-вперед между разными позициями [7, с. 215–220].

К исследованию проблемы внутриличностных конфликтов Карен Хорни детально обращается в своей научной работе «Наши внутриличностные конфликты. Конструктивная теория невроза». В этой книге К. Хорни выделяет два вида интроспективных конфликтов: внутренний и базисный конфликты. Стоит отметить, что наличие внутриличностных конфликтов весьма распространенный феномен; наличие такого конфликта считается нормой при том условии, что человек стремится к его разрешению. С позиции Карен Хорни, внутренний конфликт – это необходимость фактического выбора между двумя возможностями, обе из которых его субъект находит одинаково желанными, или между убеждениями, каждым из которых он в действительности дорожит [9, с. 19]. Наличие такого рода противоречий внутри личности человека не считается патологией, более того, достоверно известно, что возникновение такого конфликта неизбежно ввиду постоянных изменений окружающей нас социальной среды.

Как известно, Карен Хорни в своей теории обозначила существование еще одного вида внутреннего конфликта – базисный конфликт. «Невротический внутренний конфликт (базисный) – это необходимость выбора между двумя принудительными силами, действующими в противоположных направлениях, ни одной из которых субъект на самом деле не хочет следовать.» [9, с. 19]. Из этого определения становится понятно, что разрешение такого внутреннего конфликта становится практически невозможным, тем более что невротический внутренний конфликт всегда является неосознанным(бессознательным). Если указать невротической

личности на явные противоречия в его суждениях, он будет их(это) отрицать, потому что базисный конфликт порождается глубоко вытесненными влечениями, которые можно обнаружить при преодолении значительного сопротивления невротика.

В таблице 1 отражены основные концепты К. Хорни по проблеме исследования внутриличностных конфликтов.

Таблица 1.

Основные положения о внутреннем конфликте личности в работах К. Хорни

Название работы	Год публикации	О внутреннем конфликте личности
Невротическая личность нашего времени	1937 г.	Противоборство между внутренними потребностями и запретами порождает конфликт. Отсутствие осознания конфликта противоположных тенденций есть важный признак невроза. Внутриличностный конфликт есть следствие нарушенных детско-родительских отношений. У невротичной личности внутренние конфликты более остро выражены [8]
Новые пути в психоанализе	1939 г.	Внутренний конфликт есть путь к пониманию неврозов. Невроз является результатом внутренних конфликтов. Социокультурный контекст определяет формирование внутриличностных конфликтов [8]
Самоанализ	1942 г.	Предложен алгоритм работы с невротическими наклонностями личности через понимание и осознание внутреннего конфликта [7]
Наши внутренние конфликты	1945 г.	Не только невротики имеют конфликты. Внутренние конфликты составляют неотъемлемую часть всей человеческой жизни. Значительная часть людей не осознает их и, следовательно, не участвует в их осознанном разрешении. Чем больше мы участвуем в своих конфликтах и ищем собственные решения, тем большей внутренней свободой и силой мы обладаем. Фундаментальное различие между нормальными и невротическими конфликтами определяется тем, что несоответствие конфликтующих влечений для нормального человека намного менее значимо, чем для невротика [9]

Окончание табл. 1.

Невроз и личностный рост	1950 г.	Невроз является нарушением отношения к себе и другим людям. Концепция невротического конфликта расширилась – определяется такой тип конфликта, как центральный внутренний конфликт (конфликт между двумя несовместимыми компульсивными влечениями). Центральный внутренний конфликт – это конфликт между конструктивными силами подлинного «Я» и обструктивными силами гордыни, между здоровым ростом и влечением воплотить в жизнь совершенства идеального «Я».[10]
--------------------------	---------	--

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:
Внутриличностный конфликт с позиций социокультурной концепции – это противоборство разнонаправленных тенденций. Детерминантами внутренних конфликтов личности выступает социокультурная среда: семья и общество в целом. Истоки внутреннего конфликта кроются в ранних отношениях ребенка с родителями (или другими значимыми взрослыми). Невроз является следствием внутриличностного конфликта.

Идеи Карен Хорни живут и реализуются по сей день, в частности, в клинике, которая было создана в 1955 году в ее честь. Клиника Карен Хорни стала тренировочной площадкой для кандидатов Американского института психоанализа. В клинике в настоящее время разработаны программы для детей и подростков, для лиц со стрессовыми расстройствами, а также для взрослых по психотерапии и психоанализу [12]. Помимо этого разработки К. Хорни широко используют для лечения, например, пациентов с однополярной депрессией [15].

Вызывает интерес то, что теоретические положения К. Хорни так же применяют для анализа персонажей из художественных произведений, например, рассказов иранского психолога и автора Асгара Элахи [13].

Обращение к трудам К. Хорни, как показывает анализ последних отечественных публикаций, связано с рассмотрением таких категорий как «психологическая проблема» [4], психические состояния [3].

Таким образом, анализ трудов К. Хорни позволяет увидеть и оценить значимость социокультурной среды в формировании вну-

триличностного конфликта, который в свою очередь, в зависимости от контекста будет признаваться либо нормой, либо патологией.

Список литературы

1. Валеева А.С. Внутриличностный конфликт как социальное явление // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 135–138.
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
3. Гуров А.В. Внутриличностный конфликт и сопровождающие его психические состояния // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2017. № 2. С. 56–61.
4. Соколова Э.А. Представленность психологических проблем в характерологическом анализе Карен Хорни // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 193–198.
5. Сто великих психологов / Авт.-сост. Яровицкий В. М.: Вече, 2007. С. 400–404.
6. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Гуманистический психоанализ: К. Хорни, Э. Эриксон, Э. Фромм / Роберт Фрейджер, Джон Фейдимен; [пер. Ордановская Л.]. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 156 с.
7. Хорни К. Психология женщины. Самоанализ. СПб.: Питер, 2013. 320 с.
8. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Новые пути в психоанализе. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
9. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический проект, 2007. 198 с.
10. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа и БСК, 1997. 316 с.
11. Хьел Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 254–263.
12. Henry A. Paul The Karen Horney clinic and the legacy of Horney The American Journal of Psychoanalysis, 2010, 70, (63–64)
13. Psychological criticism of Digar Siyavoshi Namandeh (“There is no Siyavosh still alive”) based on Karen Horney’s theory (2014) Research in Contemporary World Literature/ Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji, 18 (2), pp. 23–42.

14. Satova, Abai The concept of personality in foreign psychological science (2013) *World Applied Sciences Journal*, 27 (13 A), pp. 320–324.
15. Stangier, Ulrich & Ukrow, Uwe & Schermelleh-Engel, Karin & Grabe, Martin & Lauterbach, Wolf. (2007). Intrapersonal Conflict in Goals and Values of Patients with Unipolar Depression. *Psychotherapy and psychosomatics*. 76. 162–70.
16. Wendy B. Smith Karen Horney and Psychotherapy in the 21st Century (2007) *Clinical Social Work Journal*, 35 (1), pp. 57–66.

References

1. Valeeva A.S. Vnutrichnostnyy konflikt kak sotsial'noe yavlenie [Intra-personal conflict as a social phenomenon]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University]. 2007. V. 12. No. 4, pp. 135–138.
2. Grishina N.V. *Psikhologiya konflikta* [The psychology of conflict]. SPb.: Peter, 2008. 544 p.
3. Gurov A.V. Vnutrichnostnyy konflikt i soprovozhdayushchie ego psikhicheskie sostoyaniya [Intra-personal conflict and accompanying mental states]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology]. 2017. No. 2, pp. 56–61.
4. Sokolova E.A. Predstavlenost' psikhologicheskikh problem v kharakterologicheskom analize Karen Khorni [Representation of psychological problems in the characterological analysis of Karen Horney]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2016. No. 4, pp. 193–198.
5. Yarovitsky V. M. *Sto velikikh psikhologov* [One hundred great psychologists]. Veche, 2007, pp. 400–404.
6. Freydzher R., Feydimen D. *Gumanisticheskiy psikhoanaliz: K. Khorni, E. Erikson, E. Fromm* [Humanistic Psychoanalysis: C. Horney, E. Erickson, E. Fromm]; [trans. Ordanovskaya L.]. St. Petersburg: Prime-Euroznak, 2007. 156 p.
7. Horney K. *Psikhologiya zhenshchiny. Samoanaliz* [Psychology of women. Self-analysis]. SPb.: Peter, 2013. 320 p.

8. Horney K. *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Noveye puti v psikhoanalize* [The neurotic personality of our time. New ways in psychoanalysis]. SPb.: Peter, 2013. 304 p.
9. Horney K. *Nashi vnutrennie konflikty. Konstruktivnaya teoriya nevroza* [Our internal conflicts. Constructive theory of neurosis]. M.: Academic Project, 2007. 198 p.
10. Horney K. *Nevroz i lichnostnyy rost. Bor'ba za samorealizatsiyu* [Neurosis and Human Growth: The Struggle Toward Self-Realization]. SPb.: East European Institute of Psychoanalysis and BSK, 1997. 316 p.
11. Kjel L., Zigler D. Theories of personality. St. Petersburg: Piter Publishing House, 2000, pp. 254–263.
12. *The American Journal of Psychoanalysis*, 2010, 70, (63–64).
13. Psychological criticism of Digar Siyavoshi Namandeh (“There is no Siyavosh still alive”) based on Karen Horney, 2014 (18), pp. 23–42.
14. Satova, Abai (2013) The concept of personality in foreign psychological science. *World Applied Sciences Journal*, 27 (13 A), pp. 320–324.
15. Stangier, Ulrich & Ukrow, Uwe & Schermelleh-Engel, Karin & Grabe, Martin & Lauterbach, Wolf. (2007). Intrapersonal Conflict in Universities and Patients with Unipolar Depression. *Psychotherapy and psychosomatics*. 76. 162–70.
16. Wendy B. Smith (2007) Karen Horney and Psychotherapy in the 21st Century. *Clinical Social Work Journal*, 35 (1), pp. 57–66.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Тузова Ольга Николаевна, доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук
*Мурманский арктический государственный университет
ул. Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область, 183025,
Российская Федерация
olg.tuzova@yandex.ru*

Дресвянина Ника Владимировна, бакалавр 3 курса направления подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование, профиль «Психология образования»

*Мурманский арктический государственный университет
ул. Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область, 183025,
Российская Федерация
dresvianinanika@icloud.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tuzova Olga Nikolaevna, Associate Professor of Psychology, Candidate of Psychological Sciences
*Murmansk Arctic State University
15, Egorova Str., Murmansk, Murmansk Region, 183025, Russian Federation
olg.tuzova@yandex.ru
SPIN-code: 4718-2498
ORCID: 0000-0003-1906-8702*

Dresvyanina Nika Vladimirovna, 3^d year bachelor, 44.03.02 Psychology of Education department
*Murmansk Arctic State University
15, Egorova Str., Murmansk, Murmansk Region, 183025, Russian Federation
dresvianinanika@icloud.com*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

DOI: 10.12731/2218-7405-2018-12-207-228

УДК 316.6, 37.01

РОЛЬ ЖЕЛАНИЙ И ОЖИДАНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Песина Е.А.

***Цель.** Статья посвящена проблеме исследования социальной активности людей пожилого возраста. В основание работы легла гипотеза А.В. Нечаева относительно того, что желания и ожидания человека могут рассматриваться как индикаторы его социальной активности.*

***Метод.** Для проверки гипотезы проведено анкетирование, в котором приняло участие 94 человек (6 мужчин и 88 женщин) в возрасте от 57 до 82 лет. Исследование было проведено на базе образовательного проекта «Университет пожилых 2.0» (№ 17-2-005755), реализованного «Ассоциацией выпускников Самарского (Куйбышевского) государственного университета» при поддержке Фонда президентских грантов в 2018 г. В качестве метода исследования был выбран контент-анализ. Полученные данные были разбиты на категории, и проанализировано их соотношение.*

***Результаты.** Результаты анализа позволили сделать следующие выводы: 1) социальная активность участников анкетирования крайне мала, о чем говорит почти полное отсутствие ожиданий; 2) место ожиданий полностью занимают желания, то есть только*

направленность к деятельности; 3) среди желаний, актуальных для всех трех возрастных групп, выявлены: обучение, коммуникация, место в семье/обществе, сохранение физического и психологического здоровья.

Область применения результатов. Полученные материалы могут послужить основанием для разработки альтернативного метода изучения социальной активности у пожилых людей.

Ключевые слова: индикаторы социальной активности пожилых; ожидания и желания пожилых; бытие пожилого человека.

THE ROLE OF DESIRES AND EXPECTATIONS IN SOCIAL ACTIVITY OF ELDERLY PEOPLE (RESULTS OF THE IMPIRICAL STUDY)

Pesina E.A.

Purpose. *The article dwells on the issue of social activity of elderly people. The hypothesis of A.V. Nechaev that a person's desires and expectations may be considered indicators of his\her activity has been made the theoretical basis of this study.*

Methodology of work. *A questionnaire has been conducted among 94 elderly people (6 men and 88 women) aged 57–82 to test the hypothesis. The survey has been conducted on the basis of the educational project “University of elderly people 2.0” (No. 17-2-005755), implemented by the Association of Samara (Kuybyshev) State University Alumni” with the support of the Foundation of Presidential Grants in 2018. The content analysis has been chosen as the research method. The data obtained from the questionnaire have been broken down into categories; correlation between these categories was later analyzed.*

Results. *The results of the analysis have given the opportunity to draw the following conclusions: 1) social activity of the participants is extremely low, as it is proven by almost complete absence of their expectations; 2) instead of expectations elderly people have desires, which show that they are only thinking about moving towards an activity, but*

do not pursue that desire yet; 3) among the desires that are relevant for all three age groups of the elderly are: education, communication, place in the family / society, preservation of physical and psychological health.

Sphere of implementation of the results. *The received data can be used as a basis for the new approach of the study on social activity of elderly people of different age groups.*

Keywords: *indicators of social activity of elderly people; desires and expectations of the elderly; being an elderly person.*

Введение

Проблема социальной активности человека исследуется в науке на протяжении длительного времени. Среди подходов к пониманию социальной активности наиболее широко представленным является деятельный подход. Он начал свое развитие в XX веке за рубежом благодаря Дж. Дьюи («школа активности») [8], а в отечественной науке разрабатывался В. Г. Мордковичем [9]. В основании этого подхода лежит идея о формировании социальной активности у человека через различные виды деятельности. Мордковичем и его коллегами разработана методология по развитию социальной активности студентов.

Исследование данной проблемы в геронтологическом ключе представлены в работах Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Анцыферовой, М.Д. Александровой, В.Д. Шапиро, А.В. Дмитриева. Благодаря трудам Ананьева и Абульхановой-Славской заложены основы комплексного подхода к исследованию старения [1, 3]. Значительные шаги сделаны Анцыферовой в дифференциации типов старения по уровню активности [4]; потребности и ценностные ориентиры пожилых людей исследованы благодаря работам Шапиро [18]; формы досуга в пенсионном возрасте определены в трудах Дмитриева [7]. Среди современных исследований следует отметить работу Н. П. Шукиной, посвященную проблемам организации взаимопомощи среди пожилых людей и особенностям ее институционализации [19].

Несмотря на обозначенные успехи в исследовании различных аспектов старения, мало разработанной остается проблема выяв-

ления индикаторов социальной активности пожилых людей. Во-первых, это связано с тем, что во всех представленных подходах отсутствует четко разработанный понятийный аппарат: в каждом из них граница между понятиями деятельность/социальная деятельность (как особый вид человеческой деятельности) и социальная активность крайне размыты – эти понятия часто взаимозаменяются. Во-вторых, существует необходимость в выявлении новых индикаторов социальной активности, применимых для диагностики пожилых людей. Результат, как объективная мера любого вида человеческой деятельности, не является универсальным индикатором социальной активности. Этот индикатор не срабатывает, когда необходимо определить наличие деятельности в процессе ее осуществления. Имеются в виду комплексные социальные процессы, с которыми вынуждены справляться большинство людей пожилого возраста: ресоциализация, поиск новых видов деятельности, освоение новых социальных функций, поиск новой самоидентификации. Все это длительные процессы, результат которых можно ждать годами. При этом нельзя отрицать, что человек в этот момент пассивен - его усилия направлены, в данном случае, на изменение себя, и поэтому могут быть неочевидны постороннему взгляду.

Желания и ожидания

как индикаторы социальной активности человека

Основания для развития нового подхода к исследованию социальной деятельности и социальной активности человека представлены в работах А.В. Нечаева. В статье «О деятельности на самом деле» Нечаев определяет особенности социальной деятельности человека и ее отличия от деятельности вообще [12].

Социальная деятельность представляет собой «процесс избирательного изменения социальном субъектом самого себя через целенаправленное преобразование окружающего мира» [12, с. 18]. Он подчеркивает, что социальная деятельность человека имеет две основообразующие характеристики: отложенность и опосредованность. В рамках данного исследования наибольший интерес пред-

ставляет первый признак, на нем и будет сфокусировано внимание в этой статье.

Отложенным называется действие имеющую особую длительность. Это «длящееся целенаправленное действие» [6, 74], которое требует времени для достижения результата. В действительности всякая производящая деятельность имеет отложенный во времени результат, причем не важно, идет ли речь о приготовлении пирога или воспитании ребенка – в обоих случаях результат нельзя получить мгновенно. Человек прикладывает усилия, чтобы сделать желаемый результат возможным: он замешивает тесто, готовит начинку, делает форму и т.д. – то есть осуществляет серию отложенных действий. В случае с воспитанием ребенка цепочка будет еще длиннее, но всегда наступает момент, когда все действия сделаны, и остается ждать результата. Как раз это состояние, которое на первый взгляд кажется бездействием, скрывает за собой активную производительную деятельность, которая все еще длится (!), но уже отдельно от непосредственного контроля человека. Деятельность обнаружит себя в результате, но он только подтвердит ее существование постфактум. Поэтому результат – это формальная граница, объективное подтверждение процесса, который уже свершился.

Возвращаясь к проблемам, с которыми сталкиваются пожилые люди – ресоциализация, поиск новых видов деятельности, освоение новых социальных функций, поиск новой самоидентификации и пр. – необходимо отметить, что это комплексные проблемы, которые подразумевает не только длительной серии отложенных действий со стороны самого пожилого человека, но и помощи других в их преодолении (на пример, со стороны соцработником, родных, друзей). Чтобы помочь им в этом процессе необходимо определить другие индикаторы наличия деятельности (помимо результата). Для этой цели нами были выделены два индикатора: ожидания и желания. Ожидания, как видно из предыдущего рассуждения, показывают, что человек совершил или совершает действия для реализации поставленной цели. Это означает, что он уже начал движение к результату, и ему необходима помощь в его успешном завершении.

Однако далеко не всем пожилым людям удается дойти до этапа целенаправленной социальной деятельности. Сравнительный анализ исследований зарубежных коллег (A.L. Horgas [22], R.A. Evanelista [21], H. Burroughs [20], M.A. B. Merighi и D.M. de Oliver [24].) показал, что ожидания пожилых людей (как резидентов домов престарелых, так и пенсионеров, проживающих с семьей) часто носят крайне ограниченный характер. У резидентов домов престарелых это по большей части негативные ожидания: ожидание одиночества, жизни с болью и хроническими болезнями, удовлетворения от жизни в доме престарелых [21, с. 83]. Ожидания пожилых, живущих с близкими людьми, более позитивные: ожидание сохранения здоровья, интересного досуга, улучшения медицинского обслуживания и пр. [24, с. 408]. Между тем, как в первом, так и во втором случае, ожидания ограничены поддержанием физического состояния и организацией досуга. Социальной деятельности здесь нет. Чтобы определить есть ли у пожилых людей направленность к социальной деятельности мы предлагаем использовать категорию желаний как индикатора этапа, предшествующего непосредственной деятельности.

Подробнее о теоретическом исследовании ожиданий, желаний и социальной деятельности человека в рамках обозначенного подхода можно ознакомиться в работах сотрудников Института изучения общественных явлений: А.А. Гудзовской [5, 6, 16], М.В. Наяновой [10], А.В. Нечаева [10, 11, 12], Е.А. Песиной [14], А.А. Проскуриной [15].

Подготовка исследования

Исследование проводилось в рамках образовательного проекта «Университет пожилых», который существует в Самаре с 2005 года и реализуется Ассоциацией выпускников Самарского (Куйбышевского) государственного университета.

В феврале 2018 года был объявлен новый набор слушателей для обучения в Университете пожилых. Объявление о наборе было размещено в местном периодическом издании «Социальная газета», на сайте Университет пожилых (ur.drugoy.org), а также в социальных

сетях. Единственным условием было ограничение по возрасту: от 55 лет и старше. Заявку на участие подало 200 пенсионеров. Из них на первое организационное собрание пришло 106 человек. После вводной лекции потенциальным студентам Университета пожилых было предложено заполнить анкету. Принять участие в анкетировании согласилось 94 человека (6 мужчин и 88 женщин) в возрасте от 57 до 82 лет.

Метод исследования

Анкета была разработана организаторами проекта для оценки социально-психологических характеристик потенциальных студентов Университета пожилых. Анкета состояла из 12 пунктов на четырех страницах формата А4.

Для настоящего исследования мы используем данные только по одному разделу анкеты, непосредственно посвященному желаниям и ожиданиям пожилых: 1) в 2–3 предложениях опишите, зачем Вы хотите стать участником Университета пожилых; 2) Пожалуйста, предложите три варианта продолжения для каждой из фраз ниже: а) *Как и большинство моих сверстников, я жду...* б) ***В отличие от** большинства моих сверстников я жду ...* в) *Как и большинство моих сверстников, я хочу...* г) ***В отличие от** большинства моих сверстников я хочу ...* По смысловой направленности второй пункт можно разделить на две категории: относительно желаний и ожиданий субъекта. Поэтому далее в статье будет использоваться деление на 3 пункта.

Этапы анализа

В качестве метода работы с полученными данными был выбран контент-анализ. Обработка результатов проходила в несколько этапов:

- 1) определение единицы текста: понятия, характеризующие желания и ожидания пожилых;
- 2) выделение основных категорий:
  - обучение;
  - доступ/получение информации;

- коммуникация (с родными, друзьями, пожилыми, др. поколениями);
- развлечения (театры, кино, кафе, путешествия);
- сохранение и поддержание физического и психического здоровья;
- место в семье и обществе (социализация);
- улучшение ситуации в городе/стране/мире;
- дотации;
- уважение и забота о старости;

3) разделение данных по возрастному признаку на три группы: а) 1936–1945 (26 человек), б) 1946–1955 (53 человека), в) 1956–1961 (15 человек).

4) формирование таблицы полученных результатов и диаграмм на ее основе.

5) анализ полученных результатов.

Таблица 1.

Количество использованных слов в ответах

	Общее количество слов во всех трех пунктах	Среднее количество слов, использованное одним субъектом		
		Цель	Ожидания	Желания
1936-1945 (26 человек)	633	7,4	7,2	9,6
1946 – 1955 (53 человека)	1374	6,9	9,1	9,8
1956 – 1961 (15 человек)	503	8,2	15,9	9,4

Результаты

Из 94 человек, принявших участие в анкетировании, только 4 человека не заполнили ни одного из трех пунктов. Результаты по количеству использованных слов в Таблице 1 (Общее количество слов в ответах).

Наибольшее количество слов было использовано во 2 группе (1374 слова). Это связано с тем, что вторая группа оказалась наиболее многочисленной. Однако, по количеству слов, в среднем ис-

пользованных каждым участником анкетирования лидирует 3 группа (1956–1961 г. рождения). Стоит отметить, что именно в последней группе в описании своих целей, желаний и ожиданий, участники чаще всего используют законченные предложения. Они более эмоционально окрашенные и позитивные, чем у участников других групп.

Таблица 2.

Примеры ответов респондентов

Пол, год рождения	Цель	Ожидания	Желания
Ж., 1944	7 слов: <i>Совершенствовать знания или обновить их. Быть активной.</i>	10 слов: <i>общения, новых знаний, совершенствовании компьютерных навыков; что-то необычного, самосовершенствования, оптимизма.</i>	11 слов: <i>быть активной, незаинтересованной; жить, а не прозябать у подъезда на лавочке.</i>
Ж., 1948	6 слов: <i>Чтобы получить дополнительное образование и кругозор.</i>	5 слов: <i>улучшить настроение, расширить круг общения.</i>	6 слов: <i>освободиться от привязанности к дому; расширить кругозор.</i>
Ж., 1949	21 слово: <i>очень всем интересуюсь, хочу получить знания, чтобы работали мозги у пожилых, надо постоянно их загружать, чтобы не засохли. А также для общения.</i>	31 слово: <i>поправить свое здоровье; улучшить жизнь в нашей стране; прибавки к пенсии и нормальной пенсии; что буду жить без болезней до 120 лет, а дальше посмотрим; своего омоложения и радости в жизни.</i>	24 слова: <i>чтобы люди были добрые, не ругались матом, были добрыми и грамотными; иметь отличное здоровье; обучаться в любом возрасте; заниматься танцами, йогой, цигун, скандинавской ходьбой.</i>
М., 1955	13 слов: <i>2е внуков, общение обучению, встреча новых знакомых, новой деятельность.</i>	12 слов: <i>обучение, нового и нужного, то, что буду ..., результатов, применения знаний, тесного контакта.</i>	17 слов: <i>активно, жить, 60 лет, познать мир, завести друзей, осуществить мечту, добиться успеха, быть нужным и полезным.</i>

У многих участников анкетирования, независимо от возрастной группы, встречается практически одинаковое количество слов в каждом из обозначенных пунктов. Это объясняется тем, что часто содержание всех трех пунктов у пожилых совпадают. Иными словами, в их сознании не существует четкого разделения между целями, желаниями и ожиданиями. Фактически, многие пожилые люди формулировали во всех трех пунктах только свои желания, которые они либо перефразировали в каждом отдельном пункте, либо практически дословно дублировали. Примеры ответов показаны в Таблице 2 (особенности орфографии и пунктуации ответов сохранены).

В связи с этим очевидно, что несмотря на то, что все три пункта заполнялись довольно активно, в действительности оказывается, что сформированных целей и ожиданий там практически нет. В каждом из пунктов наблюдаются желания субъектов (полностью дублированные или просто раскрывающие свою суть в соседнем пункте). Поэтому на этом этапе следует отметить, что социальная активность у пожилого человека (вышедшего на пенсию) стремительно угасает. Здесь можно говорить только о направленности, стремлении к какой-либо деятельности (выраженной в желаниях), то есть о начальном этапе, предшествующем социальной активности как таковой. Далее в описании диаграмм представлены желания и их соотношения в каждой возрастной группе.

Анализ результатов по возрастным группам

Группа 1 (1936–1945 г. рожд.: 26 человек)

В первой и самой старшей возрастной группе можно выделить пять основных категорий желаний: обучение – 26%, сохранение физического и психического здоровья – 19%, улучшение ситуации в городе, стране, мире – 15%, определение места в семье/обществе – 14% и желание коммуникации с другими людьми – 9% (Рис. 1). Как видно из результатов, приоритетное место занимает желание учиться. Вот только чему? Анализ ответов выявил отсутствие определенности по данной теме. Семантическое ядро общего текста (составлен-

ного из всех ответов данной группы) включает в себя следующие слова: знание (21 слова синонимичного ряда), интересный (12 слов), новый (8 слов). Фразы, в которых используются эти слова, не имеют поясняющих определений, в основном они выражают общее стремление к знанию: «получать новые знания» (ж., 1942), «познать новое» (ж., 1943), «чего-то познавательного» (ж., 1941). Проще говоря, пожилые люди не знают, чему хотят учиться. Единственная область знания, которую большинство из них непременно готово изучать – это компьютерная грамотность. Сюда входит владение компьютером, планшетом и смартфоном. Что касается стремления к познанию неопределённого нового, то с первого взгляда его можно принять за любознательность. Однако эта особенность указывает на возможность существования другого явления – зависимости познавательных желаний пожилых людей от их страхов. Эту гипотезу подтверждают другие желания, которые пожилые описывают вместе с желанием изучения «нового», это: не отставать от жизни, быть современной, более грамотной, не быть обузой.

Рис. 1. Категории желаний первой группы: 82–71 год (26 человек)

Помимо желания научиться новому у данной группы в число приоритетных категорий входят: сохранение физического и психического здоровья, улучшение ситуации в городе, стране, мире. Если основания для заботы о своем здоровье вполне понятны в виду значительного возраста (71–82 года), то наличие интереса к общественным и международным отношениям свидетельствует о более любопытной тенденции. В данной группе сохранился интерес и, возможно, направленность к коллективной идентификации, что нельзя сказать о двух других группах, так как там превалирует индивидуалистическая направленность. Стремление к коллективному самосознанию вполне объясняется тем, что участники первой группы большую часть своей сознательной жизни провели будучи гражданами социалистического общества, где и коллектив и совместная деятельность провозглашались ценностью. Это позволяет сделать **еще два предположения**: 1) индикаторы активности могут отличаться по содержанию; 2) чтобы стимулировать социальную активность данной группы, необходимы иные подходы, отличные от применяемых к остальным рассматриваемым здесь возрастным группам.

Группа 2 (1946–1955 г. рожд.: 53 человека)

Вторая группа участников анкетирования самая многочисленная, ее составляют 53 человека в возрасте от 63 до 72 лет. Результаты, полученные в ходе исследования, имеют неоднозначный характер, главным образом, в силу неоднородности ответов. На диаграмме (Рис. 2) видно, что приоритетное место также занимает желание учиться (31%). Оно на 5% выше, чем у предыдущей группы. На втором месте оказывается категория «Прочее» (15%), которая вмещает в себя нераспространенные (редкие) ответы. Сюда входят: благополучие семьи (2,91%), уважение к старости и забота о ней (2,84%), повышение культурного уровня сограждан (2,76%), чего-то хорошего (1,19%), дачного сезона (1,19%), нераспределенные ответы составляют 3,96%. Это единственная группа, в которой по количественным показателям (в процентном соотношении) категория «Прочее» занимает второе место.

Рис. 2. Категории желаний второй группы: 72–63 год (53 человека)

На третьем месте располагается желание иметь место в семье и обществе (14%). Для этой возрастной группы потребность социализироваться в современном обществе становится более актуальной, чем для предыдущей. На четвертом месте стоит желание сохранить свое психическое и физическое здоровье (11%). Далее идут пять категорий желаний с низкими количественными показателями (от 8 до 4%): коммуникация (8%), улучшение ситуации в стране и мире (7%), дотации (5%), доступ / получение информации (5%), развлечения (4%). Такое сильное разложение желаний и интересов может говорить о сильной слоистости данной возрастной группы. В основании этой слоистости могут лежать разные социальные предпосылки: противоречия между коллективистской и индивидуалистической культурой (так как именно в этой группе есть представители и той, и другой), предыдущий статус в обществе и профессия, отношения в семье и др. Данных этого эмпирического исследования недостаточно, чтобы с уверенностью говорить об основаниях этого явления. Выявление этих оснований является плодотворной темой для дальнейших исследований.

Несомненно, вторая группа представляет наибольшие сложности с точки зрения анализа индикаторов ее социальной активности, а также выработки инструментов для ее актуализации. Однако результаты этой группы следует рассматривать в качестве приоритетных, поскольку именно представители этой группы в настоящее время составляют ядро социальной группы пенсионеров.

Группа 3 (1956–1961 г. рожд.: 15 человек)

Третья группа участников анкетирования самая немногочисленная (15 человек). Между тем, результаты, показанные этой группой, любопытны с точки зрения наличия остаточной социальной активности у некоторых ее представителей. На это указывают четыре основные категории желаний (Рис. 3): обучение (41%), место в семье, обществе (14%), коммуникация (11%), улучшение жизни (11%). Стремление к новым знаниям у этой группы больше, чем у двух предыдущих, причем оно не только конкретизировано в формулировках, многие участники утверждают, что у них уже есть базовые знания в той или иной дисциплине, и они хотят эти знания расширить и углубить.

Рассмотрим примеры подобных утверждений: Ж., 1958: *«[хочу] знать о новых пенсионных законах и о правах пенсионеров, быть в курсе политической жизни и социальной политики пожилых; хочется разнообразить жизнь пенсионера, возможно, узнать, где можно нам подработать»*; Ж., 1961: *«[жду] возможности развивать свои интеллектуальные возможности, улучшать когнитивные способности (память, мышление); возможности пополнить мои знания в таких областях как: психология, культурология, философия, логика»*. У многих представителей группы наблюдается четкая направленность к освоению определенных навыков. Сформировавшиеся желания указывают на то, что перспектива дальнейшей деятельности уже сформирована, а значит, уже есть цель, что есть первый шаг к началу деятельности, а значит и социальной активности.

Также в отличие от других, участники третьей группы более расположены к общению, в том числе с другими поколениями. Они

также больше заинтересованы в изучении иностранных языков с целью путешествий и коммуникации: Ж., 1957: «[хочу] общаться с жителями разных стран на английском»; Ж., 1958: «[хочу] побольше общаться и знакомиться с новыми людьми; ходить с группой в музей, смотреть и обсуждать фильмы». В общем, эта группа более оптимистична в своих желаниях. Многие ее представители рассчитывают на улучшение своей жизни в будущем, хотят наполнить ее положительными эмоциями благодаря новой и интересной деятельности. В этом плане третья группа более перспективна в актуализации своей социальной активности. У ее представителей ярко выражена направленность к деятельности, и все, что им нужно для ее реализации – это сформированная площадка возможностей.

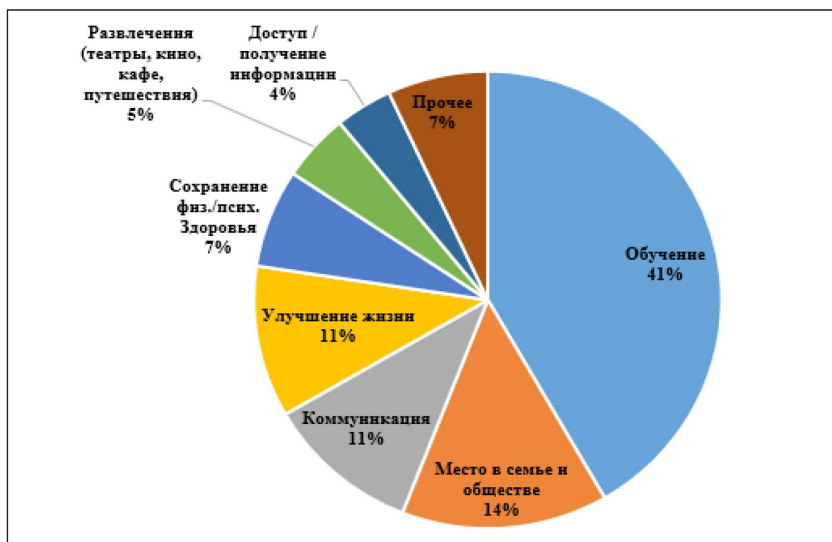

Рис. 3. Категории желаний третьей группы: 62–57 год (15 человек)

В ближайшие 10 лет представители третьей возрастной группы станут ядром социальной группы пенсионеров. По данным расчета Аналитического центра Росстата к 2028 году численность населения старше трудоспособного возраста составит 28,1% от общей численности населения [10]. Поэтому так важно развивать соци-

альную активность у этой группы уже сейчас, чтобы в недалеком будущем 30% населения не оказались за пределами общественных отношений, а оставались их активными участниками.

Выводы

Анализ результатов анкетирования трех возрастных групп позволил сделать следующие выводы относительно индикаторов социальной активности пожилых. Во-первых, исследование показало, что у участников анкетирования практически отсутствуют ожидания (инструмент и условия не позволили выявить ожидания).

Анализ ответов на вопросы о цели обучения в «Университете пожилых», желаниях и ожиданиях выявил только направленность (тяготение) к какой-либо деятельности. Другими словами, в ответах на все три вопроса пожилые формулировали только свои желания.

Во-вторых, желания участников каждой группы отличаются по эмоциональной окраске, ясности и определенности формулировки. Если у третьей, самой молодой среди пожилых, группы почти все участники конкретно описывают свои желания, то у первой группы, чаще всего встречаются наиболее общие фразы, лишённые определенности: научиться чему-нибудь новому и интересному.

В-третьих, существует разница в ценностных ориентирах у групп. У первой (самой старшей) группы сохранилась коллективная направленность, в двух других превалирует индивидуалистическая. Наличие разных ценностных ориентиров предполагает несколько видов активности, следовательно, различных форм деятельности. В социальной работе с пожилыми необходимо это учитывать.

В-четвертых, третья группа является наиболее перспективной для возобновления социальной активности. Их желания более яркие и оптимистичные, что указывает на тенденцию к дальнейшей деятельности при наличии правильных условий и возможностей. Между тем, представители второй группы являются на данный момент ядром социальной группы пожилых. Тем дальнейшее исследование неоднородности их желаний и слоистости внутри группы.

Отдельно следует сказать о соотношении общих для каждой из трех групп категорий:

- 1) У всех трех групп есть общие категории желаний, которые входят в список приоритетных, это: желание учиться, коммуницировать, занять свое место в семье/обществе, сохранить физическое и психологическое здоровье (Рис. 4). У всех трех групп на первом месте стоит желание учиться, и чем меньше возраст, тем выше это желание в процентном соотношении. Соответственно, у первой группы он равняется 26%, у второй – 31% и у третьей – 41%.

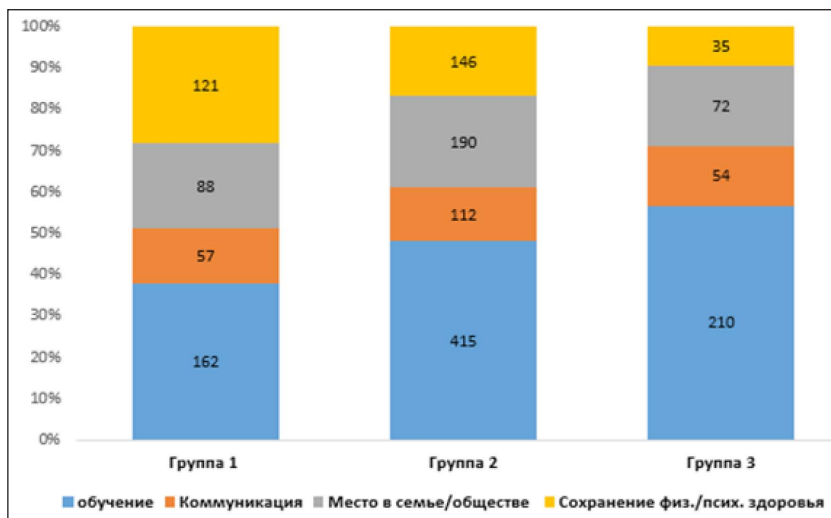

Рис. 4. Соотношение общих для трех групп категорий желаний (по количеству использованных слов)

- 2) Категория «Сохранение физического и психологического здоровья», хотя и входит в список желаний пожилых всех трех групп, первого места не занимают. У первой (самой пожилой) группы оно находится на 2 месте (19%), у второй – на третьем (11%), у третьей – на пятом (7%). Поэтому можно сказать, что сохранение психического и физиологического здоровья не является абсолютным приоритетом у пожилых людей, если у них имеет место

хотя бы простая направленность к деятельности (выраженная в желаниях). Этот принцип подтверждают результаты анкетирования даже самых возрастных представителей среди пенсионеров.

- 3) Одни и те же желания у разных групп имеют различные основания. Это справедливо для желания учиться. У третьей группы это желание основывается на стремлении использовать будущие навыки в качестве инструмента в новой деятельности. Для третьей группы это скорее необходимость вызванная страхом несоответствия перед современной действительностью, а также пред старением и увяданием когнитивных способностей.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Александрова М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., 1974. 243 с.
3. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Под редакцией А. А. Бодалаева. М.: Изд-во «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК». 1996. 384 с.
4. Анцыферова Л.И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психологический журнал. 1994. №3. Т. 15. С. 99–105.
5. Гудзовская А.А. К постановке проблемы социальных ожиданий субъектов образовательного процесса в отношении детской одаренности // Социальные явления. 2015. №3. С. 83–87.
6. Гудзовская А.А., Проскурина А.А. Роль социальных ожиданий в проявлении творчества и одаренности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. №6. С. 124–138.
7. Дмитриев А.В. Социальные проблемы пожилого возраста. М., 1980. 104 с.
8. Дьюи Д. Введение в философию воспитания. Пер. с англ. М., 1921. 62 с.
9. Мордкович В.Г. Социальная активность личности // Социализм и личность / Под ред. Л.М. Архангельского. М.: Наука. 1979. С. 152–171.
10. Наянова М. В. Научные подходы к рассмотрению ожидания как деятельности // Социальные явления. 2016. №1(4). С. 3–6.

11. Нечаев А.В. Желания и ожидания: социально-философский взгляд // Социальные явления. 2015. № 1(3). С. 10–21.
12. Нечаев А.В. О деятельности – на самом деле // Социальные явления. 2016. №2(5). С. 5–22.
13. Нечаев А.В. Онтология одиночества: Рассуждения о природе человеческого одиночества. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004, 282 с.
14. Песина Е.А. Ожидания в бытии пожилого человека // Социальные явления. 2016. №1(4). С. 79–84.
15. Проскурина А.А. Место социальных институтов в системе ожиданий общества в отношении развития личности // Социальные явления. 2015. №1(3). С. 22–31.
16. Самарцева О.К., Гудзовская А.А. Типы социальных ожиданий родителей в отношении образовательного учреждения (по результатам эмпирического исследования) // Социальные явления. 2015. №1(3). С. 83–87.
17. Социальный бюллетень №5 «Пожилое население России: проблемы и перспективы», март 2016 г. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf> (дата обращения 31.08.2018).
18. Шапиро В.Д. Человек на пенсии: Социальные проблемы и образ жизни. М.: Мысль, 1980. 208 с.
19. Щукина Н.П. Институт взаимопомощи в социальной поддержке пожилых людей. М.: Дашков и К. 2003. 412 с.
20. Burroughs H., Lovell K., Morley M., Baldwin R., Burns A., & Chew-Graham C. ‘Justifiable depression’: how primary care professionals and patients view late-life depression? A qualitative study. *Family Practice*, 23(3) (2006): 369–377. doi: 23.369-77.10.1093/fampra/cmi115.
21. Evangelista R.A., Assis Bueno A. de, Castro P.A. de, Nascimento J.N., Araujo N.T., Aires G.P. Perceptions and experiences of elderly residents in asylum. *Revista da escola de enfermagem da USP*, 48(2014): 81–86.
22. Horgas A.L., Wahl H.W., Baltes M.M. “Dependency in late life.” *The Practical Handbook of Clinical Gerontology*. Sage Publications, Thousand Oaks, (1996): 54–75.
23. Izal M., Montorio I., Márquez M., & Losada A. Caregivers’ expectations and care receivers’ competence Lawton’s ecological model of adaptation

- and aging revised. *Archives of gerontology and geriatrics*, 41 (2005): 129-40. doi: 10.1016/j.archger.2005.01.001.
24. Merighi M.A.B., Oliveira D.M. de, Jesus M.C.P. de, Souto R.Q., Thama-da A.A. Elderly women: revealing their experiences and needs. *Revista da escola de enfermagem da USP*, 47(2)(2013): 408–414.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [Strategy of life]. Moscow: Mysl', 1991. 299 p.
2. Aleksandrova M.D. *Problemy sotsial'noy i psikhologicheskoy gerontologii* [Issues of social and psychological gerontology]. Leningrad, 1974. 243 p.
3. Anan'yev B.G. *Psikhologiya i problemy chelovekoznaniya* [Psychology and issues of anthropology] / Edited by A.A. Bodalayeva. Moscow: Izdvo «Institut prakticheskoy psikhologii». Voronezh: NPO «MOD·EK». 1996. 384 p.
4. Antsyferova L.I. “Novyye stadii pozdney zhizni: vremya teploy oseni ili surovoy zimy?” [“The new stages of old age: is it the time of warm Autumn or cold winter.”]. *Psikhologicheskij zhurnal*. no 3(15) 1994: 99–105.
5. Gudzovskaya A.A. “K postanovke problemy sotsial'nykh ozhidaniy sub'ektiv obrazovatel'nogo protsessa v otnoshenii detskoj odarennosti” [“On the issue of social expectations of educational process participants for giftedness in children”]. *Social Phenomena*. no 3(2015): 83–87.
6. Gudzovskaya A.A., Proskurina A.A. Rol' sotsial'nykh ozhidaniy v proyavlenii tvorchestva i odarennosti [The role of expectations in stimulating creativity and giftedness]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzoryisovremennyeissledovaniya*. no 6 (2015): 124–138.
7. Dmitriyev A.V. *Sotsial'nyye problemy pozhilogo vozrasta* [Social issues old age]. Moscow, 1980. 104 p.
8. Dewey D. *An Introduction to the Philosophy of Education* (Russian edition). Moscow, 1921.
9. Mordkovich V.G. “Sotsial'naya aktivnost' lichnosti” [Social activity of a person] In *Sotsializm i lichnost'* [Socialism and personality] / edited by L.M. Arkhangel'skogo. Moscow, Nauka. 1979. 152–171.

10. Nayanova M.V. Nauchnye podkhody k rassmotreniyu ozhidaniya kak deyatel'nosti [Research approaches to expectation as activity]. *Social Phenomena*. no 1(4) (2016): 3–6.
11. Nechaev A.V. “Zhelaniya i ozhidaniya: sotsial’no-filosofskiy vzglyad” [“Wishes and expectations: a social philosophic view.”]. *Social Phenomena*. no 1(3) (2015): 10–21.
12. Nechaev A.V. “O deyatel’nosti – na samom dele” [“About Activity – Indeed.”]. *Social Phenomena*. no 2(5) (2016): 5–22.
13. Nechaev A.V. *Ontologiya odinochestva* [Ontology of loneliness] Samara: Izd-vo «Samarskiy universitet», 2004.
14. Pesina E.A. “Ozhidaniya v bytii pozhilogo cheloveka” [“Expectations in elderly people’s being.”]. *Social Phenomena* no 1(4). (2016): 79–84.
15. Proskurina A.A. “Mesto sotsial’nykh institutov v sisteme ozhidaniy obshchestva v otnoshenii razvitiya lichnosti” [“The part of social institutions in the system of expectations of society for the development of an individual.”]. *Social Phenomena*. no 1(3) (2015): 22–31.
16. Samartseva O.K., Gudzovskaya A.A. “Tipy sotsial’nykh ozhidaniy roditeley v otnoshenii obrazovatel’nogo uchrezhdeniya (po rezul’tatam empiricheskogo issledovaniya)” [“The types of social expectations of parents for educational institutions (results of empirical study).”]. *Social Phenomena*. no 1(3) (2015): 83–87.
17. *Sotsial’nyy byulleten’ №5 «Pozhiloe naselenie Rossii: problemy i perspektivy», mart 2016* [Social newsletter №5 “The elderly population of Russia: problems and prospects”, March 2016]. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/8485.pdf> (accessed August 31, 2018).
18. Shapiro V.D. *Chelovek na pensii: Sotsial’nyye problemy i obraz zhizni* [A retired person: Social issues of this way of life]. Moscow: Mysl’, 1980.
19. Shchukina N.P. *Institut vzaimopomoshchi v sotsial’noy pod-derzhke pozhilykh lyudey* [Institute of mutual aid and social service of elderly people]. Moscow: Dashkov i K. 2003.
20. Burroughs H., Lovell K., Morley M., Baldwin R., Burns A., & Chew-Graham C. ‘Justifiable depression’: how primary care professionals and patients view late-life depression? A qualitative study. *Family Practice*, 23(3) (2006): 369–377. doi: 23.369-77.10.1093/fampra/cmi115.

21. Evangelista R.A., Assis Bueno A. de, Castro P.A. de, Nascimento J.N., Araujo N.T., Aires G.P. Perceptions and experiences of elderly residents in asylum. *Revista da escola de enfermagem da USP*, 48(2014): 81–86.
22. Horgas A.L., Wahl H.W., Baltes M.M. “Dependency in late life.” *The Practical Handbook of Clinical Gerontology*. Sage Publications, Thousand Oaks, (1996): 54–75.
23. Izal M., Montorio I., Márquez M., & Losada A. Caregivers’ expectations and care receivers’ competence Lawton’s ecological model of adaptation and aging revised. *Archives of gerontology and geriatrics*, 41 (2005): 129-40. doi: 10.1016/j.archger.2005.01.001.
24. Merighi M.A.B., Oliveira D.M. de, Jesus M.C.P. de, Souto R. Q., Thama-da A.A. Elderly women: revealing their experiences and needs. *Revista da escola de enfermagem da USP*, 47(2) (2013): 408–414.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Песина Евгения Александровна, младший научный сотрудник
Института изучения общественных явлений (Самара), аспирант
кафедры философии
ГБОУ ВО СО «Самарской государственной областной академии (Наяновой)»
ул. Молодогвардейская, 196, г. Самара, Самарская обл., 443001,
Российская Федерация
eapessina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pesina Evgeniya Aleksandrovna, Junior Researcher at Institute for Research on Social Phenomena (Samara), PhD student
Samara State Regional Academy (Nayanova)
196, Molodogvardeyskaya Str., Samara, Samara Region, 443001,
Russian Federation
eapessina@gmail.com
SPIN-code: 7260-4724
ORCID: 0000-0002-4405-2721

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://ej.soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области психологии и педагогики, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://ej.soc-journal.ru/en/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of psychology and pedagogy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ИГРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ Андросова Ю.В.	6
ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ОСНОВА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ Боязитова И.В., Эркенова М.М.	19
ОБРАЗ ЖИЗНИ В ИЗМЕРЕНИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОБИЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ СБОРА И АНАЛИЗА ДАННЫХ О ПЕРЕМЕЩЕНИЯХ ГОРОЖАН Давыдкина Л.В.	41
ПРОБЛЕМНЫЕ И РЕСУРСНЫЕ ЗОНЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ОСЕТИН Дреев О.И., Дреева С.В.	62
ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНФЛИКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ С ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О РОДИТЕЛЬСКОМ ВОСПИТАНИИ Капустина В.А., Карманова В.В.	81
ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЫ Кокоева Р.Т.	103
ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИВНОСТИ И ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИЧНОСТИ В СВЯЗИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ ПО ЗРЕНИЮ Краснов А.В., Баширова Э.Э.	114

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ Мерзлякова С.В., Кулигина Н.В.	127
ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕДАГОГОВ В СИТУАЦИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ Садовникова Н.О.	140
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ ПЕДАГОГАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА ЛИЧНОСТИ Садовникова Н.О.	161
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ (НА ПРИМЕРЕ ГРУПП С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА) Сморкалова Т.Л.	181
СОЦИАЛЬНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА В ТРУДАХ КАРЕН ХОРНИ Тузова О.Н., Дресвянина Н.В.	196
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
РОЛЬ ЖЕЛАНИЙ И ОЖИДАНИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) Песина Е.А.	207
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	229

CONTENTS

PSYCHOLOGICAL STUDIES

GAME PREFERENCES OF PRE-SCHOOL CHILDREN IN A BILINGUAL ENVIRONMENT Androsova Y.V.	6
PERSONALITY POTENTIAL AS THE BASIS OF HARDINESS IN STUDENT AGE Boyazitova I.V., Erkenova M.M.	19
LIFE STYLE IN A MIRROR OF SPATIAL MOBILITY: METHODOLOGY OF GATHERING AND ANALYSIS OF DATA ON CITIZENS MOVEMENTS Davydkina L.V.	41
PROBLEM AND RESOURCE ZONES OF PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF LIFE OF MODERN OSSETIANS Dreev O.I., Dreeva S.V.	62
THE CORRELATION BETWEEN CONFLICT COMPETENCE OF ADOLESCENTS AND THEIR REPRESENTATIONS OF PARENTING Kapustina V.A., Karmanova V.V.	81
STUDY OF THE ANXIETY OF BELIEVERS AND NON-BELIEVERS AMONG YOUNG PEOPLE Kokoeva R.T.	103
ASSOCIATION OF AGGRESSION, VALUES AND MOTIVES OF VISUALLY IMPAIRED PEOPLE Krasnov A.V., Bashirova E.E.	114
FEATURES OF MOTIVATION OF HEALTH CARE WORKERS' PROFESSIONAL ACTIVITY Merzlyakova S.V., Kuligina N.V.	127

COPING BEHAVIOR OF TEACHERS IN THE SITUATION OF EXPERIENCE OF THE PROFESSIONAL CRISIS OF PERSONALITY Sadovnikova N.O.	140
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE EXPERIENCING BY TEACHERS OF THE PROFESSIONAL CRISIS OF PERSONALITY Sadovnikova N.O.	161
STUDYING THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL INTELLECT AND COPING STRATEGIES (BY THE EXAMPLE OF GROUPS WITH DIFFERENT LEVELS OF SOCIAL INTELLECT) Smorkalova T.L.	181
THE SOCIAL DETERMINANTS OF INTRAPERSONAL CONFLICT IN WORKS KAREN HORNEY Tuzova O.N., Dresvyanina N.V.	196
INTERDISCIPLINARY RESEARCH	
THE ROLE OF DESIRES AND EXPECTATIONS IN SOCIAL ACTIVITY OF ELDERLY PEOPLE (RESULTS OF THE IMPIRICAL STUDY) Pesina E.A.	207
RULES FOR AUTHORS	229

ДОСТУП К ЖУРНАЛУ

Доступ ко всем номерам журнала – постоянный, свободный и бесплатный.

Каждый номер содержится в едином файле PDF.

OPEN ACCESS POLICY

All issues of the Russian Journal of Education and Psychology

are always open and free access.

Each entire issue is downloadable as a single PDF file.

<http://ej.soc-journal.ru/>

Подписано в печать 25.12.2018. Дата выхода в свет 25.11.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 16,95. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP912/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.